РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

М.Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

КАК МЫ ПРЕДАВАЛИ СТАЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

М.Н. Тухачевский – один из первых маршалов Советского Союза – с И.В. Сталиным был знаком еще с гражданской войны. Неудачу Варшавской операции 1920 г. Тухачевский приписывал именно Сталину. В дальнейшем М. Тухачевский наладил широкие контакты с немецким Генеральным штабом и пытался с помощью немцев организовать заговор против Сталина в 1937 г. После раскрытия заговора Тухачевский был осужден и расстрелян, однако при Хрущеве реабилитирован как невинно осужденный.

В книгу, представленную вашему вниманию, вошли собственные показания Тухачевского и его соучастников на следствии и суде. Характер этих показаний делает невозможным их получение в результате «незаконных методов следствия», как утверждалось Хрущевым, – они содержат уникальные военно-технические подробности заговора, а также рисуют его картину с множеством деталей, известных лишь самим заговорщикам.

- М. Н. Тухачевский
- Предисловие
-
-
-
-
-
- М. Н. Тухачевский. «Восстание – лучший способ достижения победы»
- Стратегия национальная и классовая (Лекция, прочитанная М. Н. Тухачевским в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 г.)
-
- Буржуазия об армии пролетариата (Статья М. Н. Тухачевского в газете «Правда», 1928, 23 февраля, № 46)
-
-
-
- Ударничество и социалистическое соревнование на маневрах (Из книги М. Н. Тухачевского «Памятка красноармейцу на маневрах», 1937 г.)
-
- «Под напором товарища Сталина…» (Из речи М. Н. Тухачевского на XVII съезде ВКП(б) 4 февраля 1934 г.)

- М. Н. Тухачевский. «Признаю наличие заговора и то, что я был во главе его»
- Показания М. Н. Тухачевского от 26 мая 1937 года
-
-
- Показания М. Н. Тухачевского от 1 июня 1937 года
-
-
-

- Приказ народного комиссара обороны Союза ССР
-
-
- Приложения
- Г. Ферр, В. Бобров Маршал С. М. Буденный о суде над Тухачевским
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- Письмо С. М. Буденного маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову
-
-
-
- И. Шеховцов Фальсификация века: кровь Тухачевского на протоколе допроса
-
-
-
-

М. Н. Тухачевский
Как мы предавали Сталина

©ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Предисловие

Официальная история не всегда бывает правдивой. Пример тому – Ричард III, оставшийся в памяти потомков в образе горбатого злодея. В то же время, есть мнение, что он был доблестным воином, а злодеем и узурпатором был свергнувший его Генрих VII Тюдор. Темна и противоречива история нашего собственного «злодея» Лаврентия Берия, которого мы долгое время знали как палача и аморального типа, а потом уже как создателя нашей атомной и водородной бомбы. Существенный вопрос нашей истории относится к заговору Тухачевского и других военных. Без ясности в этом деле невозможно отделить правду ото лжи в сталинском периоде истории.

Сталин руководил войной не «по глобусу», хотя мы и такое слышали. Он поднял нашу страну на беспрецедентную высоту и создал все те условия жизни, производительные силы и национальные ценности, которые мы еще сохранили. Разве не важно знать, в чем алгоритм его успеха, где зарыта его волшебная палочка? Почему десятилетиями скрывалась правда о том, за что он расправился с военными в 30-х годах? В чем была суть того конфликта?

Давайте вспомним: что утверждал по этому вопросу сам Сталин?

За 10 дней до суда над Тухачевским и его подельниками 2 июня 1937 года Сталин выступает на расширенном заседании Военного совета, имея в руках материалы следствия. Он называет 13 человек – руководителей заговора. Это Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Он говорил: «Если бы вы прочитали план, как они хотели захватить Кремль: Начали с малого – с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках: Кремль у нас в руках, т. к. Петерсон с нами. Московский округ, Корк и Горбачев тоже с нами. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон, и всякая такая штука, и ты окажешься на мели».

Сталин – политик. Он говорит осторожно, адаптируя свое выступление так, чтобы его поняли как надо.

Но что он имел в виду?

В 1927 году в политической борьбе были разгромлены троцкисты, которые считали, что Сталин неправильно руководит партией и страной (много бюрократизма и мало демократизма). Говоря проще, им не нравились диктаторские методы руководства Сталина, то есть их собственные методы, примененные к ним же самим.

Недовольным было трудно и почти невозможно представить, что Сталин сможет проводить независимую внешнюю политику в таком грозном окружении, что он сможет создать могущественные вооруженные силы своего времени и, вступив в схватку с самой мощной сухопутной армией мира, опирающейся на ресурсы практически всей континентальной Европы, выстоит и победит.

Конечно, «разумным людям» («реалистам» и скептикам) принадлежат хорошие минуты (легко ничего не брать на себя), лучшие же, как известно, достаются «безрассудным». А когда Запад, который «есть Запад» и Восток, который «есть Восток», сходятся, наваливаясь на рубежи твоей Родины, приходится принимать экстраординарные решения. Сталин, как потом увидел мир, это делать умел. Решительно и беспощадно начал он свой труд великого государственного деятеля по форсированной индустриализации страны.

* * *

Романтики коммунизма, теоретики марксизма, полководцы, овеянные славой побед в гражданской войне, вся большевистская элита оказывала сопротивление этому не похожему на них вождю. Они ведь понимали, что в сравнении с битвой гигантов мировой войны их война была доблестной, но несколько упрощенной, и даже утрированной, с дефицитами боеприпасов и продовольствия, с неустойчивыми и подвижными линиями фронтов, с дезорганизованными тылами и отсутствующими резервами. Они помнили, как при подготовке польского похода умный штабист Лебедев их предупреждал: «Европа нам насыплет». Без Ленина они переставали быть настоящими «ленинцами», теряли главные компоненты своих достоинств революционеров и становились самими собой («реалистами» и скептиками). Оказавшись вне поля ленинского интеллекта и задумываясь своим умом, они уже не верили в возможность для России превращения в современную военную державу, а, следовательно, в возможность для нее самостоятельной политики и самостоятельной судьбы.

А он, бывший уже тогда на фронтах гражданской войны «непревзойденным мастером», как заметит впоследствии Черчилль, «находить выход из безвыходных положений», нет, не верил, а знал, где проложить единственный путь возрождения России, и вел народ, который шел за ним, чуждый умникам, его ненавидящим. И народ понимал, что именно Сталин, как полагалось коммунисту, несет свой крест во имя его интересов, и ни перед чем, как и полагалось революционеру, в той «борьбе роковой» не остановится. Народ и сейчас понимает: как только начинается очередная блудливая кампания против Ленина или Сталина, это значит, что готовится очередной обман и ограбление, очередной виток разрушения России.

Примерно в то время, в начале 30-х годов, оригинальный автор – национал-большевик Дмитриевский бежал за границу и там опубликовал книгу «Сталин – предтеча национальной революции», в которой пишет:

«Кажется невероятным, но это факт: карикатурное представление о Сталине за границей создалось главным образом под влиянием разных дипломатических и торговых представителей советской власти.

Иностранцы, люди дела, понимающие значение сильной личности в истории, часто спрашивали их в интимных разговорах: скажите: что такое Сталин? И обычно получали в ответ: Сталин? Грязный, грубый беспринципный делец, рассеявший весь цвет интеллигенции нашей партии и опирающийся на таких же темных и грязных людей, как он сам. Полное идейное ничтожество. Моральный урод.

Надо, впрочем, сказать, что примерно то же мнение долго господствовало и в обывательских кругах самой России. Я не говорю уже об эмиграции, где формирующие общественное мнение люди и органы печати в подавляющем большинстве видят в людях, руководящих нынешней Россией, только преступников, только анормальных либо совершенно ничтожных людей. Не надо забывать, что заграничные представительства Советов долгое время комплектовались из политических отбросов – людей ненужных и нежелательных внутри страны. Троцкистами и «болотом» кишела, и сейчас еще кишит заграница. Зависть и злоба – плохие орудия политической борьбы. Рано или поздно жизнь приходит со своими аргументами – на смену легенде создает реальное представление о людях и вещах. Сталина, как и людей, сейчас его окружающих, надо знать такими, как они есть, со всеми их недостатками – но и со всей их силой. Ибо только так можно объяснить историю нашего настоящего – и только так можно ориентироваться на сложных путях будущего.

Надо понять: люди, особенно в начале всякого большого и нового исторического пути, являются – вплоть до самых великих – бессознательными орудиями истории. Искренне верят, что идут по одному пути – на самом же деле давно перешли на другой. Путь, казавшийся в России вначале путем абстрактной международной пролетарской революции, оказался, в конце концов, революцией русской: имеющей, правда, как всякая великая революция, мировые задачи и мировое влияние, но в основе своей являющейся национальной. И люди, которые в начале искренне считали себя только коммунистами, стали сейчас национал-коммунистами, а многие из них стоят уже на пороге чистого русского национализма.

Истекший год принес много изменений в самой России – и в частности в ее правящих ныне слоях. Год назад у верхушки власти все кишело червями термидорианского перерождения, людьми «болота». Казалось: они господа положения, они ведут.

Они оказались сейчас в подавляющем большинстве выброшенными за борт самим Сталиным.

Наверх поднимаются все в большем количестве люди народа. Они несут с собой наверх большой у одних еще неосознанный, у других уже осознанный национализм. Национализмом является окончательно победившая там идея «социализма в одной стране». Национализм – «индустриализация». Национализм – все чаще звучащее утверждение: у нас есть свое отечество, и мы будем его защищать. Национализм – все чаще появляющееся именно там сравнение нашей эпохи с эпохой Петра Великого, что, безусловно, верно, с той только разницей, что масштабы нашей эпохи больше, и в деле революционного преобразования России принимают участие гораздо более широкие, чем тогда, народные слои».

* * *

Эта книга была впервые издана в 1931 году в Берлине. Автор, хоть и защищает Сталина, но имеет свои убеждения, которых Сталин официально не разделяет, но как утверждает Дмитриевский, на деле реализует, по той простой причине, что революции движутся народными массами, а вожди только улавливают вектор этих устремлений.

Находясь постоянно на подпольной работе в России и часто оказываясь в заключении, неприхотливый и почти нищий Сталин должен был пользоваться сочувствием простых русских людей, неизменно добрых к отверженным. С представителями элиты партии у угловатого, говорящего с сильным грузинским

акцентом, но проницательного и властного Сталина отношения всегда складывались тяжело, и он привык к неприязни этой среды, мало обращая на нее внимания. Но в этой атмосфере вражды и недоброжелательности один за другим погибают очень близкие ему люди: Надежда Алилуева в 1932-м году, Сергей Миронович Киров в 1934-м году, Серго Орджоникидзе в 1937-м.

Сталин корил себя, что поздно спохватился (надо было обратить внимание на всепроникающий смрад контрреволюции «еще четыре года назад»).

Он не поверил в единоличную вину Николаева в убийстве Кирова. Сталин понимал, что все надо взять в свои руки. Уже в феврале 1935 года Н. И. Ежов становится секретарем ЦК, а затем председателем КПК и начинает плотно курировать НКВД. Хотя Ягоде это понравиться не могло, отношение к нему лично было предельно корректным и доброжелательным. Первым, на кого обрушился Ежов, был Енукидзе, обвиненный (и, скорее всего, вполне справедливо) в моральном разложении. Именно Енукидзе был прототипом персонажа булгаковского произведения «Мастер и Маргарита», который требовал разоблачений и получил их в свой адрес. Сцена закончилась фривольной песенкой: «Его превосходительство любил домашних птиц и брал под покровительство хорошеньких девиц».

Но дело было не только в моральном разложении Енукидзе. В ведении Енукидзе находилась охрана Кремля и служба того самого Петерсона, о котором Сталин говорил в своем выступлении на расширенном заседании Военного совета 2 июня 1937 года.

Зиновьев показал на следствии, что решение троцкистско-зиновьевского блока об убийстве Сталина было принято по настоянию троцкистов Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна, и у них имелась прямая директива на это от Троцкого. Участник троцкистско-зиновьевского блока Е. А. Драйцер признал, что такую директиву от Троцкого и он получил в 1934 году.

Подготовка к дворцовому перевороту происходила и в ведомстве Ягоды. Его замом Аграновым, начальником правительственной охраны Паукером, его замом Воловичем и капитаном Гинцелем в начале 1936 года была сформирована рота боевиков для захвата Кремля и ареста Сталина. Ходили слухи о государственном перевороте, намеченном на 1 мая 1936 года.

В марте 1935 года Енукидзе был освобожден от обязанностей секретаря ЦИК СССР, а в июне был выведен из состава ЦК ВКП(б) и исключен из партии.

Летом 1936 года были арестованы комдив Шмидт, зам. командующего Ленинградским ВО комкор Примаков (жена

Примакова Лиля Брик была агентом НКВД и, в отличие от других жен, никогда не преследовалась), военный атташе в Великобритании комкор Путна. Все они были троцкистами.

В августе 1936 года процесс над Зиновьевым, Каменевым, троцкистами Смирновым, Мрачковским, Тер-Ваганяном закончился смертными приговорами. Вышинский тут же сообщил о расследовании в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека, Пятакова, Сокольникова и Серебрякова.

26 сентября 1936 года Ежов заменил Ягоду на посту руководителя НКВД.

18 февраля 1937 года покончил с собой Серго Орджоникидзе. Был ли он причастен к заговору, не выяснено. Во всяком случае, за несколько дней до самоубийства Орджоникидзе в его квартире был произведен обыск. Два других видных члена команды Сталина Бубнов и Рудзутак тоже попали в число репрессированных. У следствия были материалы на Мерецкова (начальника штаба у Уборевича) и, более того, на Буденного и Тимошенко, но этих троих не тронули. Думается, они просто сами сообщили Сталину о заговоре.

Версия Шелленберга о том, что они с Гейдрихом с одобрения Гитлера передали (даже продали) через Бенеша информацию о заговоре Сталину, отрицалась компетентными людьми в Германии (Шпальке) и у нас (Судоплатовым). Есть мнение, что и сами мемуары Шелленберга – это одна из многих фальшивок Интеллидженс Сервис, которые эта служба Британии постоянно практикует в качестве идеологических инструментов своей политики. Шелленберг мемуары написать не успел. Их написали за него уже после его смерти.

* * *

3 апреля Ягода был арестован. Были арестованы Агранов, Паукер, Волович, Гинцель и др. Многие из сотрудников Ягоды покончили с собой. В мае начались аресты среди высшего комсостава. Были арестованы: командующий Приволжским ВО маршал М.Н Тухачевский, начальник Управления кадров Красной Армии Б. М. Фельдман, председатель совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман, начальник военной академии им. Фрунзе А. И. Корк, командующий Белорусским ВО И. П. Уборевич, командующий Ленинградским ВО И. Э. Якир. Начальник политического управления Красной Армии Я. Б. Гамарник покончил с собой. Сразу после ареста Тухачевского, Вальтер Кривицкий (руководитель военной разведки в Европе, близко

связанный с Троцким и Тухачевским) покинул СССР. Вскоре он перебежал на Запад. Аресты верхушки военного командования происходили с 19 по 31 мая 1937 года. 11 июня был вынесен приговор, а на следующий день приговор был приведен в исполнение.

Материалы следствия создают цельную картину, которая выглядит следующим образом. Все арестованные признаются в участии в заговоре, и все признают Тухачевского руководителем заговора, начало которого относят на 1931–1932 годы. Ближайшими соратниками Тухачевского являлись Гамарник, Уборевич, Фельдман и Корк. Хотя Примаков и Путна были троцкистами, и следствие усиленно выявляло связь с Троцким, заговор выглядит ориентированным на правых.

С правыми были связаны Ягода и тот же Енукидзе. Доводы Бухарина, Рыкова, Томского были близки основной массе военных. План захвата Кремля готовился с 1934 г. и намечался на 1936 год, «когда Гитлером будет завершена подготовка к войне». Главную роль здесь играли: Тухачевский М. Н., Якир Ю. Э., Уборевич И. П., Гамарник Я. Б., Егоров Н. Г. (командир училища кремлевских курсантов, находящегося на территории Кремля), Горбачев Б. С. (зам начальника московского гарнизона), Енукидзе А., Петерсон Р. А. (комендант Кремля до 1935 года), Паукер, Бубнов.

Согласно признаниям Тухачевского он был вовлечен Енукидзе в организацию правых еще в 1928 г., и с 1934 г. был лично связан с Бухариным, Ягодой, Караханом и др. За день до этого, 27 мая 1937 года он признавался, что связь с правыми поддерживалась через Горбачева и Петерсона, которые были связаны с Енукидзе, Ягодой, Бухариным и Рыковым.

Корк утверждал на следствии: «Я с Тухачевским еще в 1931 году вел разговор в отношении переворота в Кремле, Тухачевский мне заявил, что то, о чем я первоначально узнал от Енукидзе в июне 1931 года, т. е. о том, что правыми намечен контрреволюционный переворот в Кремле, опираясь на школу ВЦИК, что в это дело втянуты Петерсон, Горбачев, и Егоров, – Тухачевский мне подтвердил, что мы должны предусмотреть как первый шаг в конечном плане наших действий, – это переворот в Кремле».

Тухачевский эти показания Корка отрицал, но как? Он заявил, что о подготовке «дворцового переворота» он узнал в 1934 году и не от Корка, а от Горбачева.

Уборевич утверждал, что так называемые заговорщицкие сборища у Тухачевского были просто посиделками с женами за чашкой чая. Он в то же время подтвердил, что антисоветские

настроения у группы лиц, формирующихся вокруг Тухачевского, постоянно росли. Уборевич утверждал, что решающий разговор возник у него с Тухачевским в 1935 г. Тогда Тухачевский заявил, что на троцкистов и правых надо смотреть как на попутчиков, а в действительности он думает о своей личной диктатуре.

Наше представление о происходящем тогда подтверждается и самим ходом тех событий.

После развенчания незадачливого Енукидзе, замены Петерсона и установления контроля над Ягодой со стороны КПК обсуждения плана государственного переворота на время прекратились. Руководители заговора, уверенные, что СССР в военном отношении Германии противостоять не сможет, решили подождать начала войны. Тухачевский, по словам Уборевича, выдвинул в 1935 году новый вариант государственного переворота в виде военного мятежа, когда начнутся военные действия. Но после процесса над «параллельным центром» в январе 1937 г. Тухачевский начал торопить с государственным переворотом, заподозрив, и, видимо, не без основания, что Сталину все известно.

По версии А. Орлова (руководителя военной разведки в Испании, перебежавшего на Запад), как ее излагает наиболее объективный исследователь этой истории Ю. В. Емельянов, события развивались следующим образом.

Некий работник НКВД Штейн якобы обнаруживает в архивах документы о связи Сталина с царской охранкой и отвозит их в Киев, где показывает главе НКВД Украины Балицкому, который знакомит с ними Якира и Косиора. В курсе дела зам. Балицкого Кацнельсон, который, будучи двоюродным братом Орлова, информирует его об этом деле в феврале 1937 года. Тем временем Якир ставит в известность Тухачевского, Гамарника и других участников заговора. Возникает план убедить под каким-нибудь предлогом Ворошилова устроить конференцию по военным проблемам и собрать, таким образом, в Москве всех заговорщиков, объявить Сталина провокатором и арестовать. Но они опять начали тянуть и позволили Ежову в марте – апреле завершить чистки в НКВД.

Оставался последний шанс: 1 мая 1937 года.

* * *

Очевидцы первомайского парада утверждали, что на трибунах чувствовалось напряжение. «На самой верхушке царила паника. Все пропуска в Кремль объявили недействительными.

Наши войска НКВД находились в состоянии боевой готовности» – свидетельствует один из видных чинов НКВД Шпигельглас. Замнаркома НКВД Фриновский резюмировал обстановку тех дней: «Весь советский строй висел на волоске». Но Тухачевский колебался. Ему предложили ехать на торжество коронации в Великобританию, и он под этим предлогом опять перенес приказ о перевороте. Но, как известно, кто колеблется, тот падает.

Сталин не колебался. И тогда наступила пора возмездий.

Мог ли Сталин обойтись без кровопролитий? Думается, что мог. У него была возможность не дать заговорщикам совершить преступление. Он мог преследовать виновных и в уголовном порядке, и в порядке партийной дисциплины и не допустить развития событий до смертельно опасной черты.

Но стиль политики Сталина как раз в том и заключался, что он редко нападал первым, но готовился к стремительному и беспощадному контрнаступлению. Этот террор ему был необходим для установления своей беспрекословной диктатуры перед неизбежной военной схваткой.

Можно ли это ставить в упрек Сталину? При том положении вещей, конечно нет. В таких войнах, как наша Великая Отечественная или римская война с Ганнибалом, диктатура является оптимальной формой организации тотальной войны. Одно только надо иметь в виду: длительная диктатура отрицательно воздействует на общество и может иметь гибельные последствия. Наличие конструктивной оппозиции, равновесие политических и социальных сил есть необходимое условие стабильного и мирного развития.

Была ли та оппозиция конструктивной? Конечно, нет. «Политические отбросы» в виде разгромленных левых и правых и политические дилетанты в виде военной клики, сформировавшейся вокруг барствующего Тухачевского, который надеялся избавиться после переворота от политических попутчиков, установить личную диктатуру, были скверной, если не гибельной альтернативой самоотверженному сталинскому руководству. Это руководство «для России было величайшим счастьем». Так оценил руководство Сталиным войной искушенный политик Черчилль.

И если западная пресса подняла свой обычный шум по поводу «фальсификации процессов» и «невиновности обвиняемых», то трезвые политики на Западе эту точку зрения не разделяли. Например, соратник Рузвельта в области внешней политики Джозеф Девис назвал их «пятой колонной», высказав удовлетворение, что от них удалось избавиться до начала войны.

Нельзя забывать и о том, что успех мятежа Тухачевского

привел бы к расчленению страны, к отсечению от нее Украины, Белоруссии и Дальнего Востока. Заговорщики в этом случае поделили бы между собой роль марионеток и сатрапов, как многие из нынешних глав так называемых суверенных республик.

Нынешняя официальная версия, изображающая осужденных честными и непорочными людьми, выглядит в свете того, что теперь стало известно, абсурдом, причем абсурдом, построенным на стремлении применить подходы современной юстиции, давшей полную свободу рук коррупции и криминалу, для критики революционной юстиции того сурового времени. Вся эта аргументация сводится к осуждению «сталинских репрессий», которые мотивируются «кровожадностью тирана». Это старо и неубедительно. Так готовилось общественное мнение и промывались мозги нашим людям десятки лет подряд…

Есть известное правило, сформулированное Макиавелли: если элита противостоит народу, ее надо устранить и заменить элитой, преданной народу. А это есть ничто иное, как политическая революция сверху.

…

Георгий Элевтеров

М. Н. Тухачевский. «Восстание – лучший способ достижения победы»

В 1920—1930-х гг. М. Н. Тухачевский написал несколько десятков работ, посвященных теории и практике военного дела, а также военной истории. Кроме того, много раз Тухачевский выступал с докладами и лекциями по этим вопросам.

Практически во всех работах делается упор на мировую революцию и классовую борьбу международного пролетариата, как непременное условие выживания СССР. «Рабочий класс всех стран, ведя ожесточенную классовую борьбу со своей буржуазией, вместе с тем мешает нападению империалистов на наш Советский Союз, сознательно защищая его как ударную бригаду мирового пролетариата, – писал Тухачевский.

В таком же ключе оценивались им главные направления подготовки войск. Стратегические и тактические задачи полностью подчинены революционному духу и порыву масс: «Необходимо одновременное шумное влитие свежего революционного потока, способного одухотворить войска желанием боя и стремлением к победе». В ходе военных действий следовало «железной рукой обуздывать местные враждебные классы», а союзником наступающей Красной армии, по мнению Тухачевского, должен был стать все тот же европейский пролетариат: «Защита рабочим классом капиталистических стран своего международного социалистического отечества, батрачество и беднота деревни – все это будет создавать широкую базу для революционного повстанческого движения в тылу у наших врагов».

Нетрудно заметить, что теоретические разработки М. Н. Тухачевского сопоставимы с аналогичными положениями теории Л. Д. Троцкого. Не случайно в годы Гражданской войны Троцкий чрезвычайно лестно отзывался о Тухачевском: он ставил в пример другим командармам «славное имя товарища Тухачевского». На совещании политработников Красной Армии в декабре 1919 года Троцкий назвал Тухачевского «одним из лучших командармов», особо отметив его «стратегический талант».

Стратегия национальная и классовая (Лекция, прочитанная М. Н. Тухачевским в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 г.)

I. Введение

Два мнения. Товарищи, уже заглавие настоящего доклада указывает на те два мнения, которые определенно сложились в нашей армии. Одно мнение это то, что условия ведения гражданской войны вызывают некоторые особенности стратегических форм, которые необходимо обосновать. Другое положение, которое противопоставляется первому, это то, что законы стратегии незыблемы, и потому в нашей гражданской войне мы не имеем ничего нового, что если руководствоваться теми законами, которыми руководствовались раньше, то действия будут совершенно правильны и не поведут ни к каким ошибкам.

Критика нашей войны. Если мы посмотрим с самого начала возникновения гражданской войны на те различные мнения, которые высказывались военными специалистами, то увидим, что эти мнения претерпели несколько фаз в своем развитии.

В первый период деятельности Красной Армии, когда последняя не приняла еще форм крепкой регулярной армии, какие она имеет теперь, многие высказывали мнение, что это не больше, как партизанская война, которая ведется без всякой системы и которой трудно придать какую-нибудь систему. Я помню, как весной прошлого года один из наших видных военных руководителей, старый офицер генерального штаба, говорил про старый офицерский корпус: «Мы не способны вести вашу войну. Мы подготовлены к ведению войны европейской, к вождению массовых армий, но мы не приспособлены к той войне, которая ведется вами, например, на Украине».

Но постепенно наша армия совершенствовалась, постепенно численность ее увеличивалась и ее действия вылились в действия сплошным фронтом. Это внешнее изменение во многих зародило мнение, что будто бы правильное и законное ведение этой войны со сплошным большим фронтом напоминает собой ведение войны массовыми империалистическими армиями. Немедленно было заявлено, что законы стратегии вечны и в войне нашей нет ничего нового.

Новое в гражданской войне. Не отрицая вечных основ стратегии, наоборот, анализируя сущность гражданской войны, мы, руководствуясь этими вечными истинами, хотим указать те новые данные стратегии гражданской войны, которых нам раньше не приходилось учитывать. Оно и не удивительно. Мы впервые столкнулись с гражданской войной в большом масштабе, а потому, вполне понятно, лишь на опыте можем познать и теоретически обосновать те формы, которые явились как следствие борьбы класса с классом, а не государства с государством.

Эти последние имели совершенно определенные между собой границы, а потому заранее могли подготовить план предстоящей войны. С момента объявления мобилизации, доведенные до боевого состава, регулярные части перебрасывались на театр военных действий, где производили стратегическое развертывание. Эта первая часть войны, до столкновения двух армий, разыгрывалась по вполне рассчитанному плану. В гражданской войне мы видим другие условия. Здесь вооруженную борьбу ведут два класса. Эти два класса не разъединены между собой никакими границами. Когда вспыхивает восстание, когда порабощенный класс берет власть в свои руки и начинает создавать свою армию, тогда начинается и гражданская война. Предусмотреть, где будет это восстание, невозможно, и вообще весь ход событий подчиняется импровизации, а не заранее продуманному плану. Есть много и других характерных особенностей при ведении гражданской войны.

Новые главы стратегии. Исследовать эти особенности и является нашей задачей. Старая стратегия не отмерла, не является для нас чем-то ненужным, а просто не имеет еще нескольких необходимых ей глав о гражданской войне. Написать эти главы и является задачей момента.

Причины войны. Война всегда имеет экономические причины. Капиталистические страны ведут войны для приобретения рынков или природных богатств. Гражданская война ведется угнетенным классом против класса эксплуататоров ради прекращения эксплуатации его труда.

Стратегия и политика. В гражданской войне так же, как и в национальной, цель войны определяется политикой. Однако нет оснований считать, что в гражданской войне, в отличие от войны национальной, политике дозволено вмешиваться в способы достижения поставленной стратегии цели. Высказываемые некоторыми положения о праве вмешательства политики в стратегию в гражданской войне надо отвергнуть как ничем не доказанное отклонение от общих оснований. Стратегия, как и

всегда, тесно переплетается с политикой, но в этом переплетении нет ничего нового.

Экономическое положение сторон. Гражданская война разрывает государство на два, а иногда и на несколько островов классовой диктатуры. Вполне понятно, что хозяйственный аппарат этого государства, и без того потрясенный революцией, будучи разорван на части, окончательно испортится. Этим обусловливается характерное для гражданских войн понижение военной техники.

II. Война

План войны

План войны национальной. В мирное время о каждом государстве имелись совершенно определенные данные в отношении: а) границ, б) сил и средств, в) театров вероятных столкновений, г) географических, статистических и прочих данных.

На основании этих данных составлялся план войны на всевозможные случаи, на все комбинации. План войны заключал в себе все соображения по созданию армии, по подготовке театра военных действий в инженерном отношении, по мобилизации, по перевозке войск, по избранию решающего направления, по подготовке операционного базиса и по стратегическому развертыванию.

На подготовку всех этих мероприятий приходилось затрачивать многие годы.

План войны гражданской. Гражданская война в наше время и в культурных странах возникает вместе с появлением где-либо диктатуры пролетариата, вместе с пролетарским восстанием. Пролетариат наскоро формирует армию. Вооруженные силы буржуазии начинают с ними гражданскую войну. Если даже пролетариату и удается захватить в свои руки всю страну, то все же контрреволюция не преминет поднять восстание там или тут, наскоро сформирует себе армию, и тогда пролетариат опять принужден вести гражданскую войну.

Вполне понятно, что никто заранее не может предвидеть, где вспыхнет восстание, каково будет соотношение сил и средств двух будущих врагов. Так, мы не могли предвидеть восстания чехословаков. Мы не могли предвидеть, что, восставши в Пензе, они продвинутся в Самару, что они создадут там «учредилку», что они пройдут дальше в Сибирь и поднимут восстание в Челябинске. Мы не могли предвидеть, что эти два контрреволюционных центра впоследствии объединятся и что, наконец, эти учредилочные государства превратятся в колчаковскую империю, которая будет простираться от Великого

океана до самой Волги.

Из сказанного ясно, что план войны гражданской не может быть составлен ранее начала этой войны. Все, что в этом отношении может предвидеть диктатура буржуазии или пролетариата, – это то, что для защиты классовых интересов понадобится армия и что армия эта чем будет больше, тем лучше. Можно прибавить к этому, что главные формирования этих армий должны быть сосредоточены там, где находится политический и экономический центр государства, так как в случае войны с враждебным классом эти центры будут снабжать свою армию.

Более подробного плана гражданской войны создать нельзя.

Вот первое, чрезвычайно важное отличие стратегии классовой от стратегии национальной.

К этому мы можем прибавить, что армия восставшего, как революционная, так и контрреволюционная, будет наскоро сколоченная, т. е. будет продуктом импровизации.

Самый план гражданской войны также является импровизацией и в этом отношении имеет сродство с планом операции.

Посмотрим теперь, какие планы возникают у борющихся сторон с начала гражданской войны.

План подавляющего восстание, как более готового к войне, должен быть стремительно наступательным. Главная задача его – оккупировать восставшую область до того, как в ней создастся враждебная армия.

Каков будет при этом характер операции? У восставшего армии, могущей оказать серьезное сопротивление, первое время нет. Поэтому при быстроте действий серьезного, организованного вооруженного сопротивления не будет. В этот период операционная линия будет направлена на жизненный центр восставшей области, а не на живую силу, так как таковой еще нет.

Если время будет упущено и армия восставшего поспеет сорганизоваться, то придется считаться с его армией, а вместе с тем объектом действий подавляющего восстание будет уже не территория, а живая сила противника. Это и будет началом полевой гражданской войны.

План восставшего первое время будет оборонительным, избегающим крупных столкновений с противником. Вместе с тем должна быть развита до крайности активность мелких отрядов, затрудняющих противнику возможность сосредоточиваться, разведывать и наступать. Главные силы будут расположены на подступах к жизненному центру.

Как только восставший доведет свою армию до маломальски реального вида, он немедленно перейдет в решительное

наступление. Он должен помнить, что слабейший должен быть наиболее смелым. Он должен помнить, что потеря территории означает и уничтожение армии, долженствующей создаться этой территорией. Даже с началом восстания крайне трудно бывает предусмотреть дальнейший ход событии, настолько изменчива и непостоянна обстановка в период гражданской войны. Крайне трудно предусмотреть те размеры, которые примет война. Крайне трудно рассчитывать средства, потребные для комплектования и снабжения. Все, что можно сказать, – это то, что надо рассчитывать на полное напряжение всех сил и средств своей области – государства и подготовить для этого соответствующий военно-административный аппарат.

Подготовка войны

Подготовка войны национальной. Подготовка национальной войны, заключавшаяся в проведении в жизнь плана войны, продолжалась многие годы и даже десятки лет. В общем, война никого не заставала врасплох. Все к ней было готово, все рассчитано: и армия, и флот, и все средства для ведения войны.

Подготовка гражданской войны. Ничего подобного мы не видим в подготовке гражданской войны. Как уже упоминалось, план гражданской войны до ее возникновения может заключать в себе лишь соображения по созданию классовой армии. Инженерной подготовки театра войны заранее быть не может. У восставшего не может быть заранее подготовлена и армия. Подготовка гражданской войны в полном смысле этого слова начинается лишь с возникновения самой войны.

Восставший класс начинает формировать армию. Подавляющий восстание постарается придать своей армии свой классовый характер.

Восставший класс в первый период создания армии прибегнет к системе вербовка добровольцев. Постепенно, укрепив свой аппарат диктатуры, он объявляет обязательную воинскую повинность для своего класса. Вся система его борьбы примет формы вооруженного класса.

Высказанное здесь положение больше всего относится к восставшему пролетариату. Восставшая контрреволюция, т. е. буржуазия, обычно сразу провозглашает идею народной армии, называя всю систему вооруженный народ. После вербовки добровольцев буржуазия обычно переходит к всеобщей воинской повинности.

Пролетариат, окончательно закрепив свою диктатуру, также начинает привлекать к военной службе враждебные ему элементы, заставляя их служить в своих интересах. Так, у нас привлечены к отбыванию воинской повинности кулаки на

тыловые должности. Кроме того, с самого начала формирования армии, пролетариат привлекает на службу военных специалистов старой армии, сперва путем вербовки добровольцев, а затем и по обязательной повинности.

Перед восставшим встает тяжелая задача формирования новой армии, подготовки комплектования для нее и снабжения. Эта задача чрезвычайно тяжела, а с ходом войны она все осложняется, требуется производить все новые формирования, требуется все больший и больший масштаб комплектования и снабжения.

Политическая обработка и агитация. Буржуазия не может позволить своей «народной армии» участвовать в политической жизни буржуазного государства. Наоборот, пролетариат в период своей диктатуры, удушая буржуазию и привлекая к политическому участию в этой работе свою классовую армию как главное орудие этого удушения, тем самым усиливает и само орудие.

В классовой пролетарской армии ведется усиленная политическая работа и агитация. Эта работа имеет чрезвычайное значение в боевой деятельности войск. Вопрос этот по своей обширности требует специального исследования.

Начало войны

Начало национальной войны. С перерывом дипломатических сношений начиналась национальная война. Примерно с этого момента объявлялась мобилизация, имевшиеся в мирное время кадры пополнялись до боевого состава, войска перебрасывались в намеченную полосу для стратегического развертывания. Все это происходило по строго рассчитанному плану. Уже через несколько дней после объявления войны происходили первые столкновения двух вполне готовых, вооруженных по последнему слову техники армий и начиналась первая операция.

Начало гражданской войны. Гражданская война начинается далеко не так гладко. Восставший еще только начинает создавать свою армию. Подавляющий восстание, если он и имеет армию, то все же не готов к началу военных действий. Восстание для него неожиданно. Перевозка армии у него не рассчитана, и вполне может случиться, что самое географическое место восстания чрезвычайно затруднит эту перевозку. Стратегическое развертывание армии в инженерном отношении не подготовлено. Развертывание армии может подвергнуться налетам партизан и летучих отрядов восставшего.

Рассмотрим подробнее первый период гражданской войны у восставшего.

Жизненные центры. Восстание обычно имеет место в каком-

либо крупном центре производства или политической власти. Этот центр быстро становится душой общего восстания. На него налипают восстания соседних центров, и таким путем восстание охватывает целую область.

Уже самое восстание совершается вооруженной силой. Как только власть захвачена, эта вооруженная сила начинает формироваться в регулярную армию. Эта работа по созданию армии, хотя бы и проводимая по хорошо продуманному плану, встречает большие трудности. Приходится подавлять внутренних врагов, еще не подчиняющихся диктатуре восставшего класса, приходится отражать нападение отдельных частей подавляющего восстание. На это дело приходится раздергивать формирующиеся части. Это характерное для восставшего раздергивание армии чрезвычайно тормозит дело ее формирования и ставит чрезвычайно трудные задачи перед военным командованием. Если мы посмотрим на первый период создания Красной Армии, то увидим, что это раздергивание имело громадные размеры.

Кроме формируемой армии на границе восставшей области действуют с той и с другой стороны самочинно возникшие, не объединенные управлением, но объединенные общей идеей мелкие отрядики, которые имеют между собой непрерывные столкновения. Эта линия войск возникает стихийно на почве классовой борьбы. В дальнейшем мы будем называть ее линией войск местного сопротивления.

Эта линия образует как бы живую границу вновь образовавшегося государства и служит отправной данной для расчетов по стратегическому развертыванию.

В первое время между создающейся армией и «жизненным центром» имеется неразрывная спайка. Армия, создавшаяся из недр этого жизненного центра, получает от него и снабжение и пополнение. Она базируется на свой жизненный центр. Поэтому блокада восставшего центра в первый период войны не может дать решающих результатов.

Мертвящие центры. Кроме «жизненных центров» в гражданской войне имеют место еще и «мертвящие центры». Таковыми будут, например, для пролетариата области, населенные богатыми, мелкобуржуазными элементами. Донская область даже в то время, когда входила в состав нашей Федеративной Республики, все же была для нас «мертвящим центром». На такие центры противоположным классам не только нельзя опираться, но еще надобно выставлять и вооруженную силу для удержания их в повиновении. При наступлении, если встречается область с такой неблагоприятной классовой группировкой, приходится не только преодолевать сопротивление

армии противника, но еще и сопротивление враждебной среды.

Стратегическое развертывание. Как только обозначится линия войск местного сопротивления, так появится возможность наметить где-либо за ее прикрытием зону для стратегического развертывания (операционный базис). Этот район наспех закрепляется за собой, и подавляющий восстание начинает перебрасывать в него свои войска.

Восставший развертывает свою армию на главных подступах к своему жизненному центру.

Ведение войны

Развитие и разрастание. Гражданская война, начинаясь обычно в небольших размерах, быстро разрастается до размеров большой ожесточенной войны.

Это обстоятельство требует постоянного увеличения численности армии, а вместе с тем и аппаратов, ее обслуживающих. Таким образом, план войны расширяется и развивается. Такое же явление мы видели во многих войнах, особенно в последней империалистической.

Комплектование. Армии национальных войн комплектуются своими государствами из числа граждан этого государства.

Комплектование классовых армий в гражданской войне значительно разнообразнее.

Армии пополняются:

а) мобилизованными в центре,

б) мобилизованными родственными классами в завоеванных областях и

в) родственными классовыми элементами из числа военнопленных.

Только общность классовых интересов дает такие необычайно богатые возможности комплектования армии в гражданской войне. Это – характерная особенность, отличающая войну гражданскую от национальной.

Коммуникации. На обеспечение и обслуживание коммуникаций приходится тратить громадное количество войск. Многие великие походы рушились из-за невозможности справиться с этими затруднениями.

Способы обеспечения коммуникаций можно подразделить на следующие виды:

а) Оперативные, а) Активный, т. е. сосредоточение к полю сражения всех войск, обеспечивающих коммуникацию. По одержании победы охрана коммуникации восстанавливается (Суворов). Такое обеспечение чрезвычайно выгодно, но действует лишь при неглубоких тылах.

б) Пассивные: выставление заслонов, закладка крепостей и

вооруженных лагерей и проч. Перенесение коммуникации на другую базу.

в) Органические. Легче всего обеспечить коммуникацию тогда, когда она коротка. Поэтому лучше всего обеспечивать коммуникацию путем ее сокращения.

Это достигается следующими способами.

а) Колонизация. В национальных войнах сокращения коммуникаций можно было достигнуть путем колонизации завоеванных областей. Под колонизацией подразумевается такая обработка завоеванных областей, которая позволила бы использовать эти области не только для снабжения, но и для пополнения армии. Эта задача требует затраты очень долгого времени. Александр Македонский блестяще проводил в жизнь этот принцип, и его тыл был всегда прочен, а армия по мере наступления не только не уменьшалась, но даже увеличивалась.

б) Проведение классовой диктатуры. Гражданская война позволяет гораздо легче справиться с той же задачей. То обстоятельство, что классы перемешаны, позволяет и тому и другому воюющему классу быстро проводить свою диктатуру в завоеванных областях. При этих условиях в последних очень легко организовать как производство, так и мобилизацию. На эту работу не только не нужно затрачивать целые годы, как это необходимо при колонизации, но даже не приходится тратить и месяцев. При заранее подготовленных аппаратах классового управления и военно-административных органах на это дело придется затратить лишь недели. Эта особенность гражданской войны дает широкие возможности для творчества военному гению.

Справедливость этого положения подтверждает действительность в настоящей войне.

Отношение числа к пространству. Приведенные выше соображения относительно организации тылов в гражданской войне показывают, до какой степени облегчен вопрос отношения числа к пространству в этой войне. В национальных войнах для завоевания громадных пространств требовались и громадные силы, так как главная масса их уходила на обеспечение тылов. Пример этому мы видим в походе Наполеона в 1812 г. Малейшая ошибка в расчете вела за собой крушение этих великих походов. Для того чтобы с небольшими силами завоевать большие пространства, необходимо было терять многие годы на колонизацию постепенно занимаемых областей. Пример такой систематической обработки тылов при большой потере времени мы видим в походе Александра Македонского в Азию.

Наша гражданская война в десять раз облегчает эту задачу.

Мы действительно небольшими армиями можем завоевать колоссальные пространства, и притом имея тыл всегда обеспеченным. Это достигается с нашей стороны быстрым укреплением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно-административные органы создают из родственных классов местные формирования и таким образом быстро обеспечивают за нами занятые области.

Этот вопрос организации местной власти и формирований должен быть точно предусмотрен и рассчитан наступательным планом операции или кампании. Только при этих условиях указанные выше преимущества остаются за нами.

Значительно ухудшается дело в том случае, если в тылах у нас остаются «мертвящие» для нас центры. Они требуют большого расхода войск для удержания этих центров в повиновении. Таких тылов надо избегать. Главная причина краха нашей кампании на Южном фронте весной этого года заключалась в том, что главные силы фронта были двинуты не там, где мы имели бы советские, жизненные тылы в Донецком бассейне, а там, где мы имели «мертвящие» тылы, требовавшие выделения больших гарнизонов для удержания за собой обширных Донских степей. Вопрос отношения числа к пространству не был учтен, и армии наши были разбиты.

III. Операции

Ширина фронта

В национальных войнах. В национальной войне ширина фронта зависела от количества действовавших войск. Полевая армия совершенно не заботилась о том, чтобы прикрывать собой все пространство границы между государствами. Она сосредоточивалась на решающем направлении и считала, что лучше всего обеспечить свою границу уничтожением армии противника. Растяжение армии кордоном вдоль границы было бы просто актом безграмотности.

Словом, ширина фронта армии в войнах национальных определялась: числом войск и предельной тактической их плотностью в условиях современного боя, т. е. если бы корпус занимал по фронту 5 верст, а корпусов в армии было бы 10, то общий фронт армии равнялся бы приблизительно 50 верстам. Фронт мог несколько расшириться в интересах обеспечения тылов, но граница государства, как таковая, в расчет не принималась.

В гражданских войнах. В гражданской войне мы видим иное явление. Здесь сплошной фронт, отделяющий в виде границы диктатуру одного класса от диктатуры другого класса, имеет особенное, самостоятельное значение. Действительно, в период

гражданской войны даже там, где проведена диктатура одного из классов, борьба классов продолжается непрерывно. Если она и не принимает обостренных форм, то все же существует, и достаточно небольшой искры, чтобы пламя восстания охватило ту или другую область. По общему правилу, восставшие начинают немедленно формировать армию, которая в случае помощи со стороны противника одним только оружием может превратиться в серьезную боевую силу.

Таким образом, территория в гражданской войне приобретает исключительное значение. Захват ее хотя бы только летучими отрядами противника не только не безразличен, но при случае может повлечь и катастрофические последствия. Поэтому в гражданской войне армии обеих сторон должны прикрыть, отделить друг от друга всю свою территорию. Это чрезвычайно растягивает наши фронты. С этим надобно считаться как с фактом, вызываемым действительными условиями войны. Таким образом, в нашей войне ширину фронта обусловливают не численность войск и их тактическая плотность, а особенности в условиях комплектования и создания классовых армий.

Тактическая плотность. Из предыдущего ясно, что в гражданской войне тактическая плотность войск, т. е. ширина фронта частей, зависит не от условий современного оружия и боя, а главным образом от общей ширины фронта и от числа занимающих его частей. Это положение ясно доказывает, что наступление широким фронтом, при котором части имеют нормальную ширину боевого порядка, является противоречащим основам стратегии как наступление кордоном. Необходимо, кордонно обеспечивая на неважных направлениях свою территорию, создавать массовые группировки на решающем направлении, чтобы придать частям нормальную боевую плотность и разгромить кордон противника в этом направлении.

Соотношение сил

В гражданской войне, благодаря ширине фронта ее армий и общей разрухе путей сообщения, принцип частной победы играет еще более решающую роль, чем в войнах национальных или империалистических.

В самом деле, если в решающем месте и в решительный момент и притом неожиданно для противника мы сосредоточим значительное над ним превосходство сил, то ему не удастся вовремя уравнять силы, ввиду указанных выше причин (ширина фронта и разруха транспорта).

В прошедшей империалистической войне тактическая плотность войск обычно была на решительных направлениях предельной при характере современного огня. В нашей

гражданской войне тактическая плотность крайне мала и может быть уплотнена в несколько десятков раз. Поэтому для использования превосходства сил мы не принуждены, как это было в прошлой войне, производить атаки широкими фронтами. Наоборот, имея полную возможность создать дробящий молот на небольшом сравнительно участке, на решающем направлении, атака на широком фронте будет не больше, как разброска сил, влекущая за собой вечные неудачи. Итак, мы можем достигать на отдельных участках фронта подавляющее превосходство сил, а это, в связи с невозможностью для противника вовремя уравнять силы, принесет ему неминуемое поражение.

Рассмотрим далее, как будет развиваться поражение противника, нанесенное таким массированием войск на решающем направлении.

Время, потребное противнику на перегруппировку, очень велико. Темп развития операций в нашей войне (о чем будет говориться дальше) отличается необычайной скоростью. Из этого видно, что мы сохраним за собой превосходство над противником и на громадном протяжении преследования.

Кроме этого преимущества есть еще и то, что наступающий мобилизует в занятых областях родственные ему классы. Разбитые же армии в гражданской войне отличаются тем, что уроженцы теряемых областей дезертируют и остаются в своих родных местах. Таким образом, по мере наступления наступающий непрерывно усиливается, а отступающий непрерывно ослабляется. Это также одно из характерных явлений гражданской войны.

В войнах национальных отступающий, отходя на свои сообщения, легко получает подкрепления, а наступающий непрерывно ослабляется на обеспечение тылов. В нашей войне наступление по «мертвящим» для нас центрам напоминает эти условия национальной войны. Сгладить их можно лишь систематической колонизацией покоряемых областей с большой потерей времени.

Превосходства сил можно достигнуть не только переброскими и перегруппировками, но и концентрическим наступлением, если до пункта сосредоточения противник не окажет серьезного сопротивления.

Организацией в тылу противника восстаний и партизанских действий мы также можем создать благоприятное соотношение сил.

В нашей войне мы непрерывно грешим в смысле нарушения изложенных принципов. Наши наступления мы ведем на широких фронтах бесконечными, слабыми кордонами. Мы почти не

практикуем переброс и перегруппировок, мы не создаем дробящих кулаков, и потому наша борьба на фронтах надоедливо выливается в какой-то танцкласс.

Для достижения успеха в нашей войне, как никогда, надо быть смелым, быстрым; как никогда, надо уметь маневрировать, а для того чтобы овладеть сознательно этими качествами, необходимо изучать военное дело всех времен и народов, необходимо уметь произвести научно-критический анализ условий ведения нашей войны.

Оборона и наступление

Гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным.

Оборона в гражданской войне совершенно не носит того характера, какой имела она в войнах национальных или империалистических.

В этих последних к обороне прибегала слабейшая сторона, чтобы создать ударный кулак, решающий участь сражения, сэкономив для этого силы на участках пассивной обороны. Итак, идея оборонительного сражения несла в себе прежде всего маневр.

Каково было реальное значение пассивной обороны на некоторых участках для собирания маневренного резерва? В полевой войне ширину фронта корпуса устав определял в 5–6 верст (корпус в 40 тыс. штыков). Тот же самый участок пассивно оборонять с успехом могли 5 – б тыс. штыков. Следовательно, перейдя к обороне на некоторых участках, на каждых 5–6 верстах мы получили экономию 34–35 тыс. штыков. Таким образом, сами цифры показывают, как велико было значение участковой обороны.

Каковы же оборонительные возможности в нашей гражданской войне? Мы уже упоминали, что фронты наших армий чрезвычайно растянуты. Точно так же чрезмерно растянуты по фронту и отдельные боевые единицы. На Восточном фронте нормальной шириной боевого порядка дивизии в 8 тыс. штыков будет 45–60 верст. Это дает 135–180 штыков на одну версту. Возможно ли при такой редкости стрелковой линии организовать огневую фронтальную оборону? Разумеется нет.

В старой войне даже сторожевое охранение имело большую плотность и тем не менее никто не рассчитывал на обороноспособность этой линии. Есть ли у нас данные полагать, что наши нынешние войска умеют упорнее обороняться, чем старые? Конечно нет. Наши войска умеют хорошо наступать, они имеют неудержимый порыв вперед при наступлении, но к

упорной пассивной обороне они не привыкли, а при указанной выше стрелковой плотности они и вовсе не смогут обороняться.

Казалось бы, этот вопрос ясен сам собою и говорить о нем много нечего. Но дело в том, что у нас есть взгляд, что если подготовить хорошо укрепленные позиции, то наши войска будут упорно их оборонять и, во всяком случае, они окажут сопротивление большее, чем без этих позиций. Это самое несчастное заблуждение. Для того чтобы оборонять подготовленные позиции, войскам пришлось бы занимать более узкий фронт, т. е. отказаться от маневра, и на узком фронте загнать все свои войска в окопы. Конечно, это не больше как дикий абсурд, и потому наши благоразумные войска никогда не останавливаются в заранее подготовленных для них укреплениях, за что, правда, весьма часто порицаются. В чем же может заключаться оборона в нашей войне?

Исходя из того же положения, что было принято и в национальных войнах, т. е. что оборона без маневра невозможна, мы постараемся найти те формы, которые позволяют слабейшему или отступающему собирать в решающих пунктах маневренные кулаки, чтобы ими наносить поражение противнику. Оборона в национальной войне предполагает, что участковая пассивная оборона является лишь выигрышем времени. Не имея возможности выиграть время обороной, мы его выиграем отходом слабых заслонов на не важных направлениях. Одновременно, быстро оторвав от противника главные силы, мы их сосредоточим на решающем направлении и перейдем в стремительное наступление, дабы нанести противнику решительный удар. Итак, наша оборона неразрывно связана с отступлением, заранее обдуманным и рассчитанным. Пассивная оборона, хотя бы на главных направлениях отдельными участками, бесполезна, так как противник наступает широким фронтом. Означает ли это положение отрицание инженерной подготовки тыла? Отнюдь нет. Но эта подготовка должна принять новые формы. Что может обеспечить быстроту и своевременность маневра? Хорошие дороги, а главное – связь. Итак, инженерная подготовка состоит в постройке широкой телеграфно-телефонной сети и исправлении дорог в тылу армии. Рыть укрепления имеет смысл только там, где можно рассчитывать иметь на версту не менее 500 штыков (по старым понятиям 1000 штыков), и, кроме того, еще необходимы участковые резервы. Вот руководящие данные для обороны в нашей войне.

Марш-маневр

В войнах массовых армий главные затруднения в организации и совершенствовании марш-маневра заключались в

нагромождении больших войсковых масс на небольших участках местности. Это нагромождение приводило к движению глубокими походными колоннами и ко всем затруднениям, сопровождающим это движение.

В нашей войне, как о том не раз упоминалось выше, мы сталкивались как раз с обратным явлением: небольшой численности войска растягиваются на очень большом протяжении фронта. Благодаря этому отпадают все затруднения, связанные с глубиной походных колонн при совершении марш-маневра, зато выступают затруднения, происходящие от ширины фронта частей.

Мы уже упоминали, что фронт дивизии зачастую равен 45–60 верстам (иногда растягивается до 100 верст). При такой ширине боевого порядка дивизии она будет иметь столько дорог, что не только бригады, но и полки имеют каждый свою дорогу. Иногда даже и батальоны имеют отдельные дороги.

Из сказанного явствует, что походный порядок дивизии почти одинаков с ее боевым порядком. На переход из одного в другой нужно каких-нибудь 15 минут. Если бы в нашей войне части двигались в глубоких колоннах, то прежде, чем они успели бы развернуться, противник окружил бы и уничтожил их. Малая глубина походных колонн позволяет нашим войскам крайне легко и быстро передвигаться на большие расстояния. Наши дивизии зачастую делают переходы в 45–60 верст в сутки. Надобность в дневках почти отпадает. Для больших передвижений можно руководствоваться нижеследующей нормой, выведенной из опыта: 200 верст в неделю. При такой скорости войска не переутомляются и остаются вполне боеспособными.

Зато со стороны связи широкий фронт частей крайне неблагоприятен. Быстрота движения еще усугубляет трудности дела связи при исполнении марш-маневра.

В массовых армиях передовой авангард имел громадное значение. Он обеспечивал развертывание глубоких колонн в боевой порядок.

В нашей войне подобие походного порядка войск их боевому порядку в значительной степени умалило значение передового авангарда. Очень часто их заменяет конная и пешая разведка. Зато большая ширина фронта частей и трудность быстро сгруппироваться к тому или другому флангу в значительной мере усилили значение боковых авангардов, обеспечивающих такую перегруппировку.

Фронт наших частей настолько широк, а самые боевые единицы настолько малочисленны, что очень часто бывает возможно перевозить пехоту на подводах. Обывательских средств для этого хватает, и скорость движения, особенно зимой,

чрезвычайно увеличивается. Однако рассчитывать на это нужно очень осторожно, так как противник, отступая, очень часто уводит с собой большую часть обывательских подвод.

Мы уже упоминали, что перемена направления в нашей войне встречает серьезные затруднения, благодаря ширине фронта частей. Приняв фронт дивизии в 45–60 верст, мы увидим, что наружный фланг дивизии, при перемене ею направления на 90 градусов, опишет дугу от 60 до 80 верст (приняв за ось вращения внутренний фланг). Следовательно, даже учитывая скорость марша наших частей, все-таки на перемену направления дивизией уйдут в лучшем случае сутки, а нормально двое суток.

Организация транспорта

В первый период нашей войны войска наши вели эшелонную войну. Они действовали только вдоль железных дорог, так как не имели транспорта и средств связи. Но постепенно они научились пользоваться обывательским транспортом, обзавелись средствами полевой связи, а вместе с тем появилась и возможность свободно и легко маневрировать. Однако указанная выше способность эксплуатировать обывательский транспорт еще не приняла организованных форм. Рассмотрим подробно этот вопрос.

Вследствие крайней разреженности боевых и походных порядков в нашей армии за редкими исключениями на всех фронтах войска могут снабжаться продовольствием за счет местных средств. Эта же редкая тактическая плотность имеет другое следствие в смысле снабжения, а именно: бой не носит столь напряженного характера, как это было в боях массовых армий, а это в свою очередь значительно уменьшает расход огнеприпасов.

Исходя из этих соображений и руководствуясь практикой, мы заключаем, что войскам необходимо подвозить лишь артснабжение, инжснабжение, вещевое довольствие и колониальные товары. Если подсчитать, по данным снабжения, все эти виды подвозимых припасов и считая, что одна обывательская подвода поднимает 10 пудов груза, мы увидим, что для подвоза всех этих необходимых припасов на дивизию в сутки потребуется 45–50 подвод (дивизия в 8 тыс. штыков, 16 тыс. ртов).

Наша армия не имеет постоянного войскового транспорта. Поэтому до создания такового ей приходится эксплуатировать живой транспорт обывательских подвод при посредстве этапно-транспортной части.

На Восточном фронте, между Волгой и Уралом, если очертить круг радиусом в 10 верст, в среднем получается, что жители этого круга, соблюдая очередь, могут выставлять

ежедневно 150–200 подвод (по данным опыта этапно-транспортной части 5-й армии). Если даже из осторожности и убавить это число вдвое, то получится около 100 подвод ежедневно.

Вероятно, такое число подвод обеспечено и на всех фронтах. При таком количестве местного транспорта хорошо организованная этапно-транспортная часть может создать мощный транспорт, более чем достаточный для питания наших дивизий.

Этапы располагаются через 20 верст каждый. Пять этапов объединяются командиром этапного батальона.

Каждый комендант этапа должен взять в своем районе на учет весь обывательский транспорт и разделить его на три очереди. Очередной обоз (взвод) должен быть всегда наготове. Грузы передаются от одного этапа до другого, где и перегружаются. В штат этапа (этапной роты) должен входить командный состав для этих очередных взводов обывательского транспорта.

Эксплуатация обывательского транспорта должна вестись по железной системе, и комендант этапа должен быть железным начальником в своем районе.

При движении вперед транспорт будет служить делу снабжения, возвращаясь назад, – делу эвакуации.

Учитывая суточную потребность дивизии в 45 подвод и число подвод, ежедневно выставляемых этапом, в 100, мы увидим, что одна этапная линия может обслужить две дивизии. В случае недостатка местного транспорта или необходимости в большом количестве снабжения, необходимо увеличить число этапных дорог.

Такая организация транспорта, пока наши армии не велики и занимают широкие фронты, развязывает нам руки. Это обстоятельство даже выгодно для нас.

Мы можем высказать парадоксальное на первый взгляд положение: живой обывательский транспорт не ограничен по длине, а следовательно, дивизии в нашей войне не зависят от железных дорог.

Темп развития операций

Мы уже упоминали раньше о том, что операции в нашу войну развиваются стремительно. Операции массовых армий развивались значительно медленнее, во-первых, благодаря нагромождению большого числа войск на небольших участках и, во-вторых, благодаря тому, что тыловые учреждения этих армий требуют значительно больших подготовительных работ.

После каждой операции производились остановки, чтобы

организовать тылы. Кроме того, самые войска имели значительно большее количество технических средств и, будучи лучше подготовлены, вели бои с большим упорством и с большей затяжкой. В настоящее время организовать тылы очень легко. Наиболее тяжелые виды снаряжения, как-то: продовольствие и фураж – войска находят на местах. Все это приводит к чрезвычайно быстрому развитию операций и к тому, что одна операция почти непрерывно следует за другой.

Оперативные формы наступления.

Стратегические резервы

Концентрическое наступление. Этим видом наступления у нас принято злоупотреблять до крайности. Правда, концентрическое наступление может в конце концов привести к громадному превосходству сил над противником в пункте сосредоточения наступающих армий, но для этого необходимо еще достигнуть этого пункта. Следовательно, такое наступление можно лишь тогда предпринять, когда противник не в состоянии помешать достижению пункта необходимого сосредоточения сил. Или если это достижение не обеспечено без боев, но тем не менее предпринимается, то на всем фронте наступления тактическая плотность войск должна быть предельной.

Этой весной на Южном фронте наши армии наступали концентрически, но тактическую плотность имели минимальную. Выходило, как будто пункт сосредоточения назначался армиям в тылу у противника. Деникин весьма легко разорвал всю эту сложную мудрость.

Концентрическая форма наступления дает большие выгоды, но требуется большое искусство для правильного ее использования.

Обход. Чрезвычайная быстрота марш-маневра в нашей войне делает обход одним из самых решительных средств победы. Но для успеха обход должен быть действительно стремительным. Медлительные обходы легко могут быть обнаружены противником и разгромлены быстро сосредоточенными против них силами. Это совершенно ясно, но тем не менее на решительные и смелые обходы, как это ни странно и ни печально, очень многие из наших начальников не решаются, а если и решатся, то совершают самые опасные обходы, т. е. осторожные, медленные.

Прорыв. Ввиду растянутости боевых порядков в нашей войне, стратегический прорыв этих кордонов очень легко осуществить. Тем не менее, к этой стратегической форме у нас прибегают реже всего, так как у большинства начальников опасения за свои фланги стоят выше всех остальных соображений. Если мы

вспомним соотношение сил в гражданской войне, то значение прорыва станет особенно ясным.

Стратегические резервы. Стратегические резервы, польза употребления которых всегда была сомнительна, в нашей войне и вовсе неприменимы. Как уже упоминалось, фронты армий громадны. Пути сообщения в полной разрухе. Вместе с тем операции развиваются со стремительной быстротой. Все это делает употребление стратегических резервов с целью нанесения противнику удара в решительный момент совершенно излишним и вредным самоослаблением.

Переброски с одного фронта на другой, а также и вдоль всего фронта, конечно, должны иметь самое широкое применение.

Управление

Слабость наших боевых порядков, а потому необходимость действий всех частей самым точным и однообразным способом, наконец, отсутствие определенной военной доктрины – все это заставляет в нашей войне чаще пользоваться приказами, чем директивами. Часто приходится приказы развивать инструкциями.

Особенностью нашей гражданской войны является то, что штабы армий представляют собой крайне грузные аппараты. Сверх полевой работы они производят формирование, подготовку пополнений, многие виды военных заготовок и проч. Эти условия делают штармы настолько грузными, что они могут передвигаться только по железным дорогам. При этом в период переезда штаб на долгое время теряет способность работать. Поэтому командармы очень часто вынуждены выезжать вперед с несколькими ответственными оперативными работниками, составляющими их полевой штаб, в то место, где они могут преодолеть трудности связи.

Это же явление мы часто замечаем даже в штадивах и штабригах. Оно объясняется тем, что наше наступление бывает иногда так быстро, что обозы не поспевают за войсками, а потому начальники с легким штабом выезжают вперед.

Преследование

В национальной войне. В национальной войне тактическое преследование давало большие результаты, чем стратегическое. Сбитые и отступающие войска на поле или за полем сражения принуждены были свертываться в походные колонны. Ввиду того что колонны эти были глубоки, времени на их свертывание уходило очень много. Преследующий, настигая эти скопления отступающего, частью рассеивал их, частью брал в плен.

Преследование стратегическое не могло давать таких результатов. Главные массы отступающего, выделив небольшие

арьергарды, могущие создать оборонительную линию, выигрывали на этой обороне арьергардов достаточно времени для того, чтобы вывести из-под удара противника свои разбитые силы. Эти силы, отойдя в тыл и приведя себя в порядок, могли вновь с успехом вступить в единоборство с противником.

В гражданской войне. В нашей войне значение преследования приняло обратные формы. Выход из боя для отступающего противника и переход его в походный порядок чрезвычайно для него легок, благодаря небольшой глубине колонн. Поэтому преследующий мало чем может поживиться в тактическом преследовании на поле сражения.

Зато стратегическое преследование, проведенное энергично и стремительно, дает обильную жатву. Разбитые и отступающие войска не могут прикрыться и выиграть время арьергардами, так как оборона не может быть осуществима не только арьергардами или авангардами, но и главными силами, как о том упоминалось выше. Наконец, главные силы и без того невелики и разбросаны на таких широких пространствах, что совершенно не представляется возможным выделить необходимые арьергарды. Сами главные силы слабее тех арьергардов, которые здесь были бы нужны.

Таким образом, главные силы в продолжение всего отступления находятся под непрерывными и непосредственными ударами стратегически преследующего неприятеля. Под этими ударами противник быстро разваливается. Единственно, чем может спастись отступающий, это оторваться от противника, делая стремительные переходы.

Выше уже упоминалось, что характерной особенностью штабов в нашу войну является их неспособность к частым перемещениям. Стратегическое преследование, заставляя эти штабы перемещаться с места на место, вконец разрушает всю организационную и созидательную работу в армии. Это обстоятельство, в связи с непрерывным поражением отступающей армии, может превратиться в полную катастрофу для последней.
Эти соображения подтверждаются тем необычайно малым количеством добычи, захватываемой в упорных боях даже и у разбитого противника. Зато разбитый противник, непрерывно преследуемый нашими войсками на большом протяжении, оставляет нам в конце концов массу пленных и массу военного имущества.

Разведка

Войсковая разведка. Недостаток в наших армиях конницы сильно затрудняет использование ее для целей стратегической разведки. В этом случае на помощь коннице приходит пехота на

обывательских подводах. Службу разъездов несут конные ординарцы или разведчики, а службу разведывательных эскадронов несут разведывательные батальоны на подводах. Блестящий пример организации такой стратегической разведки имеется в опыте 5-й армии.

В ноябре этого года необходимо было получить точные сведения о формировании Дутова в Кокчетавском районе. Кавалерия не могла быть использована для этого, так как участвовала в преследовании противника. Стратегическая разведка пехоты на подводах дала точные и обстоятельные сведения о наличных силах и формированиях в этом районе атамана Дутова.

Большую часть сведений о противнике мы получаем из боевых столкновений.

Воздушная разведка играет ничтожную роль, благодаря общей слабости нашей техники.

Статистика. Театры военных действий в нашей гражданской войне по большей части не были раньше исследованы в военном отношении. Карты отличаются неполнотой и устарелостью. Это заставляет наши штармы усиленно заниматься сбором статистических данных. Для этой цели в 5-й армии при оперативном отделе учреждено статистическое отделение.

Партизанство

Теперь последний вопрос – партизанство. В нашей войне замечается совершенно неправильное отношение к вопросу о партизанстве. На опыте Южного фронта, или, лучше сказать, Украинского, мы видели, как партизанство самым разлагающим образом действовало на нашу регулярную Красную Армию.

Многие напуганные этим и на Восточном фронте, в Сибири, где имеет место массовое партизанство, также боялись вредного его влияния. Однако, как мы видим, это партизанство не только не разлагает нашей армии, но, наоборот, служит ей отличным источником пополнения и даже помогает ей в ведении операций.

В чем же здесь дело?

Понять этот вопрос будет легко, если мы подразделим партизанство на две категории: партизанство национальное и партизанство классовое.

Эти определения сразу объясняют все происшедшее. Украинское партизанство мелкобуржуазного характера и анархистского оттенка, хотя бы и направленное против Деникина, тем не менее ни в коем случае не могло идти рука об руку с нашей классовой армией чисто классового характера и духа. Такое партизанство, если оно не будет пресечено в корне, неминуемо гибельно отзовется на нашей армии.

В Сибири партизанство возникло среди крестьян, чаша терпения которых переполнилась, которые восстали против эксплуататоров, которые сами у себя организовали Советскую власть, которые душой и телом стремились воссоединиться с рабоче-крестьянской Россией. Это движение было движением полной солидарности сибирского крестьянства с рабочим классом. Такое партизанство могло быть нам только полезным, и мы не ошиблись, широко поддерживая его.

Буржуазия об армии пролетариата (Статья М. Н. Тухачевского в газете «Правда», 1928, 23 февраля, № 46)

Красная Армия, как вооруженная сила мирового пролетариата, естественно, всегда приковывала к себе внимание мировой буржуазии. Но особенно усердно иностранная печать занимается этой проблемой в последнее время, ставя ее в связь с англо-советским конфликтом, десятилетием Октября и выступлением советской делегации в Женеве на сессии подготовительной комиссии по разоружению.

Каков же лейтмотив этих комментариев? Раньше всего, в нем чувствуется ненависть, ненависть и злоба классовых врагов, помноженная на страстное, упорное стремление уничтожить военную мощь ненавистного пролетарского государства, так «некстати», наперекор всему капиталистическому миру, вклинившегося в земной шар.

Таков «общий подход». Что же касается методов обработки общественного мнения, то здесь замечается некоторое разнообразие: то дается умышленно преувеличенная, гиперболическая оценка сил Красной Армии, то ее боеспособность приравнивается чуть ли не к нулю. В первом случае цель – оправдать свои собственные лихорадочные вооружения, представить Союз как злокозненного «нарушителя мира» и дискредитировать его в глазах широких народных масс на Западе. Образчиком такой злостно-провокационной пропаганды является пресловутая «гранатная кампания» германской социал-предательской прессы, в течение, долгого времени одухотворявшая «Морнинг пост», «Таймс», «Дейли мэйл» в Англии и французскую бульварную печать.

«Большевики, – истошным голосом вопили социал-демократы, – изготовляют гранаты». Какой ужас! Люди, которые в течение всей четырехлетней мировой войны служили у Гинденбурга и Людендорфа погонщиками, в шовинистском остервенении толкавшими миллионы пролетариев в пекло империалистической бойни под снаряды, и гранаты, и пули, приходят в священное негодование от того, что Советское правительство обзаводится всеми этими предметами военного снаряжения! Люди, которые клянчат у «сильных мира сего» милостивого разрешения на предмет вооружения своего буржуазного отечества, с пеной у рта вопят против вооружения

единственного пролетарского государства, обороняющегося от целого мира врагов!

Цель этого разыгранного по нотам «благородного возмущения» ясна: нанести удар моральному престижу СССР в глазах пацифистски настроенных рабочих, задержать рост симпатий широких пролетарских масс к СССР.

Другим ярким образчиком, иллюстрирующим этот метод борьбы с СССР, является помещенная в крупнейших органах буржуазной печати и подхваченная «Форвертс» и другими социал-демократическими газетами знаменитая «статья Сталина» о воздушных вооруженных силах СССР.

«Сенсационные заявления о русских воздушных силах. – У Советской России будет 3000 боевых и 7000 пассажирских аэропланов. – В течение 12 часов любой враг будет уничтожен».

Под такими цветистыми заголовками преподнесла своим читателям идиотскую фальшивку одна из старейших и «солиднейших» европейских буржуазных газет «Нейе Фрейе Прессе» (10 декабря 1927 г.).

«Было бы совершенно естественно, – писала почтенная газета в передовой по поводу «статьи Сталина», – чтобы государства, входящие в состав Лиги Наций, использовали этот случай, чтобы поймать Россию на слове».

И в такт этой буржуазной газете «Форвертс» без малейшей оговорки поместила ту же фальшивку под кричащим заголовком крупным шрифтом:

«Россия владеет небом! – Угроза Сталина по адресу Англии».

Так работают твердолобые редакторы «Форвертс», инспираторы гранатной кампании, рассчитанной, помимо всего прочего, на то, чтобы заслужить для своего буржуазного отечества милость великобританского империализма.

* * *

Это родство душ германских социал-демократов и английских империалистов находит свое дальнейшее выражение в кампании желтой истеричной «Дейли мейл», развернутой еще до появления «статьи Сталина».

«Московский воздушный заговор». «Флот из 3000 аэропланов». «Секретное строительство».

«Величайшая в мире продукция удушливых газов». Таков тон тех статей буржуазной печати, которые размалевывают «ужасы красного милитаризма» для того, чтобы мобилизовать общественное мнение против СССР и под шум крикливой

антибольшевистской кампании усилить свои вооружения.

Но наряду с этим те же или другие буржуазные газеты, как уже указывалось, употребляют и противоположный прием – они высмеивают Красную Армию как недееспособную вооруженную силу, раздираемую изнутри политическими противоречиями, и при этом как будто нашептывают: падающего толкни… По этой части с успехом подвизаются некоторые представители русской белогвардейской военщины за границей. Так, например, полковник Шумский осенью истекшего года поместил во французской газете «Журналь» статью, в которой «доказывал» слабость Красной Армии. Пресловутый Авгур в английском консервативном журнале «Фортнайтли Ревю» (январь с. г.), явно подзуживая Пилсудского, пишет, что Советское правительство потому, мол, посоветовало Литве начать переговоры с Польшей, что оно сознает свою слабость и невозможность вмешаться в случае нападения польской армии Пилсудского на Литву. Официоз Чемберлена «Дейли телеграф» в номере от 30 января, правда с некоторыми лицемерными оговорками, преподносит своим читателям «неофициальные сообщения» о том, что взбунтовавшиеся в Москве части Красной Армии бомбардируют Кремль. Близкий к Пилсудскому «Глос правды» (от 29 января) помещает сообщение из Вильны (!) о том, что взбунтовавшиеся полки двинулись на Москву; виленские газеты по этому ими же сфабрикованному «торжественному случаю» напечатали экстренные выпуски.

Попадаются, впрочем, в буржуазной печати статьи и сообщения, претендующие на некоторую объективность. Так, например, орган польского военного министерства «Польска Збройна», выступая против полковника Шумского, предостерегает от недооценки сил Красной Армии.

«Советская Россия, – пишет газета, – сама производит все необходимое для армии имущество, то есть не только вооружение, не только противогазы, но также самолеты, авиационные моторы, автомобили и танки… Что касается высшего командного состава, мы также не можем разделить мнение полковника Шумского. С конца войны истекает уже 7 лет, в течение которых советские командиры прошли разные высшие курсы усовершенствования, что в связи с имеющимся у них большим опытом, в особенности в области маневренной войны, значительно повысило их ценность в качестве военных командиров».

Далее польский официоз делает следующее любопытное признание: «Нельзя также согласиться с мнением полковника Шумского, что население Советской России не поддержит своего

правительства в случае войны». Что эти слова отнюдь не продиктованы симпатиями к СССР, а стремлением предостеречь своих друзей – русских белогвардейцев, свидетельствует вывод газеты, что если белая эмиграция «хочет опереть свои планы на реальный базис», то она должна считаться с Красной Армией как с «вполне реальной силой».

* * *

Что касается оценки общей политической роли Красной Армии, то в этом отношении мы в буржуазной печати наблюдаем ту же двойственность: с одной стороны, Красная Армия – это орудие русского великодержавного национализма и империализма, а с другой стороны, Красная Армия – опаснейшее орудие мировой революции.

«Аргументация» первой категории нужна для того, чтобы парализовать симпатии трудящихся всех стран к Красной Армии как родственной по духу вооруженной силе, как вооруженному защитнику эксплуатируемых и угнетаемых всех стран. В связи с этим особенно подчеркивается роль оставшихся в Красной Армии царских офицеров, на которых якобы держится вся ее боеспособность.

«За исключением русской церкви, – философствует «Нью-Йорк таймс» от 25 декабря 1927 г., – ни один институт в России не потерпел так мало изменений в результате революции, как вооруженная сила. Большинство ее наиболее способных офицеров служили царю. Организационные линии остались те же самые… Система базируется непосредственно на старой царской армии».

Правда, газета замечает одну только «маленькую» разницу: «Многие из младшего (? – *М.Т.*) командного состава являются пролетариями, принятыми в армию с целью демократизировать службу». И к тому же одна мелочь – присяга теперь новая… Политическая глубина анализа поистине поразительная!

В этом отношении с американским журналистом конкурирует лишь фашистский журналист из «Джорнале д\'Италиа».

«Если бы не красные знамена с серпом и молотом, – пишет газета по поводу одесских маневров, – красовавшиеся всюду в большом обилии на всей территории Одессы, можно было думать, что это царская армия готовится к походу на Константинополь и к исполнению завещаний Петра Великого».

Этот фашистский публицист, по-видимому, не знаком с Милюковым-Дарданельским, а то почтенный профессор мог бы ему кое-что рассказать о разнице в боеспособности армии,

которую гонят на фронт во имя захвата Константинополя, и армии, борющейся под символом серпа и молота.

Изощряются также в этой области польские «социалисты» школы маршала Пилсудского. Один из их лидеров – Казимир Чапинский помещает в «Работнике» (23 января) статью, в которой, ссылаясь на появившуюся в Париже книжонку некоего П. Фервака, якобы близко встречавшегося с Тухачевским в германском плену, «доказывает», что для Тухачевского коммунизм является не чем иным, как средством… завоевать все тот же Константинополь! Осторожный господин Чапинский, правда, при этом добавляет, что он не берет на себя ответственности за аутентичность заявлений, приписываемых Ферваком Тухачевскому, но тут же делает «вывод»: «Верно только то, что на подобные империалистические настроения мы неоднократно натыкаемся при анализе подоплеки официальной большевистской идеологии». Трудно, по-видимому, ученикам маршала Пилсудского, воспитанным на идеологии великодержавной Польши в границах 1772 г., представить себе интернациональную революционную идеологию, чуждую всякому национализму и империализму. Польским «социалистам» она кажется совершенно фантастической и невозможной…

* * *

Клеветники Красной Армии не сводят концов с концами. С одной стороны, обвинение в русском шовинизме, а с другой стороны, звериный вой о том, что Красная Армия, в отличие от всякой «приличной» вооруженной силы, имеет целью не защиту своего отечества, а осуществление задач «разрушительной» мировой революции. Кто не помнит, например, ноты Чемберлена накануне разрыва с сердитой злобной ссылкой на приказ Ворошилова, в котором Красная Армия квалифицируется как армия мировой революции?

Да, это единственный, поистине феноменальный случай, когда английский дипломат не соврал. Красная Армия – армия международного пролетариата и всех угнетаемых империализмом народов. В этом ее сила; поэтому она столь близка и родственна эксплуатируемым всех стран, поэтому она столь ненавистна всем эксплуататорам.

Это в свое время смутно понимал Ллойд Джордж. В своем меморандуме парижской мирной конференции весной 1919 г. он писал:

«Каким-то путем большевики ухитрились удержать влияние

на массы русского народа, и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, по-видимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы». (Ф. Нитти. Европа без мира).

Ллойд-Джордж понял раньше других, что с такой армией опасно иметь дело:

«Если послать теперь для этой цели (борьбы с Красной Армией) 1000 британских солдат в Россию, они взбунтовались бы… Мысль о том, что можно уничтожить большевизм военной силой, – безумие… Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет. (Gumming. Russian-American Relations).

Некоторые проблески сознания в этом отношении обнаружил также другой, наученный горьким опытом герой интервенции, учитель упомянутого г. Чапинского – маршал Пилсудский. В своей книге «1920 год» он признает, что поход Красной Армии на Варшаву производил революционизирующее значение на польские трудящиеся массы. Раньше всего он отмечает исключительную стремительность похода:

«Поход Красной Армии даже на испытанных генералов производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день является какое-то новое положение с новыми названиями географических пунктов, с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства».

Затем следует неосторожное признание:

«Под влиянием этого марша колебались характеры, размякали сердца солдат. Начинал организовываться наиболее опасный для меня фронт – *внутренний*» (курсив наш. – *М. Т.*)

В настоящий момент, момент десятилетия Красной Армии, врагам ее не мешало бы вспомнить все эти исторические факты. Но такова уже участь осужденного класса: он все забывает и ничему не научается.

Ударничество и социалистическое соревнование на маневрах (Из книги М. Н. Тухачевского «Памятка красноармейцу на маневрах», 1937 г.)

Введение

С каждым днем все больше и больше расшатываются устои капиталистического мира. Небывалый в истории мировой экономический кризис, развивающийся на основе общего кризиса капиталистической системы, охватил все буржуазные страны и все важнейшие отрасли производства. Число безработных в капиталистических странах перевалило уже за 35 млн. человек и продолжает возрастать. Идет широкое наступление буржуазии на рабочий класс: сокращается заработная плата, уменьшаются пособия по безработице, удлиняется рабочий день и т. д.

Миллионные массы крестьян разоряются вследствие падения цен на сельскохозяйственные товары, высоких налогов, огромной арендной платы и высоких процентов по долгам.

Мировая буржуазия, опираясь на социал-фашистов, усиливает и без того жестокую эксплуатацию трудящихся, громит революционные и рабочие организации, расстреливает демонстрации, загоняет в подполье коммунистические партии. Но эти меры не помогают. Жестокий кризис ширится и растет, растет и борьба трудящихся масс всех стран за свое освобождение от гнета и эксплуатации.

Успехи строительства социализма в СССР все более убеждают трудящиеся массы всех стран, что из нищеты и угнетения можно выйти только путем пролетарской революции. Бурный рост СССР вызывает страх и бешеную ненависть буржуазии. Против СССР, занятого мирным строительством и твердо проводящего политику мира, готовится новая империалистическая интервенция. Еще никогда эта подготовка нового нападения на нас не проводилась так открыто и настойчиво. Министры Америки, Англии, Франции и других капиталистических стран непрерывно разъезжают из одной страны в другую и в поисках выхода из кризиса, для спасения своих капиталов настойчиво и лихорадочно сколачивают антисоветский фронт. Подготовка к войне проводится и в виде прямых вооруженных нападений, как это было на Китайско-Восточной железной дороге. Война против

СССР подготовляется и экономическим путем, путем борьбы с вывозом наших товаров за границу. Она организуется всей буржуазной печатью, которая непрерывно проводит кампанию лжи и клеветы против нашей партии, нашей страны и нашего строительства. Буржуазия выступает открыто в виде провокационных покушений и нападений на наших представителей за границей.

Вместе с ростом кризиса капитализма растет и военная опасность. Буржуазия ищет выхода из создавшегося положения путем новой войны и нового нападения на Советский Союз. Военная промышленность в капиталистических странах растет все время, несмотря на кризис.

Международный пролетариат на страже СССР

Рабочий класс всех стран, ведя ожесточенную классовую борьбу со своей буржуазией, вместе с тем мешает нападению империалистов на наш Советский Союз, сознательно защищая его как ударную бригаду мирового пролетариата. В международный красный день (1 августа) как в прошлом, так и в этом году рабочий класс всего мира ответил мощным выступлением протеста против подготовки новой войны и нападения на Советский Союз.

Благодаря нашей политике мира и этой международной пролетарской солидарности, благодаря успехам нашего социалистического строительства, а также укреплению нашей обороноспособности и в первую очередь Красной Армии, мы избежали до сих пор вооруженного нападения (интервенции) империалистов.

Генеральная линия партии обеспечивает укрепление обороноспособности страны Генеральная линия партии обеспечивает укрепление обороноспособности страны. Индустриализация СССР, социалистическая перестройка деревни и громадная культурная работа в нашей стране дают нам все более культурного и классово сознательного бойца, а также все большее количество технических средств борьбы. Красноармеец должен принимать активное участие в выполнении пятилетки, в социалистическом переустройстве деревни и овладевать той техникой, которой с каждым годом все больше и больше насыщается Красная Армия. Красная Армия является величайшей силой, обеспечивающей строительство социализма.

Маневры – высшая ступень тактической и политической учебы

Маневры – это высшая ступень тактической и политической учебы и полевой закалки войск, отчет о достижениях в учебе. Маневрами завершается годовая учебно-воспитательная работа, а потому они являются наиболее широким полем для

социалистического соревнования между войсковыми частями, для поверки выполнения контрольных цифр боевой подготовки. На основе соревнования и ударничества должен проходить каждый этап и ход маневров.

В первую очередь соцсоревнование должно охватывать развитие самостоятельности, мобильности и смелости. Способность к обтеканию флангов и к проникновению в щели боевого порядка противника, способность к быстроте и решительности на основе образцовой, классовой, сознательной дисциплины должны особенно проверяться в соцсоревновании. Соцсоревнование должно охватывать политическую, тактическую и специальную подготовку войск, организацию тыла, порядок движения в колонне, работу среди населения (организация красных обозов с хлебом, распространение займа третьего решающего года пятилетки и т. п.).

Руководство маневрами и посреднический аппарат должны основывать свою работу на широком учете ударничества и соцсоревнования.

Смычка трудящихся и Красной Армии на маневрах

Наши маневры представляют собой смотр боевой мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии и ее готовности к защите интересов рабочего класса и трудящихся всех стран. В то же время они укрепляют смычку рабочих и крестьян с Красной Армией.

Маневры в этом году будут проходить в обстановке громадного роста и успехов социалистического строительства Советского Союза, в условиях, когда страна завершает построение фундамента социалистической экономики.

Во время маневров красноармейские части близко соприкасаются с населением. Поэтому каждый красноармеец должен быть проводником политики партии и Советской власти, уметь разъяснять среди широких масс трудящихся величайшие достижения истекших лет, а также и ближайшие задачи социалистического строительства.

Мы проводим ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Мы ведем и будем вести жестокую борьбу с кулаком и кулацким влиянием даже в районах, где раскулачивание уже проведено. Несомненно, что, как и в прошлые годы, бешено сопротивляющийся кулак и подкулачники используют все средства, чтобы повлиять на бойцов Красной Армии. Всякой такой попытке кулацкой агитации красноармеец должен дать жестокий отпор.

Маневры будут проходить в разгар хлебозаготовительной, уборочной и осенней посевной кампании и в период размещения

займа третьего решающего года пятилетки. Надо при всякой возможности активно помогать проведению этих кампаний, против которых всеми силами будут бороться кулак и подкулачник.

Красноармейская активность на маневрах должна помочь укреплению колхозов и дальнейшей коллективизации и укреплению новых кадров колхозных работников. Каждый красноармеец при всяком соприкосновении с населением должен помогать рабочим, крестьянам-беднякам и середнякам разоблачать кулацкую и поповскую агитацию, слухи и сплетни врагов Советской власти, пытающихся подорвать наше строительство и охаять колхозное движение.

Он должен по-братски относиться ко всем национальностям, с которыми ему придется встречаться на маневрах.

Все это требуется для того, чтобы каждому, даже самому отсталому трудящемуся, стало ясно, что Красная Армия – подлинное детище рабочих и крестьян.

Красноармейская активность должна оживить все формы военной работы в деревне (кружки Осоавиахима, работа с переменниками, военная работа в колхозах и сельсоветах, помощь семьям красноармейцев).

Передовая техника, передовые методы ведения боя

В связи с успехами индустриализации СССР неуклонно растет и военная техника в РККА. Основная задача бойца состоит теперь в том, чтобы суметь в полной мере овладеть той техникой, которая имеется в частях, и достигнуть при помощи ее высших форм тактического искусства.

Красная Армия доказала во время дальневосточных событий свою высокую классовую сознательность, героизм и истинный интернационализм. Вместе с тем мы проверили на практике правильность наших уставов. Мы проверили и то, что тактические ошибки, недостаток мобильности и напрасные потери имели место там, где не знали и не умели применять наших уставов. Мы никогда не боимся признавать наши ошибки и, признав их, беремся решительно их искоренять.

Умелое применение уставов в бою, основанное на самой широкой и смелой инициативе, повышение использования нашей техники при тактической грамотности, вся работа на основе ударничества и соцсоревнования – вот то, что обеспечивает Красной Армии неудержимый, бурный рост ее боевой мощи. Каждый красноармеец должен быть ударником в деле повышения боеспособности Красной Армии.

Дисциплина и бодрость – залог победы

Полевая походная и боевая обстановка требует от каждого

бойца огромного напряжения всех его сил. Необходимость этого напряжения на войне понятна всякому, на маневрах оно может показаться подчас чрезмерным и излишним. Опыт маневров должен показать каждому красноармейцу, что без величайшей выдержки и строжайшей дисциплины армия не может быть боеспособной.

Наша дисциплина основана на осознании красноармейцем тех классовых интересов, которые он отстаивает с оружием в руках. Сознательная дисциплина, соединенная со способностью красноармейца к самостоятельным, смелым действиям, с предприимчивостью, с горячим интересом ко всем изменениям обстановки, – вот что создаст выдающегося бойца. В этом направлении должно развиваться и соревнование между красноармейцами. Члены партии и комсомольцы должны быть в нем первыми ударниками, руководителями и застрельщиками.

Маневры – дело тяжелое и трудное. Успеха на них добиваются те войска, которые умеют бодро переносить все тяготы. Поэтому никогда не следует терять бодрости, следует помнить, что веселое, уверенное слово, шутка подбадривают товарища, а общая бодрость – залог боевого успеха.

Развивая сознательность и наблюдательность

Красноармеец всегда должен стремиться к тому, чтобы правильно понять, как ведется бой, с какой постепенностью он развивается и как вводят в него, по мере надобности, различные боевые средства. Этому пониманию сильно помогает красноармейская печать, которая день за днем и шаг за шагом освещает маневренную деятельность войск. Особенно следует изучать разборы столкновения и ходов маневров.

Сам красноармеец-военкор оказывает большую пользу общему делу, когда дает в газету свою заметку с оценкой боевых действий своей части на маневрах, сравнивая эти действия со всем тем, что он сам усвоил и изучил за эти годы. В военное время от наблюдательности и сообразительности бойцов во многом зависит быстрое и правильное понимание тех новых приемов боя, которые выдвигаются войной. Новые виды вооружения появляются во время каждой войны, а всякая такая новость часто заставляет изменять и боевые действия войск. Красная Армия по части военной техники добилась за последние годы крупнейших успехов. Она улучшила свое вооружение и тактическую подготовку. Но на достигнутых успехах застывать не приходится: военное дело непрерывно движется вперед и непрерывно развивается. Следить за этим – обязанность каждого бойца.

Наблюдать за полем боя, отыскивать пулеметы, наблюдательные

пункты противника и проч. и немедленно докладывать об этом своему командиру – это одна из основных обязанностей красноармейца, от которой в значительной степени зависит успех боя.

Во взаимодействии – сила

В чем главные особенности современного боя? После империалистической войны весьма усилилось пулеметное вооружение пехоты. Это резко повысило способность пехоты и всех войсковых соединений к обороне. Поэтому наступление тоже требует от пехоты хорошего использования своих пулеметов и искусного маневрирования совместно с другими родами войск.

Пехотным частям даются определенные цели для наступления. Для достижения их общевойсковой командир и его штаб разрабатывают план наступления и атаки. План предусматривает всю сложность боя и организует управление наступлением на различных рубежах в глубину. Руководствуясь этим планом, артиллерия ведет огонь так, чтобы расстроить пулеметную основу оборонительной полосы противника. Артиллерия, таким образом, дает возможность пехоте своевременно произвести сближение, затем наступление, изготовиться для атаки и атаковать противника. Танки помогут преодолеть искусственные препятствия противника, а также помогут в дальнейшей атаке. В дальнейшем во время прорывания оборонительной полосы противника во всю ее глубину безотказное взаимодействие пехоты, артиллерии и танков должно быть непрерывным.

Таким образом, наступающей пехоте во время движения к противнику помогают и заранее для нее подготовляют успех другие рода войск, в первую очередь артиллерия.

Такая же помощь оказывается и коннице, когда она спешивается.

Чтобы помощь артиллерии была более действительной и соответствовала быстротечному развитию боя, артиллерия разделяется на группы поддержки пехоты (ПП). Эти группы оказывают поддержку определенным пехотным частям. От командиров частей они получают и боевые задачи. Пехота в этом случае указывает артиллерии, какую она должна обстрелять цель и куда переносить огонь при дальнейшем передвижении. Точно так же пехота указывает цели и танкам ДПП (дальней поддержки пехоты), уничтожающим главным образом станковые пулеметы противника и НПП (непосредственной поддержки пехоты).

Быстрота развития боя зависит от скорости наступления пехоты, а значит, от смелости, расторопности и предприимчивости отдельных бойцов. Эта быстрота зависит

также и от искусства бойцов других родов войск, например от способности, храбрости и настойчивости артиллеристов и связистов из отделения связи с пехотой. Они должны вовремя, без задержки передавать на батарею требования пехотных командиров. При переправах через реки успешность и быстрота развития боя зависят не только от пехоты, но и от саперов и т. д.

Пехота выносит на себе главную тяжесть боя, она преодолевает громадные трудности лицом к лицу с противником, ведет огневой и рукопашный бой и закрепляет достигнутую победу. Поэтому артиллеристы, связисты, химики, саперы и прочие специалисты обязаны всемерно содействовать пехоте, облегчать трудности ее боевой работы, помогать ей добиваться победы с наименьшими потерями.

Все это говорит за то, что каждый красноармеец должен понимать тактику (способ боевых действий) не только своего рода войск, но и тех, которые его поддерживают, обслуживают, с которыми он работает вместе.

Красноармеец не может быть только немым исполнителем. Он и сам должен быть творцом, деятельным участником боя. На маневрах ему необходимо не только воспользоваться тем, чему его учили, но еще и подметить, в чем сказались наши недочеты, как мы от них должны избавиться и что сам красноармеец может и должен сделать для того, чтобы толкнуть вперед дело нашей тактической подготовки.

Самостоятельно действовать, а не ждать распоряжений

Несмотря на огромную помощь всех родов войск, окончательный успех боя зависит от пехоты, от того, возьмет пехота занятый противником рубеж или нет. На плечи пехоты в бою выпадают самые большие трудности и опасности. Поэтому быстрота развития боя на деле зависит от политической сознательности и уверенности пехоты в своих силах, от ее способности к героизму, от ее настойчивости в порыве вперед. Каждый красноармеец-пехотинец должен постоянно помнить о том, что от его личной отваги, ловкости и подвижности зависит судьба боя.

Во время сближения пехота батальонными колоннами движется большей частью по скрытым подступам, где красноармеец действует по приказам и команде командира. С началом наступления в рассыпном строю красноармеец становится вполне самостоятельным бойцом, сознательно выполняющим общую задачу своей части. В это время от почина и умения отдельных бойцов зависят напор и стремительность наступления всей части.

Часто думают, что раз наступление ведется пехотой строго по

приказам командиров от рубежа к рубежу, то частному почину бойца проявиться негде. Это ошибка, которая сплошь и рядом является источником самых крупных наших тактических недочетов. Такое мнение поражает ту самую медлительность, сонливость и малоподвижность, с которыми мы ежечасно боремся и от которых понемногу избавляемся. Оно превращает бойцов и командиров в «ждущих распоряжений», в то время как таких распоряжений дождаться трудно. Напряженность, шум боя и широкая расчлененность пехотных строев не позволяют даже самому лучшему командиру постоянно управлять стрелками и даже видеть их.

Наступление пехоты требует большого мужества. Оно будет проявлено отдельными бойцами лишь в том случае, если они будут воспитаны в духе самостоятельного (инициативного) наступления. Поэтому «жду распоряжений» – это отговорка для бездеятельного, для плохого бойца, чаще всего для труса.

В чем состоит самодеятельность и почин наступления? В том, что если, например, командир приказал своим стрелкам выдвинуться на какой-нибудь рубеж, то как бы ни была велика опасность, каждый стрелок обязан выполнить этот приказ, не медля ни одной минуты, не дожидаясь ни указаний, ни подталкивания, и выполнить, даже если на пути встретятся непредвиденные трудности. Но исполнение этого приказа, т. е. достижение рубежа, не означает, что красноармеец не имеет права продвинуться и дальше его. Командир, когда подавал свою команду, мог ведь и не заметить со своего места, что его часть может беспрепятственно продвинуться еще дальше. Если же рядовой боец, выйдя на указанный рубеж, отлично видит, что беспрепятственно и не мешая огню соседей может продвинуться дальше, то он имеет право это сделать по собственному почину. Более того, он обязан это сделать, если он действительно хороший боевой красноармеец.

Во время прорыва оборонительной полосы противника такая доблесть, такая сноровка рядового бойца особенно необходимы. Ведь ни один командир во время движения части вперед не будет кричать «стой», «ложись». Наоборот, он будет все время требовать: «вперед». Поэтому красноармейцу нужно так воспитать себя, чтобы командиру не приходилось подгонять, а чтобы, наоборот, сам красноармеец тянул вперед весь боевой порядок. Военкоры должны отмечать в газетах тех из своих товарищей, которые проявили и постоянно проявляют способность и умение самостоятельно, не ожидая распоряжений, бросаться вперед и решительно развивать наступление. Наш Боевой устав пехоты и Полевой устав требуют именно таких смелых и самостоятельных

действий. Только в обороне никто не имеет права бросать своего места, т. е. отходить назад без приказа командира. Вот каким должен быть в бою красноармеец-ударник.

Быстро подняться с ночлега, быстро построиться, быстро развернуться, быстро выполнить каждую команду, смело и самостоятельно действовать в наступлении – вот те основы, на которых строится тактика подвижной и способной к победам армии. Командиры и политработники, партийные и комсомольские ротные ячейки должны оказать полную поддержку красноармейцам в развитии этих основных качеств бойца, широко применяя здесь метод социалистического соревнования и ударничества.

Само собой понятно, что все сказанное касается не только пехоты. Не меньше, если не больше, это касается танков, конницы и других родов войск.

Подготовленный боец лишит врага его техники

В современной войне надо быть всегда готовым к нападению авиации и мотомеханизированных частей противника.

При нападении авиации с ней ведут борьбу наши истребители, артиллерия, пулеметы, а в некоторых случаях назначенные стрелковые отделения. При появлении самолетов противника надо соблюдать строгий порядок, быстро выполнять приказы командного состава, укрываться в указанных укрытиях и приготовлять противогаз.

Ни в коем случае нельзя открывать беспорядочный огонь из винтовок. Зато тот, кто назначен для борьбы с самолетами и наблюдения за их появлением, обязан быть бдительным, спокойно и метко вести огонь по воздушному врагу, помня, что от этого зависит жизнь многих остальных бойцов и достижение поставленной цели всех наземных действий.

Для борьбы с танками и броневиками прежде всего служат специальные противотанковые минные поля и другие препятствия, а также пушки батальонной, полковой и дивизионной артиллерии. За появлением танков надо тщательно наблюдать. От бдительности наблюдателей зависит своевременное отражение нападения танков. При появлении танков надо укрыться в окопе или за закрытием (наблюдение из танка плохое) и вести огонь по следующей за танками пехоте и по наблюдательным щелям танка. Если пехота противника отражена, то танки вряд ли будут иметь успех: они или попадут в плен или будут расстреляны артиллерией. Когда танк подходит совсем близко, то под гусеницы танка нужно бросать гранаты заранее приготовленными связками по 5–7 штук.

Топкое болото, густой лес или вырубка с толстыми пнями,

овраги и балки с крутыми, обрывистыми берегами, речки не менее 2 метров глубиной не пропустят танка. В деревнях на дорогах без обходов (по сторонам болото) можно загораживать дорогу бревнами, поваленными деревьями и т. д. Когда танк или какая-либо другая машина остановится и команда выйдет убрать препятствия, тогда внезапным огнем надо перебить команду и захватить машину.

Против танков надо действовать смелее и помнить, что даже в непосредственной близости можно бороться с танком. Непосредственно рядом с собой танк поражать не может, так как его пулеметы и пушки стреляют под определенным углом и рядом с танком есть некоторое непоражаемое пространство.

При применении противником химических средств немедленно, по тревоге надо надеть противогаз и продолжать выполнять свою задачу. При попадании на зараженные места переходить их можно только по приказу командиров после дегазации или же по проходам, указанным химическими разведчиками или командирами.

Огонь и движение – основа боя

Во время наступления красноармеец не должен оглядываться на соседей. Он самостоятельно выбирает себе место, которое как можно более укрывает его от наблюдения противника и вместе с тем позволяет вести по противнику огонь. Выбор огневой позиции при наступлении и при обороне зависит от самой обстановки боя. При наступлении важно лишь обстрелять противника, но не важно, если между стрелками (пулеметом) и противником имеются мертвые пространства…

Перебежки надо делать стремительно и падать (ложиться) быстро.

Маневры являются лучшей школой выработки таких сноровок.

В бою слабо дисциплинированный боец во время ведения огня волнуется. Если он сам себя не воспитал в мирное время на спокойном, уверенном ведении огня, в противника он не попадет. Маневры являются в этом отношении прекрасной школой. На них каждый красноармеец должен правильно устанавливать прицел и верно прицеливаться. Посредник не всегда сумеет проверить, правильно ли нашел цель и прицеливается боец. Сам красноармеец должен воспитывать себя на правильном ведении огня. Привыкнув к этому при стрельбе холостыми патронами на учениях и маневрах, боец сохранит эти навыки и на войне.

Следи за полем боя

Пехоте трудно вести наступление и добиться успеха, пока не будут подавлены пулеметы противника. Для того чтобы их

подавить, надо их найти и указать их своим пулеметам и артиллерии, а это дело нелегкое. Одному командиру определить местонахождение пулеметов противника невозможно. Этому делу должна помочь вся красноармейская масса. Каждый боец должен все свое внимание напрячь для того, чтобы точно определить, где находится неприятельский пулемет. Очень часто стрельбу пулемета слышишь, а откуда она идет, определить не можешь. Здесь нужны сноровка, опыт и большое внимание. Особенно трудно определить местонахождение пулемета, ведущего огонь с закрытой позиции.

Но красноармеец не только должен уметь найти пулемет, он должен уметь и указать его, точно объяснить по местным предметам его место. О каждом замеченном пулемете следует немедленно доложить своему командиру, ближайшему пулеметчику, а также передовому артиллерийскому наблюдателю, если он находится поблизости. Это один из самых важных вопросов подготовки наступательного боя. Поэтому будет полезно, если для определения пулеметов противника будет организовано широкое соревнование на маневрах.

Каждый красноармеец должен интересоваться, где расположены свои, соседние пулеметы – ручные и станковые, а также знать, где находится передовой артиллерийский наблюдатель.

Красноармейцу надо хорошо знать службу подноса патронов, внимательно следить за их расходованием и своевременно докладывать командиру о необходимости пополнения.

И в наступлении и в обороне командир отделения может выйти из строя. Могут быть выбиты и его заместители. Нельзя допускать потери времени в замещении убывшего командира. Если нет заместителя, то в командование вступает тот красноармеец, который более расторопен, смел и находчив и который первый скомандует: «Отделение! Слушать мою команду!»

Для атаки подходи ближе к противнику

Пока артиллерия обстреливает передний край оборонительной полосы противника, необходимо как можно ближе подобраться к нему. На 200 метров подойти вполне возможно, не боясь своей артиллерии. Если в это время отдельный наш снаряд неожиданно и залетит в расположение своих войск, то он сделает меньше вреда, чем противник, когда наша артиллерия уже перенесет свой огонь, а бегущая издали в атаку пехота будет расстреливаться поднявшим голову противником.

Надо всегда иметь в виду, что, как бы ни была сильна артиллерийская подготовка, она никогда не сможет уничтожить

противника полностью. Она сможет напугать его, пригнуть к земле, нанести ему большие потери. Однако атакующая пехота должна помнить, что если она не подойдет как можно ближе к поражаемым артиллерией целям, если она хоть немного замешкается с атакой после того, как артиллерия уже перенесла свой огонь в глубину неприятельского расположения, то противник может очухаться, поднять голову и нанести атакующим большие потери. Поэтому пехота должна возможно ближе подойти к разрывам своих артиллерийских снарядов. Но как только огонь будет перенесен в глубь расположения противника, пехота должна ураганом набрасываться на неприятеля и не давать ему ни одной лишней минуты на «очухивание».

Если для прикрытия движения пехоты поднята дымовая завеса, то необходимо всеми силами стремиться вперед, чтобы под прикрытием дыма возможно ближе подойти к противнику.

Учись действовать с танками

Современные танки – мощное средство наступления. Они прокладывают дорогу пехоте, подавляют огневые средства противника, расстраивают его боевой порядок и ведут борьбу с его артиллерией.

Следом за танками идет пехота и закрепляет достигнутый совместно с танками успех.

Пехота и сопровождающие ее пушки батальонной и полковой артиллерии обязаны оказывать танкам всевозможное содействие: уничтожать противотанковые орудия, помогать танку огнем по прислуге пулеметов и орудий противника, указывать необходимые цели и т. д.

При поддержке танков нечего бояться поразить их своим огнем: танк надежно защищен от ружейных и пулеметных пуль, огонь стрелков и пулеметов не может принести ему вреда.

Если танки задержались и не могут двигаться дальше, пехота должна продолжать наступление при поддержке артиллерии и пулеметов. Каждый боец должен знать, что танки только поддерживают пехоту в бою, но не заменяют ее.

Распространяй атаку вглубь

Атака в первую голову ведется на пулеметы и на группы стрелков, иначе говоря, на огневые очаги противника на его переднем крае. Но с занятием этих первых огневых очагов дело не кончается. Пехота должна произвести еще ряд атак против таких же очагов, расположенных в глубине неприятельской обороны. Подходя к переднему краю противника, красноармеец должен хорошо вдуматься в план атаки того огневого очага, на который направляется его отделение.

Необходимо, чтобы стрелковый взвод маневрировал; т. е. стремился к тому, чтобы огонь и направление атаки велись по определенному плану, наиболее подходящему к обстановке.

В боевой обстановке, особенно перед атакой, командиру взвода трудно командовать так громко, чтобы его услышали все. Отделениям многое придется делать и по собственному почину. А в самих отделениях многое будет делаться по почину отдельных бойцов. Поэтому каждый красноармеец должен быть не только участником, но и творцом маневра и атаки. Каждый боец должен ясно понимать общий план действий взвода и направлять свою деятельность так, чтобы она не шла вразрез с общими действиями, а, наоборот, помогала, выправляла и обеспечивала их.

Большую самостоятельность стрелковые и пулеметные отделения, а также отдельные бойцы должны проявить после овладения каким-либо огневым очагом противника. Одним очагом ведь дело не кончается. За первым надо атаковать второй, за вторым – третий и т. д.

Скорость движения возлагает очень большие обязанности на артиллеристов и на связистов. Отделения для связи с пехотой должны четко выполнять свои обязанности, чтобы не отставать от передовых частей наступающей пехоты и чтобы связь при этом не терялась. Полного взаимодействия пехоты и артиллерии достигнуть нетрудно при медленном наступлении и очень трудно – при быстром. А мы должны уметь наступать очень быстро. Поэтому каждый артиллерист должен помнить, что если он не сделает всего от него зависящего, если он не напряжет всех сил, то быстро наступающая пехота останется без артиллерийской поддержки и понесет ненужные потери.

При дружном стремлении вперед не страшны засады

Смелое, безудержное прерывание и преследование может быть окончено только тогда, когда живая сила и артиллерия противника будут захвачены в плен или уничтожены.

При развитии таких смелых действий иногда опасаются засад неприятеля. Конечно, такие засады возможны, но только в том случае, если наступательные действия будут вестись лишь отдельными, не связанными друг с другом бросками вперед одиночных людей или отделений.

Если же все или большинство отделений и отдельных бойцов будут действовать смело и напористо, то никакие засады не страшны, так как таковые сами попадут под фланговый удар наших частей.

Таким образом, если пехота понимает свои задачи, если она правильно воспитана в духе смелости, напора и почина, то ей не

страшны никакие засады противника. Хорошая пехота сумеет использовать каждую оплошность противника. Если в его расположении обнаруживается какая-нибудь щель, трещина, то в эту трещину надо обязательно пролезть и постараться ее раздвинуть, расширить. Появление в боевом расположении противника даже отдельных бойцов расстраивает его, нарушает его оборону и наводит на него панику. Найти его фланг, внешний или внутренний, обойти его и атаковать – вот к чему должна стремиться каждая пехотная часть и каждый отдельный боец.

Во время разведывания и в бою с неприятельским охранением точно так же требуется большая самодеятельность и напористость. Следует всегда помнить, что самые важные сведения о разведке добываются боем и захватом пленных.

Пехоте на маневрах надо хорошо знать и уметь применять правила борьбы с авиацией противника и ее химическими средствами.

Пехота должна уметь вести наступательный бой совместно с танками, держа с ними теснейшую связь; должна уметь бороться с вражескими танками, ведя огонь по их смотровым щелям и поражая следующую за танками пехоту противника.

В обороне будь стойким

Уничтожить противника и добиться окончательной победы можно только наступлением. Однако нельзя наступать по всему фронту и беспрерывно. Иногда выгодно временно перейти к обороне. Каждый боец в обороне должен так выбирать себе место, чтобы прежде всего можно было видеть и поражать огнем наступающего противника. Достигнуть успеха в оборонительном бою можно только в том случае, если все бойцы будут драться до последней возможности.

Ни в коем случае нельзя отходить даже тогда, когда соседние огневые точки захвачены противником. Надо приложить все силы, чтобы огнем задержать его и атакой ударных групп уничтожить ворвавшегося противника. Отходить можно только по приказу.

Когда будет приказано отходить, то первыми отходят стрелковые отделения. Пулеметы до последней возможности если нужно, то, жертвуя собой, прикрывают отход стрелков. Артиллерия самым напряженным огнем также обеспечивает отход, в крайних случаях не останавливаясь перед явными потерями. Выход из боя должен происходить перекатами: когда одни отделения, взводы, батареи отходят, то другая их часть огнем сдерживает противника.

Даешь технику!

Своевременная чистка и смазка и правильное обращение с техникой при ее использовании – основное для обеспечения безотказной работы оружия и техники в бою.

С техникой, которая вследствие плохого ухода пришла в негодное состояние, нельзя добиться победы.

Каждый красноармеец должен понимать, насколько важно сбережение техники. Что получится, если моторы самолетов и танков будут отказывать в работе, приборы для стрельбы в артиллерии будут врать, пулеметы будут расшатаны и побиты, у винтовок будут сбиты мушки, погнуты штыки и прицельные рамки, у гранат заржавеют ударники и будут сломаны пружины, в противогазах слипнется от непротертого пота резина и засорятся горловины и т. д.? Ясно, что в таких условиях много прольется лишней крови и трудно рассчитывать на успех в бою.

Нужно строго выполнять все указания командиров по уходу за техникой, любить и беречь свое оружие, чтобы оно без промаха било по целям, не отказывало в критическую минуту.

Необходимо помнить, что всякая порча и потеря оружия, требуя замены или крупного ремонта, загружает бесцельно нашу промышленность, отнимает у фронта те новые образцы оружия, которые могли бы быть сделаны вовремя и т. д.

На походе храни порядок

Высокая маневренность достигается умением войсковых соединений производить стройные и быстрые марши. Для этого колонны должны, не растягиваясь, двигаться только по одной стороне дороги. Если же красноармейцы не соблюдают этого правила и занимают всю дорогу, то тем самым они прекращают возможность управления колонной. Это управление возможно лишь в том случае, если одна сторона дороги свободна и конные ординарцы, мотоциклы и автомобили могут двигаться без задержки, отвозя донесения и передавая приказания. Колонна, идущая строго по одной стороне дороги, всегда будет иметь большое преимущество во встречном бою перед колонной, беспорядочно занимающей всю дорогу. Таким образом, требование движения по одной стороне дороги вызывается не стремлением к красоте движения, а стремлением сделать колонну подвижной, маневренной, боеспособной.

В походе красноармеец должен тщательно следить за своей обувью и ногами. Мытьем ног, правильной обмоткой, правильно завернутой портянкой, смазыванием обуви боец предотвратит потертость ног и сохранит свою бодрость.

Красноармейцам-посредникам на маневрах следует помнить, что их обязанности заключаются не только в том, чтобы следить за правильностью применения к местности и ведения огня, но и в том, чтобы развитие боя на маневре поощряло самодеятельность, смелость, напор, предприимчивость бойцов. Этим постоянно должен руководствоваться каждый посредник. Ошибки, которые

посредники допускали в прошлом и которые заключались в том, что они убивали частный почин бойцов, необходимо окончательно изжить.

Настоящая памятка охватывает лишь те учебно-тактические вопросы, которые мы должны твердо усвоить на маневрах, которые являются наиболее ударными и важными для нас.

На маневрах каждый красноармеец должен сознательно стремиться выполнить поставленные перед армией учебно-тактические задачи. Для этого недостаточно выполнять одни приказы. Надо, чтобы каждый красноармеец в каждом отдельном случае, в различной обстановке проверял себя в усвоении учебных и тактических требований и в правильности своих действий.

Маневры стоят дорого. Тот, кто не выполняет предъявленных к нему требований, зря сорит народные деньги.

Все внимание, все усилия и энергию маневрам! Только таким путем можно выполнить долг перед своей частью, Красной Армией и трудящимися СССР и всего мира.

«Под напором товарища Сталина…» (Из речи М. Н. Тухачевского на XVII съезде ВКП(б) 4 февраля 1934 г.)

Товарищи, победоносное осуществление задачи, поставленной товарищем Сталиным, – задачи превращения нашей страны из аграрной в индустриальную, позволило нам не только производить все средства производства, но и позволило нам производить и все необходимые орудия обороны.

Победа на фронте коллективизации, построение фундамента социалистического общества создали для строительства Красной армии такой социальный базис, какого мы не имели еще до сих пор и о котором мы только мечтать могли во время гражданской войны, во время первой интервенции империалистов. И само собой понятно, что по мере построения бесклассового общества мощность, монолитность Красной армии будет все больше и больше возрастать.

В ногу со строительством индустриального нашего базиса росла и техническая мощь Красной армии. Об этом ярко и подробно доложил товарищ Ворошилов XVII съезду.

Я хотел бы добавить к этому, что в развитии нашей технической мощи товарищ Сталин не только играл общую руководящую роль, но и принимал непосредственное и повседневное участие как в выборе необходимых образцов вооружения, так и в постановке их на производство. Товарищ Сталин не только ставил общие задачи, особенно по вооружению армии авиацией, танками, артиллерией, дальнобойной и скорострельной, наиболее современной, но и созывал организаторов производства – директоров заводов, руководителей парторганизаций и практически добивался успешной постановки производства. Вероятно, директора заводов и руководители парторганизаций помнят, как товарищ Сталин ставил эти вопросы и как повседневно контролировал выполнение поставленных задач.

Эта работа, это руководство создали нам ту техническую мощь, которою обладает Красная армия и которую на параде вы будете еще раз видеть.

Товарищи, само собой понятно, что вместе с техническим ростом индустрии будет развиваться и в дальнейшем техническая мощь Красной армии. Точно так же понятно, что в случае войны

потребность в снабжении техническим имуществом, снаряжением, орудиями, самолетами, танками будет гигантски возрастать.

Растущая наша индустриальная мощь дает возможность полностью разрешить эту задачу. Но задача эта чрезвычайно сложная. Мало еще иметь гигантский индустриальный базис, – надо суметь его взять, надо суметь перевести его с мирной продукции на дело снабжения фронта.

Вот это дело снабжения фронтов, перевод мирной продукции на военную, или – как называем мы – мобилизация промышленности, должна привлечь к себе особое внимание, и я хотел бы на этом вопросе остановиться.

Если посмотреть, как протекало снабжение армий во время империалистической войны в наиболее передовых индустриальных странах, то увидите, что военные кадровые заводы играли в этом деле очень небольшую роль. Основная масса производства падала на гражданские заводы, которые кооперировались с военными и давали основную массу производства. Для примера: в Германии производство орудий до войны имело 4 кадровых завода. Во время войны работало на производство орудий 586 частных заводов. Пулеметы: до войны работало 3 кадровых завода, во время войны – 60 частных заводов. Самолеты: до войны работало 16 кадровых заводов, во время войны – 124 завода и т. д.

Это дело чрезвычайно трудное, и капиталистическим странам потребовалось много времени на то, чтобы перевести гражданские производства на рельсы военных производств. До войны мобилизация промышленности не была предусмотрена, приходилось импровизировать, но, во всяком случае, капиталисты нашли организационные методы, как ее осуществить. Гражданские заводы прикреплялись к определенным военным заводам или из гражданских выбирались наиболее крупные, ведущие заводы, к которым прикреплялись другие, и такой куст имел общее руководство по организации и производству необходимого снаряжения. Сейчас весь капиталистический мир, все капиталистические страны на основе опыта империалистической войны стараются в мирное время проделать всю ту подготовительную работу, на которую они тратили так много времени во время войны, и сейчас мобилизационное развертывание промышленности произойдет в очень короткий срок.

(Далее, говоря об успехах вооружения РККА, Тухачевский обращает внимание съезда на те недочеты производства, которые не вполне еще изжиты в промышленности.)

…К чертежному хозяйству мы имеем на наших заводах чрезвычайно пренебрежительное отношение. Можно было бы привести множество примеров. Деталь делается с припусками, не считаясь с допусками чертежа, чтобы потом, в сборочном цехе, базируясь на высококвалифицированных слесарях, подпиливать, подтачивать, припасовывать деталь к детали. Не то, чтобы подгонять детали к чертежу, нет, деталь подгоняется к сопряженной детали. Это называется отладить систему. И характерно, что техническое руководство завода считает зачастую, что так и должно быть, что тут нечего изменять.

Если вы обратитесь на наших заводах к калибровому хозяйству, о котором говорил товарищ Рудзутак в отношении Московского тормозного завода, то вы зачастую увидите там такое же безобразие. Если калибровое хозяйство имеется, то зачастую рабочие и мастера о нем не знают, что и понятно. Раз деталь не обрабатывается в пределах допуска чертежа, а делается с «припуском», то калибром этой детали невозможно проверить, и калибры понемногу вовсе забываются. Зачастую калибры тоже не соответствуют чертежам. Вообще к этому делу нет должного внимания. В целом, товарищи, ни к чертежному, ни к калибровому хозяйству уважения и внимания у наших заводов нет. А без этого и без правильно налаженного технического контроля конечно не может быть и правильно построенной машины.

Как обстоит дело с техническим контролем? Мне приходилось бывать на капиталистических фабриках, и я видел, что когда сопровождающий инженер обходит станки по потоку производства, то главное внимание он обращает на то, как осуществляется технический контроль. Он сейчас же калибрами показывает, как проверяется данная деталь, как производится разбраковка, потому что, заявляет он, слишком дорого запускать дальше запоротую деталь. У нас на многих заводах, наоборот, на контроль не обращают никакого внимания. И я должен сказать в порядке самокритики, что многие директора заводов сознательно ослабляют технический контроль, лишь было бы побольше продукции, а с качеством потом разбирайся. Благодаря этому производство в таких случаях запарывается и чрезвычайно хромает.

Товарищ Сталин предложил очень хорошую вещь для автопромышленности, а именно, чтобы отделы технического контроля были изъяты из подчинения директоров заводов и подчинены непосредственно начальнику управления. Я думаю, что если это провести во всей машиностроительной промышленности, то это дало бы значительное улучшение.

Если к этому прибавить важность термического режима, то дело станет еще более понятным. Вот здесь товарищ Серго говорил о доменном процессе, докапываясь до мелочей, но в эти мелочи упирается все доменное производство. Точно так же у нас с чертежами, калибрами, с термической обработкой. При недостаточной дисциплине в постановке этого дела, при недостаточном внимании к этому делу ничего не получается.

(Тухачевский приводит далее данные об отдельных болезнях заводов и о методах их исправления.)

В этом, товарищи, заключается корень всего вопроса. Без того, чтобы овладеть методами массового точного производства, невозможно конечно и самого этого массового производства наладить. А вместе с там, товарищи, тот гигантский рост техники, который происходит в нашей стране, будет неизбежно толкать нас на дальнейшее техническое развитие армии. Это развитие армии потребует соответствующего снабжения, и к этому наша страна, наша индустрия должны быть готовы.

Как же овладеть этим делом? Необходимо, чтобы в организационную работу по нашей промышленности включились партийные организации, потому что неизбежно между заводами будет еще задирание носа, гонор, неподчинение одного другому, игнорирование одного завода другим, и лишь только вмешательство партии позволит правильно наладить эту работу.

Товарищи, я уверен, что мы сумеем овладеть чертежным и контрольно-измерительным хозяйством и правильным, дисциплинированным техническим контролем, а в этом, товарищи, и заключается освоение производства. И я не сомневаюсь, что под напором нашей партии, под напором Центрального комитета, под руководящим и организующим воздействием товарища Сталина мы эту труднейшую задачу выполним и в случае войны сумеем выдвинуть такие гигантские технические ресурсы, которыми обломаем бока любой стране, сунувшейся против нас.

М. Н. Тухачевский. «Признаю наличие заговора и то, что я был во главе его»

В 1929–1934 годах информация о наличии в РККА оппозиционных группировок во главе с Тухачевским поступала от дочери генерала Зайончковского, в 1932 году – от агента «Сюрприза» (Адольф Хайровский), в 1932–1934 годах – от агента Илинича, в 1933–1936 годах – от агента «Венера». Однако эта информация стала известна правительству только после записки А. Х. Артузова в январе 1937 года.

Первые фигуранты дела – В. Путна и В. Примаков – были арестованы в связи с другим делом. В судебном процессе по делу Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (21–23 августа 1936 года) они были названы в качестве участников армейской «военно-троцкистской организации». Тем не менее до мая 1937 года арестованные Путна и Примаков не называли никаких новых имен.

В конце января 1937 года поступила записка А. Х. Артузова о донесениях «Сюрприза» в 1932 году. 11 марта 1937 года арестован командующий Уральским ВО комкор И. И. Гарькавый, который сразу начал давать признательные показания. 12 апреля во вскрытой чекистами японской дипломатической почте военный атташе Японии в Польше отчитывается об установлении связи с Тухачевским.

22 апреля Политбюро отменяет поездку Тухачевского за границу. С 22 по 27 апреля показания на группу Тухачевского дают арестованные руководители НКВД – Гай, Прокофьев, Волович, Петерсон.

10 мая 1937 года Тухачевский был переведен с поста первого заместителя наркома обороны на должность командующего войсками Приволжского военного округа. 22 мая он был арестован в Куйбышеве, 24 мая перевезен в Москву, 26 мая после очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом дал первые признательные показания.

В следственном деле М. Н. Тухачевского нет показаний, написанных рукой следователя: все они написаны самим Тухачевским – четким, ровным почерком со всеми знаками препинания, абзацами и примечаниями. В этих показаниях М. Н. Тухачевский поэтапно и скрупулезно вскрывает мельчайшие детали заговора.

Показания М. Н. Тухачевского от 26 мая 1937 года

...

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Н. И. ЕЖОВУ

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его.

Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта или документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

Тухачевский.

26. 5. 37.

...

Заявление отбирал:
ПОМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ,
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗ.
УШАКОВ. (Подпись).

Показания М. Н. Тухачевского от 1 июня 1937 года

Настойчиво и неоднократно я пытался отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину. В настоящих показаниях я излагаю свою антисоветскую деятельность в последовательном порядке.

I. Организация и развитие заговора

Начало моих отношений с немцами относится к периоду учений и маневров в Германии, на которые я был командирован в 1925 году. Сопровождавший меня капитан фон Цюлов говорил по-русски, много раз останавливался на вопросе общих интересов СССР и Германии в возможной войне с Польшей, знакомил меня с методикой боевой подготовки рейхсвера и, в свою очередь, очень интересовался основами только что вышедшего Полевого устава РККА 1925 года.

В 1926 году фон Цюлов присутствовал на маневрах в Белоруссии, где я встретился с ним и мы продолжали разговор. Я ознакомил фон Цюлова с организацией нашей дивизии, дивизионной артиллерии и с соотношением между пехотой и артиллерией. После маневров моя связь с фон Цюловым была утеряна.

Около 1925 года я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск.

В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство.

Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбаля, авторитет в рабочем классе Польши велик, что помимо того довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны. В разговорах с ним я рассказывал об организации нашей дивизии, об основах современного боя, о методах нашей тактической подготовки, а

также, говоря об условиях войны между нами и Польшей, указал на то, что мы должны были, в силу запаздывания в развертывании, сосредоточить на границах с Польшей крупные силы, которые я Домбалю и перечислил. Помимо того, я рассказывал Домбалю о различиях между кадровыми и территориальными войсками, как в отношении организации, так и в отношении прохождения службы и обучения. Таким образом, мною сообщены Домбалю данные о запаздывании нашего сосредоточения, дислокации частей в приграничных районах, организации кадровой и территориальной дивизии, прохождения службы и основы боевой подготовки кадровых и территориальных войск.

* * *

В 1928 году я был освобожден от должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками ПВО.

Будучи недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии, я стал искать связей с толмачевцами. Прежде всего я связался с Марголиным во время партийной конференции 20-й стр. дивизии, в которой Марголин был начподивом. Я поддержал его в критике командира дивизии, а затем в разговоре наедине выяснил, что Марголин принадлежит к числу недовольных, что он критикует политику партии в деревне. Я договорился с ним, что мы будем поддерживать связь и будем выявлять не согласных с политикой партии работников.

Летом 1928 года во время полевых занятий, зная, что Туровский – командир 11-й стр. дивизии – голосовал за толмачевскую резолюцию, я заговорил с ним на те же темы, что и с Марголиным, встретил согласие и договорился с Туровским о необходимости выявления недовольных людей. Туровский указал мне на командира полка Зюка, которому он вполне доверяет. Я переговорил с Зюком и также условился с ним о связях и о выявлении недовольных.

Зимой с 1928 по 1929 год, кажется, во время одной из сессий ЦИКа, со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 года и, видимо, слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые предлагают более верный путь развития и что армия должна особенно ясно понимать, т. к. военные постоянно соприкасаются с крестьянами. Я рассказал Енукидзе о белорусско-толмачевских

настроениях, о большом числе комполитсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно и что он не сомневается в том, что восторжествует точка зрения правых. Я обещал продолжать информировать Енукидзе о моей работе.

На протяжении 1929–1930 годов я принимал участие в военно-научной работе при Толмачевской академии. Во время этой работы, на одном из докладов, в перерыве я разговаривал с преподавателем академии Нижечек, о котором Марголин говорил как о человеке, не согласном с политикой партии и которого следовало бы приблизить. Я начал прощупывать Нижечка, и мы очень скоро начали откровенно обмениваться мнениями о не согласных с политикой партии, особенно в деревне. Нижечек сообщил мне, что он связан с рядом преподавателей, настроенных так же, как и он, и что, в частности, так же настроен преподаватель Бочаров.

В 1928 и 1929 годах я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе до 260-ти дивизий, до 50 000 танков и до 40 000 самолетов.

Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на XVI партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы.

Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т. к. осенью 1930 года Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи.

* * *

В 1931 году я был переведен в Москву. Работа начальника вооружений меня очень увлекла, однако недовольство отношением ко мне со стороны армейского руководства все еще продолжало иметь место, о чем я неоднократно разговаривал с Фельдманом, Якиром, Уборевичем, Эйдеманом и др.

В 1931 году (осенью или в зиму на 1932 год) в Москву приезжал начальник германского генерального штаба ген. Адам, и его сопровождал офицер генерального штаба Нидермайер. После обеда, данного в честь гостя народным комиссаром, Нидермайер очень ухаживал за мной, говорил о дружбе Германии и СССР, о наличии обшей военной задачи, выражающейся в обоюдной заинтересованности в поражении Польши, о необходимости наличия между Красной Армией и рейхсвером самых тесных отношений. Подошедший ген. Адам присоединился к этим соображениям, присоединился к ним и я. В дальнейшем я укажу, что ген. Адам в следующем, 1932 году, когда я был на германских маневрах, вновь вернулся к этим разговорам.

В 1932 году я продолжал неоднократные разговоры наедине с Фельдманом, критикуя армейское руководство, а в дальнейшем переходя и к критике политики партии. Фельдман высказал большие опасения по вопросу о политике партии в деревне. Я сказал, что это особенно должно насторожить нас, военных работников, и предложил ему организовать на платформе правых взглядов военную группу, которая могла бы обсуждать эти вопросы и принимать необходимые меры. Фельдман согласился, и таким образом было положено начало антисоветскому военно-троцкистскому заговору. Я сообщил Фельдману, что мною установлена связь с Енукидзе, который собой представляет руководящую верхушку правых.

В августе того же года я поехал в отпуск на Кавказ. На ст. Белан меня встретил командарм РККА Смолин. Он жаловался на плохое отношение к нему наркома. В дальнейших наших разговорах выяснилось несогласие Смолина с генеральной линией партии, и я предложил ему вступить в группу, которую я нелегально сколачиваю в армии на основе платформы правых. Смолин согласился. Я спросил его, кого он считал бы возможным привлечь к нашей организации, и он указал на своего начальника Алафузо.

Алафузо охотно участвовал в разговоре, еще более сгущал краски, и я предложил ему наконец вступить в военную организацию, на что он и согласился, узнав ее правую платформу.

Насколько я помню, в том же 1932 году мною был завербован

в члены антисоветского военно-троцкистского заговора бывший заместитель начальника ВВС Наумов, которого я знаю давно, в частности и по ЛВО.

* * *

После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры. Среди командированных был и Фельдман.

В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. Из слов Ромма о политических установках Троцкого вытекало, что эти последние, особенно в отношении борьбы с политикой партии в деревне, очень похожи на установки правых. Ромм передал, что Троцкий просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с Советской властью.

После окончания германских маневров, на банкете, данном в честь гостей главнокомандующим рейхсвера Гаммерштейном, генерал Адам вновь возобновил со мной разговоры, начатые на банкете в Москве, о чем я уже сообщил выше. Генерал Адам подчеркивал серьезность, с которой он относится к обороноспособности Польши, и напирал на необходимость со стороны СССР самых действенных мер к подготовке войны. Между тем в моей работе как начальника вооружений РККА имели места и значительные трения с германской стороной. Дело в том, что Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим я стал на точку зрения ликвидации договора с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной.

Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, а в дальнейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой, я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым. Только тогда, когда поставил вопрос о развертывании АУ в ГАУ (Главное артиллерийское управление) и выдвинул на должность начальника ГАУ Ефимова,

Ефимов установил со мной товарищеские отношения. Фельдман неоднократно говорил мне о том, что Ефимов настроен враждебно к политике партии. Я использовал улучшение наших отношений и однажды заговорил с ним у себя в кабинете о плохой организации промышленности, о плохих настроениях в армии и т. п. Ефимов охотно вступил в разговор, критикуя партийное руководство. Я сказал Ефимову, что как правые, так и троцкисты сходятся на необходимости организовывать подпольную работу, чтобы сменить партийное руководство, что армия в стороне оставаться не может, и предложил ему, Ефимову, вступить в военную группу. Ефимов согласился.

Корка я завербовал летом 1933 года, во время опытных учений, организованных под Москвой штабом РККА. Следя за ходом учения, я стал критиковать боевую подготовку частей. Корк ответил, что он ведь уже говорил, что работа в округе у него не клеится. Я понял, что у Корка эти разговоры не случайны, стал его прощупывать, и мы быстро договорились. Я тогда не знал, что Корк уже был завербован Енукидзе. Я сообщил Корку, что имею связь с Троцким и с правыми, и поставил ему задачу вербовать новых членов в МВО…

Примерно к тому же времени относится и завербование мною в состав заговора Вакулича. Я уже несколько лет хорошо знал его, разговаривал с ним много раз в 1928 году и знал его недовольство политикой партии в деревне.

Я предложил ему вступить в организацию военного заговора, возглавляемого мною, и Вакулич дал согласие. Я указал Вакуличу на мою связь с правыми и с троцкистами и поручил ему дальнейшую вербовку участников заговора.

* * *

По возвращении с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 году, я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым. Я предложил ему вступить в ряды военно-троцкистского заговора, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился. В дальнейшем, при его назначении военным атташе, перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора.

Если не ошибаюсь, около этого же времени я имел разговор со Смирновым И. Н., который сказал мне, что он, по директивам Троцкого, стремится дезорганизовать подготовку мобилизации

промышленности в области производства снарядов.

Горбачев, о неважных настроениях которого я уже и раньше слышал от Фельдмана, очень быстро стал поддаваться на прощупывание, и я понял, что он завербован. На мое предложение вступить в ряды заговора он ответил согласием, сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также с Енукидзе.

Примерно в тот же период, т. е. в 1933–1934 годы, ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора.

В 1933 году у меня был первый разговор с Бухариным. Мне с Поповым пришлось пойти на квартиру к больному Бухарину. По согласовании вопроса о телемеханическом институте мы с Поповым стали прощаться. Бухарин, пока Попов шел к двери, задержал меня за руку и скороговоркой сказал, что ему известно о моей работе по организации военного заговора, что политика партии губительна, что надо обязательно убрать Сталина и что поэтому надлежит всячески форсировать организацию и сколачивание заговора.

Эйдемана я завербовал в 1932 году. По получении директивы Троцкого о вредительстве, шпионаже, диверсиях и пр. Эйдеман просил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей Эйдеману увязку его вредительской работы с Каменевым с тем, чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была бы дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО. Помимо того Эйдеману была поставлена задача дезорганизации допризывной подготовки, занятий с командным составом запаса и, наконец, организации диверсионных групп в отрядах Осоавиахима.

Эйдеман сказал мне, что он вполне надеется на присоединение к нам Аппоги. Я на том же пленуме заговорил с Аппогой и сразу почувствовал, что он уже завербован. На мое предложение войти в организованную мною группу Аппога

ответил согласием. Тогда я информировал Аппогу о составе членов группы и о политических правотроцкистских установках. Зная, что у Аппоги очень хорошие отношения с Каменевым С.С, я просил его постараться обработать Каменева.

В дальнейшем Аппога получил задачу проводить вредительство в ж. д. войсках, срывать строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог военного значения, готовить на время войны диверсионные группы для подрыва мостов и, наконец, сообщить германскому и японскому генеральным штабам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток и к западным границам. В 1933 году, во время посещения мною железнодорожного полигона в Гороховце, Аппога сказал мне, что данные о наших перевозках по железным дорогам германскому и японскому генеральным штабам им, совместно с работниками НКПС, сообщены. Какими путями были переданы данные и кто из работников НКПС принимал в этом участие, Аппога мне не говорил, а я не спросил.

* * *

После опытных учений 1933 года, в начале зимы, ко мне в кабинет зашел однажды Каменев С. С. и стал говорить о своих выводах по опытным учениям. После длительного разговора Каменев долго еще не уходил, и я понял, что он хочет поговорить о чем-то другом. Я ему сказал: «Очень советую Вам, Сергей Сергеевич, держите поближе связь с Аппогой», на что Каменев ответил, что с Аппогой он связан очень тесно, но что также хочет связаться и со мной. Я начал говорить об ошибках армейского и партийного руководства, Каменев стал вторить моим словам, и я предложил ему стать участником заговора. Каменев сразу же согласился. Я сказал ему, что мы будем считать его членом центра заговора, сообщил ему мои разговоры с Енукидзе и Бухариным, а также с Роммом.

Первоначально Каменеву была поставлена задача вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель наркома. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО. Противовоздушная оборона таких важнейших объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным и однослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским зенитным средствам, чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС имела не собственную проводку, а базировалась

на сеть Наркома связи, и т. п.

Рохинсона я вовлек в состав участников заговора в 1933 или 1934 году. Я слышал от Фельдмана, что Рохинсон по всему его прошлому и по его учебе в Академии имеет характер неустойчивого коммуниста, которого, вероятно, без труда удастся вовлечь в заговор. Я неоднократно заговаривал с Рохинсоном как во время опытов на полигоне, так и при его докладах у меня в кабинете. Достаточно прощупав его, я предложил ему вступить в военный заговор, и он согласился. Рохинсон вовлек в заговор и привлек к вредительской работе Гендлера и Либермана.

Вовлечение в заговор Примакова состоялось в 1933 или 1934 году, когда Примаков был переведен в Москву. Примаков сообщил, что он в своей троцкистской деятельности связан с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком.

После разговора с Примаковым я связался с Пятаковым, который повторил мне ту же информацию, что уже сообщил Примаков. Пятаков сказал, что он очень озабочен вопросами вредительства в оборонной промышленности, что по химии он и сам знает, что надо делать, а вот что касается артиллерийской промышленности, то он просит, чтобы Ефимов, об участии которого в заговоре я сообщил Пятакову, крепко связался с Ерманом и Кражевским, работавшими в ГВМУ. Это поручение я передал Ефимову.

В зиму 1933 на 1934 год Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; в частности, Пятаков сказал, что Троцкий ведет решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерне. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране.

По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности центр заговора, в который, кроме меня, входили в порядке вступления в заговор Фельдман, Эйдеман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир и с которым были тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекавшие из вышеуказанных директив. Члены центра редко собирались в полном составе, исходя из соображений конспирации. Чаще всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться.

Таким образом, развивая свою платформу от поддержки правых в их борьбе против генеральной линии партии,

присоединяя к этому в дальнейшем троцкистские лозунги, в конечном счете антисоветский военно-троцкистский заговор встал на путь контрреволюционного свержения Советской власти, террора, шпионажа, диверсии, вредительства, пораженческой деятельности, реставрации капитализма в СССР.

* * *

В 1934 году Ефимову была поставлена задача организовать вредительство по линии артиллерийского управления, в частности, в области некомплектного приема элементов выстрела от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литера и т. д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того, в зиму с 1935–1936 года я поставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных арт. складов.

Туровский в 1936 году сообщил мне, что Саблиным переданы планы Летичевского укрепленного района польской разведке.

Алафузо передал польской и германской разведке, какими путями, не знаю, данные об авиации и мех. соединениях, а также об организации ПВО в БВО и КВО.

Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранными и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены.

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора проводил и диверсионную работу исключительно по линии существующих органов правления в РККА, не допуская никакого образования комиссий, групп и т. п. Вся работа должна была проводиться исключительно в системе текущей утвержденной работы, вкладываться в ее сметы, средства и сроки. Там, где вредительство велось удачно, там к концу года обычно оставались крупные неиспользованные кредиты.

В 1935 году, поднимаясь по лестнице на заседание пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос Енукидзе, я встретил последнего, и он сказал, что в связи с его делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но что в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело не замрет. Между прочим, Енукидзе сказал, что он рекомендует мне связаться с Караханом, доверенным человеком, т. к. Карахан хорошо информирован в вопросах международной политики.

После всех указаний Енукидзе я стал следить за разговорами

Ягоды, но ни одного прямого разговора с ним не имел. Две реплики Ягоды, как мне показалось, намекали на то, что он знает о моей роли в военном заговоре. На банкете по случаю 60-летия Калинина Ягода спросил меня: «Ну, как дела, главный из борцов», а в 1936 году во время парада на Красной площади сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота».

Завербовав Белицкого, я поручил ему помогать Эйдеману в осуществлении его вредительских задач.

Вольпе я завербовал в 1935 году, а после того как его долгое время обрабатывал Белицкий, Геккера и Чайковского я завербовал в 1935.

(Далее Тухачевский описывает, как позже были завербованы Ольшанский, Сергеев и другие военные.)

…Уборевич и Якир раскритиковали состав центра заговора. Они находили этот состав слишком «беспартийным». Якир считал необходимым усиление не только центра, но даже и рядового состава людьми с большим партийным и политическим весом.

Ставил Якир и вопрос о том, не правильнее ли центру антисоветского военно-троцкистского заговора слиться с центром правых или троцкистов.

Я указал Якиру, что было бы очень важно для центра военного заговора, чтобы Якир перевелся в Москву, тем более что ему делалось предложение занять должность начальника ВВС и заместителя наркома. Однако Якир при поддержке Уборевича с этим не согласился и категорически как перед Ворошиловым, так и перед Сталиным поставил вопрос о своем несогласии, и предложение было взято обратно. Якир считал более важным сохранить за собой КВО. Благодаря этому руководство заговора упустило возможность серьезно проникнуть в аппарат УВВС.

Я указал Якиру, что для придания большего аналитического веса военному заговору следовало бы втянуть в заговор побольше политических работников и что эту задачу лучше всех сумеет выполнить он, Якир. Якир согласился и взял на себя выполнение этой задачи.

Якир обратил внимание на то, что в заговор втянуты работники морского флота. Я сообщил Якиру и Уборевичу, что наш флот пока что слаб и что в ближайшее время ни в мирный период, ни во время войны не сможет сыграть сколько-нибудь решающей роли.

В 1935 году, когда я был однажды в кабинете Гамарника, последний сказал мне, что он от Якира и Уборевича знает о военном заговоре и будет ему содействовать, особенно по линии

вредительства на Дальнем Востоке. Гамарник указал, что он не будет принимать официального участия в центре заговора, но будет держать с ним связь через меня, Якира и Уборевича.

* * *

Завербованных для участия в заговоре было много. Однако, несмотря на внушения о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, таковая постоянно нарушалась. От одних участников заговора узнавали данные, которые должны были знать только другие, и т. д. Все это создавало угрозу провала.

С другой стороны, успехи, достигнутые партией за последние годы в строительстве социализма, были настолько очевидны, что нельзя было рассчитывать на какое бы то ни было восстание с участием сколько-нибудь широких слоев населения. Политико-моральное состояние красноармейских масс было на высоком уровне. Невозможно было допустить и мысли, чтобы участникам заговора удалось повести за собой целую часть на выполнение преступной задачи. Надежды Примакова на то, что ему удастся повести за собой механизированные войска ПВО, представлялись больше фантазией.

После убийства Кирова террор стал делом чрезвычайно сложным и трудным благодаря мерам предосторожности, принятым правительством. Это наглядно доказывала и неудача террористической организации Шмидта на Киевских маневрах.

Таким образом, единственно реальным представлялся «дворцовый переворот», подготовляемый правыми совместно с работниками НКВД, и, наконец, изменение положения могло наступить в результате тяжелой напряженной войны в СССР, особенно в случае поражения.

В отношении немцев как я, так и Уборевич с Якиром, считали, что их армия еще очень слаба, чтобы иметь возможность напасть на СССР.

Обсуждался вопрос и о том, что установившиеся у нас в догитлеровские годы отношения с немецкими военными кругами следует закрепить и постараться выяснить их намерения в отношении СССР. Поэтому при встречах с немцами следовало держать себя с ними предупредительно и дружелюбно, вступая в разговоры о возможных условиях предстоящей войны, подчеркивая свое личное дружественное отношение к немцам.

Во время разговора Якир сказал, что он совместно с Гамарником и Осепяном ведет работу по вовлечению в заговор политических работников армии. Тут же Якир спросил, что я

думаю о настроениях Блюхера. Я ответил, что у него есть основания быть недовольным центральным аппаратом и армейским руководством, но что отношение к нему Сталина очень хорошее. Якир сказал, что он хорошо знает Блюхера и при первой возможности прозондирует его настроение. Был ли такой зондаж – я не знаю.

Осенью 1935 года ко мне зашел Путна и передал мне записку от Седова, в которой Седов от имени Троцкого настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развертывании своей деятельности. Я сказал Путне, чтобы он передал, что все это будет выполнено.

Путна дополнительно сообщил мне, что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом и что центру антисоветского военно-троцкистского заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии.

В зиму с 1935 на 1936 год, как я уже упоминал, я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщал мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией и о вероятности отторжения от СССР Украины и Приморья. Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами, чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где надлежит готовить поражение советских армий.

* * *

В конце января месяца 1936 года мне пришлось поехать в Лондон на похороны английского короля. Во время похоронной процессии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговори генерал Рунштедт – глава военной делегации от гитлеровского правительства. Очевидно, германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т. к. Рунштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я стою во главе военного заговора в Красной Армии, и что ему, Рунштедту, поручено переговорить со мной о взаимно интересующих нас вопросах.

Я подтвердил его сведения о военном заговоре и о том, что я стою во главе его. Я сказал Рунштедту, что меня очень интересуют два вопроса: на каком направлении следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в котором году следует ожидать германской интервенции. Рунштедт уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что

направление построения главных германских сил ему неизвестно, но что он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина. По вопросу о годе интервенции Рунштедт сказал, что определить его трудно.

В апреле происходила в Москве стратегическая военная игра, организованная Генеральным штабом РККА. Якир, по заданию игры, командовал польскими, а я германскими армиями. Эта игра дала нам возможность продумать оперативные возможности и взвесить шансы на победу для обеих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора. В результате этой игры подтвердились предварительные предположения о том, что силы (число дивизий), выставляемые РККА по мобилизации, недостаточны для выполнения поставленных ей на западных границах задач.

Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, а потом и Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение. Если же к этому добавить вредительские действия, то эта вероятность еще более вырастет.

Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии и разработку вредительских мероприятий, облегчающих поражение наших войск.

* * *

В связи с зиновьевским делом начались аресты участников антисоветского военно-троцкистского заговора. Участники заговора расценивали положение как очень серьезное. Можно было ожидать дальнейших арестов, тем более что Примаков, Путна и Туровский отлично знали многих участников заговора, вплоть до его центра.

Поэтому, собравшись у меня в кабинете и обсудив создавшееся положение, центр принял решение о временном свертывании всякой активной деятельности в целях максимальной маскировки проделанной работы. Решено было прекратить между участниками заговора всякие встречи, не связанные непосредственно со служебной работой.

Помимо упоминавшихся ранее участников антисоветского военно-троцкистского заговора, лично мною вовлеченных в организацию, я слышал от других членов заговора о

принадлежности к заговору Савицкого, Довтдовского, Кутякова, Козицкого, Тухарели, Ольшанского, Ольшевского, Щеглова, Егорова (школа ВЦИК), Лаврова (ПВО), Хрусталева, Азарова, Янеля, Либермана, Гендлера, Саблина, Кашеева, Лапина (комкора), Лапина (инженера), Сатина, Железнякова, Осепяна, Ермана, Кражевского, Татайчака, Бодашкова, Артамонова, Воронкова, Петерсона, Шмидта, Зюка, Розынко, Куркова, Казанского, Угрюмова.

Показания об оперативном поражении Красной Армии и вредительской работе в РККА изложу в отдельных протоколах.

...

Тухачевский.

Допросили:
НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Комиссар гос. безопасн. 2 ранга (Леплевский)
ПОМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
Комиссар гос. безопасности (Ушаков).
II. План поражения

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос – это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии, источники сырья Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты.

Опыт войны 1914–1918 гг. учит Германию тому, что без обеспечения себя основными видами сырья, в особенности железной рудой, нефтью и хлебом, ей невозможно участвовать в большой и длительной современной войне. Все эти виды сырья на Украине и в Румынии, частично в Чехословакии.

Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий. И такая задача очень трудна и сколько-нибудь серьезно может мыслиться только в войне СССР на два фронта: на западе и на Дальнем Востоке. При этом успехи социалистической экономики СССР из года в год настолько велики, что и эти ограниченные военные цели Германии и

Японии станут скоро вообще неосуществимыми.

Итак, немцы должны будут поставить перед собой ограниченную цель войны – отторгнуть часть территорий от СССР и отстоять обладание этой частью территории до конца войны. Немецкие военные теоретики очень высоко ценят такой метод войны, считая творцом его Фридриха Великого (Семилетняя война). Этот вид войны с ограниченной целью очень обстоятельно рассматривает и Клаузевиц. Само собою понятно, что подобного рода война с ограниченной целью ведет свои операции именно на той территории, которой она должна в конце концов овладеть. Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т. е. с точки зрения удовлетворения колониальных аппетитов Германии.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и с занятого плацдарма начать наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной их части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции, были бы следующие: во-первых, железнодорожная сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять Прибалтийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. Однако с военной точки зрения такая задача может быть поставлена, и вопрос заключается в том, является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград с хозяйственной точки зрения является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, – это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической – ничтожный. Не могут немцы не учитывать и того, что Ленинград

как центр военной промышленности уже не играет для нас той решающей роли, которую он играл до переноса военной промышленности к востоку.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками – это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и за Белоруссию, т. е. связано оно с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией. В стремлениях к Украине среди германских военных кругов играет немаловажную роль и тот факт, что немцы в 1913 г. оккупировали Украину, но были оттуда выбиты, т. е. стремление к реваншу.

* * *

Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий.

Очень часто имеют предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории. Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой задачей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию.

Только в том случае, если политической целью Германии была бы ограниченная задача поддержки Польши в войне с нами, только в этом случае можно допустить, что германские армии не уйдут далеко от своих границ. Но даже и в этом случае надо

учитывать принципы германского генерального штаба, доказанные ходом войны 1914–1918 гг., заключающиеся в том, что германский генеральный штаб не занимается политиканством, а бросает свои армии туда, куда потребуют стратегические соображения. Так, например, немцы неоднократно бросали свои войска на территорию Австро-Венгрии для борьбы с Сербией, Румынией и Италией. Поэтому не следует обольщать себя надеждами на то, что немцы не уйдут далеко от своих границ.

Однако вывод, который только что сделан в отношении германских намерений насчет Украины, является относительным. Дело в том, что даже если Германия и поставила бы перед собой задачу вести войну с ограниченной целью, то все же эта война не может не превратиться в большую и длительную войну, причем как минимум создались бы два фронта: белорусский и украинский. СССР слишком силен, чтобы согласиться даже на малейшую территориальную уступку. Длительная же война с СССР, несомненно, может вовлечь в войну с Германией и Францию, и Англию. Другими словами, война, цель которой ограничивается захватом одной только Украины, превращается в войну большую, которая требует все того же предварительного решения сырьевой проблемы.

В силу этого мне представляется весьма вероятным, что Германия до войны с нами постарается захватить Чехословакию и Румынию. Не исключена такая обстановка в Европе, когда ни одна из стран не сможет вовремя поддержать Чехословакию против Германии. Если только нападение Германии на Чехословакию будет поддержано с юга ударом венгерской армии, что весьма вероятно, то участь Чехословакии может быть решена очень быстро. Следует еще учесть, что в Чехословакии орудуют германские фашистские организации, которые могут дезорганизовать оборону страны. Имеются разведывательные данные, говорящие о том, что немцы разрабатывают план захвата Чехословакии в трехдневный срок. Действительно, положение вытянутой с запада на восток Чехословакии, находящейся под ударами с запада, севера, юга и, наконец, изнутри, является чрезвычайно тяжелым. Если даже речь будет идти и не о трехдневном сроке, то, во всяком случае, о столь же коротком, в который заинтересованные страны могут и не успеть принять какие-либо решительные контрмероприятия.

Что касается войны Германии против Румынии, то со стратегической точки зрения немцы хорошо знают, как можно оккупировать территорию этой страны. Опыт 1918 г. немцами хорошо изучен.

Что же может дать немцам оккупация Чехословакии и Румынии в экономическом отношении? Статистика говорит о том, что Румыния экспортирует ровно столько хлебных злаков, сколько Германия импортирует их в мирное время (до гитлеровских ограничений). Румыния добывает, если память мне не изменяет, 14 млн тонн нефти. Румыния и Чехословакия богаты многими металлами. Наконец, утверждение германского капитала в Румынии означало бы его монополию на Балканах, в Турции и выход его опять-таки в Черное море. Только железная руда по-прежнему являлась бы узким местом германского народного хозяйства и требовала бы захвата Криворожья. Не исключена возможность того, что немцы, правильно поставив разведку недр, сумеют найти железную руду и в Румынии. Таким образом захват Германией Чехословакии и Румынии может обойтись без большой войны, зато для большой войны этот захват значительно упорядочивает сырьевой вопрос в германском народном хозяйстве, уменьшает зависимость Германии от Польши при войне против СССР, и, наконец, исходный базис для войны против СССР со стратегической точки зрения становится гораздо более выгодным.

В конечном счете можно сделать вывод, что независимо от того, будет ли предшествовать войне против СССР война Германии с Чехословакией и Румынией или не будет, все равно главные интересы гитлеровской Германии направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает. Он построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей.

* * *

Рассмотрим теперь западные наши границы и западные театры войны исходя из политической задачи «бить противника на его территории».

На ближайший отрезок времени, пока существует Чехословакия и Румыния, «бить противника на его территории» практически означает бить польско-германские силы на польской территории. Со значительной долей вероятности дело будет обстоять именно так. Вряд ли в прибалтийские страны немцы пошлют более одного-двух экспедиционных корпусов.

Решающее значение операции должны принять тогда, когда с поражением польско-германских сил должна будет пасть буржуазная Польша. Такое сражение может иметь место в районе

Кенигсберг – Львов – Краков – Данциг. Каковы же пути движения наших армий для того, чтобы выйти в этот район в наиболее выгодной группировке и с наиболее широкой охватывающей базой?

Стратегически наиболее выгодным путем является быстрый разгром армиями вторжения вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы с тем, чтобы выход наших главных сил, действующих севернее Полесья, на линию Кенигсберг – Брест-Литовск произошел в условиях, когда эти главные силы будут иметь за собой широкий, охватывающий тыл, обеспечивающий организацию наиболее бесперебойного транспорта и наиболее удобного боевого размещения авиации на аэродромах. Этот вариант, к сожалению, натолкнулся на труднопреодолимые в политическом отношении затруднения, а именно на то, что лимитрофы могут сохранить нейтралитет. Так как повторение «Бельгии» признается недопустимым, то от этого плана пришлось отказаться. Вот почему не прав Корк, когда говорит, что агрессивная роль прибалтов вредительски затушевывалась. Наоборот, агрессивная политика прибалтов позволила бы нам воспользоваться наилучшим вариантом стратегического решения. Не агрессия, а нейтралитет прибалтов сорвал применение наиболее решительного плана, и отмена последовала не ведомственным военным решением, а решением правительства. Я в дальнейшем еще вернусь к этому варианту, т. к. в связи с вероятным нападением на нас немцев и огромным значением, которое будет играть Восточная Пруссия при нашем движении в глубь Польши, а также учитывая то, что мы строим на Балтике большой военно-морской флот, этот вариант будет иметь в будущем еще более решающее значение.

Нейтралитет прибалтов играет для нас очень опасную роль. Если, скажем, он продолжится даже только две недели, то и тогда он сыграет свою вредную для нас роль. В силу сохраняемого нейтралитета мы должны будем отказаться от наиболее выгодного варианта и через две недели, если нейтралитет будет прибалтами нарушен, исправить дело будет уже невозможно, т. е. невозможно в процессе стратегического сосредоточения. В ходе операций, конечно, многое можно будет выправить. Однако, считаясь с политическими требованиями в отношении уважения нейтралитета, надо искать другие, хотя бы и менее выгодные в стратегическом отношении пути.

Севернее Полесья остается один путь: между Латвией и Литвой с севера и самим лесисто-болотистым Полесьем с юга. Этот стратегический коридор, и без того узкий, продольно разбивается как бы еще на две части лесисто-болотистым

районом верховья Березины, Налибакской пущей, средним течением Немана и Беловежской пущей. Помимо того, он имеет и поперечные преграды: р. Вилия, вернее течение Немана, Неман и Шора на участке Гродно-Слоним, Нарев, Ясельда, Западный Буг. Однако самым слабым местом «белорусского коридора» являются его выходы на территорию этнографической Польши. Армии, наступающие по этому коридору, будут находиться в этом районе в очень тяжелом положении. Коснусь этих положений.

* * *

Напрасно стали бы мы ждать, как это делает у нас Генеральный штаб, что немцы первые нарушат нейтралитет Литвы. Это им невыгодно. В этом случае немцы имели бы в Литве слишком плохо обеспеченный путями сообщения тыл. Между прочим, во время одной из полевых поездок, кажется в 1911 г., Мольтке, как это описывает Форстер в своей книге «За кулисами германского генерального штаба», обсуждал вопрос о возможности направить наступление германских армий из Восточной Пруссии в направлении на Вильно и пришел к выводу о том, что это исключено ввиду слабости железнодорожной сети на территории Литвы. Характерно и то, что Гитлер сам предложил Литве заключить пакт о ненападении. Таким образом, раз немцы не будут нарушать нейтралитет Литвы, то нашим армиям придется своим правым флангом, двигаясь через Гродно и далее на запад, подвергаться опасности удара с севера, из Восточной Пруссии. Но это еще не все. В том случае, если главные силы Белорусского фронта форсируют Неман у Гродно и южнее, немцы могут нарушить нейтралитет Литвы, имеющей каких-нибудь три дивизии, и накоротке выйти в тыл Белорусского фронта в направлении Ковно – Вильно. Если глубокое вторжение в Белоруссию через Литву для немцев было бы опасно с точки зрения организации тыла, то операция с коротким замахом является вполне закономерной.

В дальнейшем Белорусский фронт должен будет искать взаимодействия с Украинским фронтом в направлении Брест-Литовска, стремиться к поражению польско-германских сил на варшавском направлении, обеспечивать свой фланг со стороны Восточной Пруссии и свой тыл со стороны Ковно-Вильно.

Совершенно очевидно, что решать все эти задачи одновременно невозможно. Командование Белорусским фронтом должно будет наметить определенную последовательность в разрешении этих задач.

Весьма возможно, что прежде всего обстановка заставит приступить к радикальному решению задачи обеспечения своего правого фланга, т. е. к разгрому германских сил в Восточной Пруссии. В этом случае было бы крайне важно для нас пройти по территории Литвы, что, может быть, можно будет и не считать нарушением нейтралитета, т. к. по договору между Литвой и РСФСР от 1920 г. район Молодечно – Лида – Гродно также входит в состав Литвы и, следовательно, Красная армия уже ходом вещей будет действовать на литовской территории.

Не исключена возможность, что, организовав прочное обеспечение своего правого фланга и тыла путем выставления сильного заслона для обороны, Белорусский фронт атакует противника на главном направлении совместно с Украинским фронтом. Однако в этом последнем случае главные силы Белорусского фронта будут, во-первых, значительно ослаблены выделением крупных сил на обеспечение своего фланга и тыла, а во-вторых, все же немцы могут нанести поражение флангу и тылу Белорусского фронта путем организации удара из Восточной Пруссии как непосредственно на юг, так и через Литву на Ковно – Вильно. Эта угроза особенно реальна потому, что Восточная Пруссия обладает богато развитой железнодорожной сетью, позволяющей в сутки подвозить не менее шести пехотных дивизий. Столько же можно перебрасывать и по шоссейным путям Восточной Пруссии на автотранспорте.

Наконец, особенно опасным может стать положение Белорусского фронта, если произойдет разрыв между ним и подходящим к району Брест-Литовска Украинским фронтом. Тогда возможна концентрическая атака главных сил Белорусского фронта. Главное Командование должно организованно вывести в этот район внутренние фланги обоих фронтов.

Итак, Белорусский фронт при своем выходе на границу этнографической Польши должен расширять полосу своих действий, в то время как тыл его остается все в том же узком коридоре. До прихода Гитлера к власти Восточная Пруссия являлась для правого фланга Белорусского фронта надежным прикрытием. Так это было и в 1920 г. Но с установлением гитлеровского режима картина резко изменилась. Задачи Белорусского фронта стали неизмеримо сложнее, силы, которые он встретит в решительном сражении, вырастут, вероятно, вдвое и в то же самое время цели, которые были поставлены фронту, и силы, ему предоставленные, остались без изменения. В этом несоответствии задач и средств кроются большие опасности, грозящие при стечении неблагоприятных условий серьезным поражением армиям Белорусского фронта.

Получается такое положение, что в самый тяжелый момент армиям Белорусского фронта придется наступать раструбом из узкого стратегического коридора. Все преимущества перегруппировок будут на стороне врагов. Кроме того, немцы и поляки будут иметь по сравнению с Белорусским фронтом огромные преимущества в отношении широкого и глубокого размещения авиации, а также в отношении охватывающего и выгодного рассредоточенного расположения тылов. В самом деле, «белорусский коридор» имеет тесно сжатые железнодорожные коммуникации и столь же тесно сжатые шоссейные пути.

Точно так же и скученное размещение авиации, исключающее широкий маневр по передислокации по фронту авиационных соединений, будет иметь следствием больший урон нашей легкой авиации по сравнению с потерями врагов на их аэродромах. Немцы, имея полную возможность рассредоточивать свою авиацию по Восточной Пруссии и Северной Польше, будут иметь преимущества в авиационном маневре.

Наши стесненные коммуникации будут нести от авиации большие потери, будут давать перебои, будут задерживаться с восстановлением разрушений и т. д.

* * *

Рассмотрим теперь стратегический путь между лесисто-болотистым Полесьем с севера и границами Румынии и Чехословакии с юга. Этот путь также представляет собой стратегический коридор, вполне доступный для наступления крупных сил, хотя и перерезан поперек целым рядом не слишком крупных речных преград и имеет отдельные районы, неудобные для действий, как, например, Дубненский район.

Нависание над левым флангом Украинского фронта границы Румынии в стратегическом отношении сходно со значением Латвии для Белорусского фронта. Однако дальше идет граница Чехословакии, и в этом отношении удобства глубокого наступления находятся на стороне Украинского фронта. В самом деле, границы Румынии с СССР надежно прикрыты системой укрепленных районов, а северный участок границ Румынии с Польшей горист, неудобен для действий больших войсковых масс и крайне беден железными дорогами. В этом районе сравнительно нетрудно организовать прочную оборону, выставив надежный заслон в сторону Румынии. В 1920 г. Румыния сыграла неприятную роль. Она притягивала к себе встревоженное внимание Главного Командования, а это последнее оттягивало к

границам Румынии силы из главной группировки юго-западного фронта. Во всяком случае, организация надежного прикрытия своего фланга и тыла со стороны Румынии является несравнимо более простой задачей, чем прочное обеспечение фланга Белорусского фронта.

При выходе Украинского фронта примерно на линию Брест-Литовск – Львов перед его командованием встанет основная задача нанесения главным силам противника удара совместно с главными силами Белорусского фронта. В этом случае левый фланг будет прикрыт чехословацкой территорией и все внимание войск фронта может быть сосредоточено на главных силах противника. Только в том случае, если по ходу операций к моменту выхода правого фланга Украинского фронта в район Ковель – Люблин образовался бы между ним и Белорусским фронтом разрыв, только в этом случае могла бы создаться угроза удара противника во фланг со стороны Брест-Литовска. Роль Главного Командования должна заключаться в том, чтобы не допускать разрыва между фронтами.

Вопрос с размещением авиации и тылов для армий, наступающих в «украинском коридоре», отличается теми же трудностями и неудобствами, с которыми армии встречаются и в «белорусском коридоре». В этом отношении «украинский коридор» имеет только одно преимущество, заключающееся в том, что, когда армии Украинского фронта подойдут в район последнего решающего столкновения, немцы и поляки не будут иметь того охватывающего положения над внешним флангом, какое они имеют со стороны Восточной Пруссии.

Таким образом театр наступления южнее Полесья является выгодным для наступления к району решающего столкновения в центре Польши. Однако наступление в одном лишь направлении южнее Полесья не может дать решения генеральной операции и генерального сражения. Необходимы согласованные действия обоих фронтов. Вопрос заключается лишь в том, которому из фронтов дать преимущественно решающее значение. При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов все преимущества за белорусским направлением. Эти преимущества сохраняются при условии нейтралитета Германии. Зато при условии нахождения Германии в составе врагов, а с другой стороны, при условии дружественной позиции Чехословакии – все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению.

Выгоды украинского направления особенно должны сказаться, если Чехословакия будет участвовать в войне с Германией. Конечно, помощь Чехословакии будет очень

небольшой, т. к. ее западная половина будет быстро ликвидирована немцами и венграми. Но тем не менее восточная часть Чехословакии, гористая и неудобная для действий крупных войсковых масс, может упорно обороняться и обеспечивать левый фланг наших армий. Помимо того, не исключена возможность наступления чехословаков с самого начала войны на Краков, находящийся очень близко от чешской границы. Если этот крупнейший железнодорожный узел будет хотя бы на время выведен из эксплуатации, то переброски польско-германских сил на украинском направлении будут основательно расстроены и поведут к опозданию окончательного сосредоточения этих сил. При этих условиях, между прочим, не исключена возможность захвата Львова силами армии вторжения. Даже временное овладение этим пунктом и разрушение его крупнейшего железнодорожного узла опять-таки поведут к замедлению сосредоточения главных польско-германских сил.

Надо отметить, что только при условии избрания украинского направления как главного можно в какой-то степени использовать помощь чехословацкой армии. Во всех прочих случаях Чехословакия будет раздавлена совершенно отдельно, не принеся никакой пользы для наступления Красной армии.

* * *

Чтобы сделать анализ стратегического положения более конкретным, необходимо обратиться к рассмотрению возможного соотношения сил сторон.

Польша (цифры привожу по памяти) выставляет по мобилизации пехотных дивизий и еще 6 пех. дивизий формирует в первые месяцы войны.

Германия утраивает свои 36 пехотных дивизий по мобилизации, т. е. выставляет 108 пехотных дивизий. Помимо того, Германия развернет ландверные дивизии, число и сроки развертывания которых я сейчас не помню. Сверх того Германия имеет несколько десятков бригад штурмовиков, которые вряд ли годятся для полевой войны, но которые, безусловно, могут быть использованы для обороны тыла, отдельных участков укреплений и т. п.

Генеральный штаб РККА, исчисляя те силы, которые Германия сможет выдвинуть против СССР, правильно исходит из предпосылок, что Франция может оказаться к началу войны в таком состоянии, что не сможет выполнить своих договорных обязательств и не выступит против Германии.

Предположим также, что Германия не предпринимала агрессии против Чехословакии, хотя на самом деле для нее выгоднее было бы сразу же захватить Чехословакию, чтобы быстро высвободить свои силы и не разбрасывать их на выставление заслонов. Исходя из таких предпосылок положим, что Германия оставит в полосе своих укрепленных районов на французской границе 30 пехотных дивизий, на границах с Чехословакией 7 пехотных дивизий и в резерве главного командования еще 10 пехотных дивизий, не считая ландверных. Допустим, что Польша на чехословацкой границе оставит 5 пехотных дивизий. Тогда Красная армия может встретить перед собой на польской территории 61 германскую и 50 польских пехотных дивизий, а всего 111 пехотных дивизий.

В авиации мы имеем превосходство над немцами, но, во-первых, потребности Дальнего Востока всегда могут оттянуть часть авиации с запада, во-вторых, как было показано выше, мы по мере углубления в Западную Белоруссию и в Западную Украину будем находиться в невыгодных аэродромных условиях по сравнению с польско-германской авиацией, и, в-третьих, все же в сухопутных операциях практически расчет должен вестись по числу пехотных дивизий, артиллерии и танков.

Наши механизированные соединения, несомненно, сильнее польско-германских, но при этом следует учесть, что и поляки, и немцы непрерывно развивают свои механизированные соединения, вводя на вооружение пушечные танки, что немцы уже сформировали 5 механизированных дивизий, примерно соответствующих нашим механизированным корпусам, что поляки формируют механизированные бригады и, наконец, что немцы, а за ними и поляки вводят на вооружение большое число противотанковых пушек в пехотных дивизиях, что резко повышает их способность вести бой с механизированными частями. Таким образом, наше преимущество в механизированных соединениях над немцами и поляками хотя и имеется, но это преимущество не может служить основанием для самоуспокоения по поводу нехватки у нас достаточного числа стрелковых дивизий.

Точно так же не может изменить этого положения и наше преимущество над врагами в отношении конницы. Конница будет нести очень тяжелые потери от авиации и химии противника.

* * *

На изложенных выше соображениях о том громадном значении, которое имеет число пехотных дивизий независимо от

преимущества в авиации, механизированных соединениях и коннице, потому приходится так подробно останавливаться, что этими вреднейшими и опаснейшими рассуждениями организационный отдел Генерального штаба РККА добивался торможения в развитии числа пехотных дивизий, развертываемых по мобилизации.

Каково же было то реальное число стрелковых дивизий, которое по нашему действующему оперативному плану двигалось в глубину территории Польши для того, чтобы бить противника на его территории. Точно я этого числа не знаю, но приблизительно оно должно быть около 90 стрелковых дивизий, может быть, на несколько дивизий больше. Остальное число стрелковых дивизий из числа 150, развертываемых по мобилизации, идет на обеспечение Дальнего Востока, границ с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, на охрану границ Кавказа и Средней Азии.

Получается странная картина. Наши Белорусский и Украинский фронты должны втянуться в глубину территории Польши, втянуться в самых неблагоприятных обрисованных выше условиях и своими 90, пусть даже 100 стрелковыми дивизиями должны разбить 111 пехотных дивизий противника, на стороне которого остаются все преимущества маневра, использования авиации и организации тыла. К этому еще надо добавить, что поляки, как этому учит опыт 1920 г., дерутся у себя дома очень хорошо.

Клаузевиц считает, что для надежного поражения противника над ним надо иметь по крайней мере полуторакратное общее превосходство в силах. Этот коэффициент, во всяком случае, не преувеличен. Однако возьмем меньшее число потребных стрелковых дивизий, например 140, а не 166 (полуторакратное превосходство). В этом случае число дивизий в РККА должно быть значительно большим. Положим, что на Дальнем Востоке надо иметь не менее 35 стрелковых дивизий (во время войны), на границах с Финляндией – 7, на границах Эстонии и Латвии – 7, на границах с Румынией – 8, на Кавказе – 3, в Средней Азии – 2, в резерве Главного Командования – 5 стрелковых дивизий. Тогда общее число потребных для РККА стрелковых дивизий поднимется до 207. На самом деле эта потребность значительно выше. Германия во время войны 1914–1918 гг. подняла число своих пехотных дивизий до 248. Борьба на два фронта требует большого числа войск и для нас значительно большего, чем для Германии, т. к. наши расстояния и железнодорожные условия не позволяют нам производить те переброски сил с востока на запад и обратно, которые с таким успехом проводили немцы в прошлую

империалистическую войну.

Мы же разворачиваем всего только 150 стрелковых дивизий.

К этому нашему недостатку в числе стрелковых дивизий надо еще добавить исключительно слабое развитие артиллерийского и танкового резерва Главного Командования для усиления стрелковых дивизий и корпусов на решающих направлениях. Дело в том, что для подготовки атаки против боеспособного, хорошо вооруженного и прочно укрепившегося противника требуется до 80 орудий на один километр фронта атаки. Участие танков не снижает этой артиллерийской нормы. Англичане и французы даже при наличии танков количество артиллерии на один километр фронта доводили до 130 и более орудий.

Между тем по условиям ввода в атаку пехоты главный удар стрелковой дивизии не может быть уже 2 километров, т. е. своими артиллерийскими средствами стрелковая дивизия может обеспечить лишь до 40 орудий на километр, откуда следует, что для крупных операций требуется удвоение артиллерии дивизий.

Собственной артиллерии стрелковой дивизии хватит только в условиях очень подвижной войны, когда противник не успевает как следует укрепиться.

Так же точно и собственных танков стрелковой дивизии не хватит при выполнении сложных и ответственных наступательных операций. Для усиления войск, действующих на главных направлениях, организуется артиллерийский и танковый резерв Главного Командования. Однако этот резерв организован у нас в совершенно недостаточном размере, что не позволяет создать необходимого качественного усиления на участках решающих сражений. Вовсе нет у нас пулеметного резерва Главного Командования для усиления стрелковых дивизий, занимающих оборонительные фронты. Французы такой пулеметный резерв имеют.

* * *

Как же будут развиваться операции Белорусского и Украинского фронтов в соответствии с ныне действующим планом, если принять во внимание несоответствие между силами и средствами и теми решительными целями, которые ставит этот план?

Положим, что Белорусский фронт получает 55, а Украинский фронт 35 стрелковых дивизий (не считая дивизий, стоящих в укрепленных районах на границе с Румынией). Силы Белорусского фронта закончат свое сосредоточение примерно в

15 дней, а Украинского – в 20 дней.

Значительное наше замедление в перевозках позволяет польско-германским силам упредить нас в сосредоточении и, применяя польскую терминологию, «выпадовыми действиями» дезорганизовать район нашего сосредоточения и заставить нас отнести таковой несколько глубже на нашу территорию. Обратная картина развертывания на наших западных границах большого числа механизированных, кавалерийских и стрелковых соединений в штатах, близких к штатам военного времени, а также размещения в БВО и КВО крупных авиационных сил. Эти мероприятия позволили нам, в свою очередь, поставить вопрос о том, чтобы сразу же после объявления войны вторгнуться в Западную Белоруссию и на Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника, отнеся таковой глубоко в тыл, примерно на линию Гродно – Львов.

Если война вспыхнет неожиданно и поляки не будут иметь в своем распоряжении предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер, т. к. по польскому плану мобилизации призываемое в приграничных с нами районах население перебрасывается в тыл для укомплектования расположенных в этнографической Польше частей. Само собой понятно, что быстрые действия армии вторжения, поддержанные сильной авиацией, могут сорвать эти мобилизационные перевозки и поставят мобилизуемую польскую армию в очень тяжелое положение.

Далее, операции вторжения дезорганизуют аэродромную полосу приграничной полосы противника, заставляя его отнести развертывание своей авиации в глубину, сокращая тем самым радиус полезного воздействия его легкой авиации на наши железнодорожные перевозки, осуществляющие стратегическое сосредоточение.

Таким образом операции вторжения срывают сроки сосредоточения противника, если война началась без предмобилизационного периода, что наносит ощутимый удар по польской мобилизации; наконец, операцией вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение.

Уборевич указывает на то, что вредительством являются операции вторжения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное, ошибочное заключение. Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным

вторжением. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания. Однако же если такое удержание за собой территории противника армиям вторжения и не удастся, то их задачу следует считать выполненной, если они расстроят и оттеснят назад сосредоточение противника и тем самым обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения.

Само собой понятно, что армии вторжения, выполняя свои операции, неизбежно понесут потери. Конница будет быстро таять от воздействия авиации и химии. Вообще конь трудно защитим от авиахимического нападения. Гужевые парки, обозы и пр. будут нести еще большие потери, чем конница. Механизированные соединения будут напряженно расходовать свои моторесурсы. Поэтому ответственнейшей задачей фронтового и Главного Командования будет определение того предела использования армий вторжения, который диктуется как интересами окончания сосредоточения, так и состояния войск армии вторжения, т. е. их моральными и физическими силами и материальными ресурсами. Безусловно, неправильный пример использования успеха армии вторжения имел место на стратегической военной игре в январе месяце с. г., когда Белорусский фронт пачками вводил в наступление эшелоны главных сил до окончательного их сосредоточения только для того, чтобы развить частный успех армии вторжения.

Что касается указаний Уборевича на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооруженными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения.

В результате операций вторжения в соответствии с нашим оперативным планом мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет оттеснена на рубеж Гродно – Слоним – Лунинец – Львов. Вряд ли полякам удастся отстоять Виленский укрепленный район. Строительство Виленского и Барановичского укрепленных районов поляками относится к тому времени, когда у нас не было армий вторжения.

* * *

Наше стратегическое развертывание, может быть, с некоторым опозданием, но примерно к тому же сроку закончится вдоль государственной границы. Поэтому первые крупные сражения произойдут на польской территории. Как же будут развиваться оперативные действия к северу и к югу от Полесья?

Положим, что из 111 пехотных польско-германских дивизий 50 будет противопоставлено Белорусскому и 55 Украинскому фронтам при оставлении 6 пех. дивизий в резерве.

Белорусский фронт, нанеся поражение целому ряду польских частей еще в период операций вторжения, имея некоторый общий перевес в силах, значительный перевес в механизированных соединениях и в авиации и, наконец, находясь примерно в одинаковых условиях театра военных действий с поляками и немцами между Литвой и Полесьем, может быть, и имеет кое-какие шансы на наступление с конечным выходом к границам этнографической Польши. Но зато с подходом к этим границам положение Белорусского фронта резко меняется в худшую сторону. Об этом уже говорилось выше. Тыл Белорусского фронта вытягивается в узком и длинном коридоре, стесняющем маневр войск, размещение авиации и работу коммуникации.

Основное же затруднение встанет перед командованием Белорусского фронта в смысле выбора направления дальнейших действий. Несомненно, немцы будут оборонять район Гродно – Осовец, прикрывая пути в Восточную Пруссию и готовя из этой последней удар во фланг и тыл главным силам Белорусского фронта в случае их движения на Белосток и Брест-Литовск.

Оборона немцев в этом районе будет очень прочна, т. к. августовские леса, целая сеть озер между Неманом и Восточной Пруссией, болотистые берет Нарева и Мазурские озера с крепостью Летцен создают исключительные удобства обороны этого района как по фронту, так и на всю его значительную глубину. Если к этим природным условиям, обеспечивающим оборону, добавить еще систему железобетонных укреплений из быстротвердеющего цемента, то прочность германской обороны в этом районе будет исключительно серьезной.

С другой стороны, поляки могут превратить в трудноодолимый оборонительный район систему р. Ясельда с очень широкой и болотистой долиной и Беловежской пущей.

Командующему Белорусским фронтом придется решить вопрос о последовательности действий: преодолеть ли сначала оборону поляков на р. Ясельда и, овладев Брест-Литовском, войти во взаимодействие с армиями Украинского фронта, выставив на это время прочный заслон против Восточной Пруссии, или, наоборот, сначала овладеть хотя бы Мазурскими озерами

Восточной Пруссии и лишь после этого обратить главные силы фронта на Брест-Литовск.

Слабым местом первого решения является то, что, удаляясь к Белостоку и Брест-Литовску, Белорусский фронт растягивает свои коммуникации, оставляя их в непосредственной близости от фронта возможного перехода немцев в наступление из Восточной Пруссии. Если только немцы коротким ударом овладеют районом Гродно-Волковыск, то пути отхода и подвоза для Белорусского фронта фактически будут отрезаны. Поэтому такое решение заставило бы выделить в заслон против Восточной Пруссии столь большие силы, что для выполнения задач, стоящих в главном направлении, потребных там сил уже не оказалось бы.

Второе решение, т. е. первоначальный удар в направлении Восточной Пруссии, потребует слишком много времени и войск. Этих войск Белорусский фронт, как и в первом случае, в своем распоряжении не имеет.

Итак, наличных сил Белорусского фронта недостаточно для того, чтобы решить стоящую перед ним задачу поражения польско-германских сил в глубине польской территории. Положение Белорусского фронта, вышедшего на подступы к Белостоку и на рубеж р. Ясельда, легко может стать угрожающим, если немцы бросят свои резервы через Восточную Пруссию в направлении Гродно и Волковыска, а может, и на Вильно через Ковно. Ежедневно, как это уже указывалось выше, ж. д. Восточной Пруссии могут перебрасывать шесть пехотных дивизий и примерно столько же дивизий можно перебросить на автомобилях по шоссейной сети Восточной Пруссии. Использовав это свое колоссальное преимущество, путем ли подачи стратегических резервов или путем временной переброски сил с украинского направления, немцы могут нанести тяжелое поражение Белорусскому фронту.

* * *

Останавливаясь на 1-м и 2-м оперативных вариантах, приведенных в показаниях Уборевича, необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско-германские силы переходят в решительное наступление. По первому варианту немцы переходят в наступление на Лида – Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка. Этот вариант Уборевича вытекает из хода стратегической военной игры в апреле 1936 г. В этой игре Уборевич увлекся наступлением в вильно-ковенском направлении, сосредоточив на нем свои

главные силы, и получил удар главными польско-германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, однако не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА в порядке руководства военной игрой предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому Уборевич, ошибочно полагая, что немцы двинут в Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно-Ковно свои главные силы и за эту ошибку получил удар во фланг основной группы польско-германских армий.

Что касается указаний Уборевича насчет моих советов о движении главных сил Белорусского фронта севернее или южнее Немана, то должен сказать, что на все случаи оперативной обстановки трудно дать общий совет, надо ли двигать главные силы Белорусского фронта севернее или южнее Немана. Такой вопрос нельзя решать предвзято. Правильным и неправильным может оказаться и то, и другое движение, если оно не будет отвечать конкретно складывающейся обстановке. Решение такого вопроса, между прочим, будет связано и с той задачей, которую поставит перед собой командующий в отношении обеспечения своих действий со стороны Восточной Пруссии. Как правильное руководство действиями фронта, так и вредительское обязательно должно учитывать конкретную обстановку.

Второй оперативный вариант Уборевича предусматривает отход польско-германских сил на Белосток – Пружаны и удар главных германских сил из Восточной Пруссии в общем направлении Гродно. Этот вариант весьма вероятный, и я его изложил выше. В стратегической военной игре в январе текущего года Уборевич, увлекшись наступлением в брест-литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры.

Соображения, приводимые Уборевичем, в отношении преимуществ оперативного размещения германской авиации по сравнению с нашей вполне справедливы, как я выше это отметил.

Соображения о вероятности поражения конницы ипритом вполне правильны. Нельзя забывать, что теперь имеются и несравнимо более мощные накожные отравляющие вещества.

Совершенно правильны замечания Уборевича в отношении превосходства немцев в отношении моторизованных дивизий и автотранспорта. Мы пока не имеем мотодивизий, хотя оперативная потребность в них очень велика. Не следует, помимо оперативных требований, упускать из виду и то обстоятельство, что мы практически не умеем ни организовать мотодивизию, ни

наладить ее обучение, когда подходим к созданию импровизированных мотосоединений. Необходимо иметь постоянные мотодивизии, учиться вводу их в бой, регулировки движения и т. п. моментам, которых не знают общевойсковые командиры. В отношении автотранспорта основное преимущество немцев заключается в том, что они имеют постоянно существующую организацию фашистского автомобильного корпуса. Этот корпус по нескольку раз в год тренируется в массовых перебросках войск и фашистских организаций на далекие расстояния. Мы же хотя и получаем по мобилизации большое количество автотранспорта, но даем ему импровизированную, не сколоченную организацию и не предусматриваем крупных автомобильных соединений. В силу этого мы не имеем опыта в эксплуатации больших автомобильных масс в полевой обстановке.

* * *

Обратимся теперь к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте.

Соотношение сил Украинского фронта и действующих против него польско-германских армий, как это показывают приводившиеся выше расчеты, крайне невыгодно для нас. В самом благоприятном для самого Украинского фронта случае против него могут быть выставлены равные ему силы. Это в том случае, если польско-германское командование обратит свои главные силы сначала против Белорусского фронта. Даже в этом наиболее для него благоприятном случае Украинский фронт вряд ли сможет выполнить поставленную ему задачу войти во взаимодействие с Белорусским фронтом в районе Брест-Литовска, т. к. при равных силах нельзя надеяться на глубокое продвижение по территории противника. В случае же, если польско-германское командование бросит свои главные силы на украинское направление, а этот вариант все равно неизбежен, даже в том случае, если первый удар наносится Белорусскому фронту, положение Украинского фронта становится очень тяжелым. Он не только не сможет выполнить стоящей перед ним задачи войти во взаимодействие с левым флангом Белорусского фронта, но и сам может подвергнуться серьезному поражению.

Из приводившегося выше расчета видно, что против Украинского фронта без труда может быть выставлено 55 польско-германских пех. дивизий, а если к этому добавить и неприятельские резервы, то всего будет около 60 пех. дивизий,

т. е. почти двойное превосходство по сравнению с силами Украинского фронта.

Решающее сражение может произойти, учитывая результаты операции вторжения, примерно на полпути между линией наших укрепленных районов и Львовом. В результате атаки превосходящих сил неприятеля Украинский фронт должен будет начать отход и достигнет линии своих укрепленных районов примерно к тому сроку, к которому Белорусский фронт в случае своего успеха может достигнуть линии Гродно – Пружаны. В этом расхождении фронтов, разделенных широкой полосой лесисто-болотистого Полесья, кроется благодаря недостатку в силах огромная опасность последовательного поражения обоих фронтов.

Достигнув рубежа наших укрепленных районов на Украине, польско-германское командование может применить два способа действий. Во-первых, начать методическую подготовку к атаке Летичевского и южной части Житомирского укрепленных районов и, возможно, к вспомогательной атаке Новоград-Волынского укрепленного района. Овладение этими отдельными участками укрепленных районов требует некоторого времени и крупных артиллерийских средств. На этот период польско-германское командование могло бы перебросить часть своих сил с юга на север для нанесения частного поражения Белорусскому фронту, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, польско-германское командование может форсировать овладение укрепленными районами и сразу же начать наступление по Правобережной Украине.

Второй вариант позволяет польско-германскому командованию быстро развить свои операции в направлении Киева и в направлении Криворожья. Воспрепятствовать этому продвижению нам будет очень трудно, т. к. подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьезного поражения. В результате этого поражения польско-германские армии могут начать операции по последовательному занятию территории.

Однако оперативный план немцев и поляков вряд ли ограничится только этим. Следует ожидать развития немцами и поляками успеха в направлении примерно на Мозырь – Жлобин, в глубокий тыл Белорусского фронта. Задача эта нелегкая. Придется преодолеть лесисто-болотистые пространства, овладеть Мозырским укрепленным районом, форсировать Припять и т. д., но тем не менее эта задача оперативно вполне разрешима и стратегически чрезвычайно расширяет возможный масштаб поражения наших армий.

* * *

Как я показывал уже в первом разделе, во время этой стратегической военной игры в апреле 1936 г. я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Рундштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и таким образом опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв железнодорожных мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Само собой понятно, что подрыв ж.-д. мостов в тылу Белорусского фронта неизбежно повлечет зашивку и без того перегруженных и сжатых в тесном коридоре коммуникаций, которые благодаря своему положению будут непрерывно находиться под воздействием авиации противника. Учитывая, что подрыв ж.-д. мостов во время напряженных операций может быть осуществлен не только диверсиями, но и воздушной бомбардировкой, а также выброской парашютистов-подрывников, необходимо принять ряд радикальных мер для того, чтобы обеспечить непрерывность работы железно-дорожных мостов во все периоды операции. Одним из существенных мероприятий является отрывка еще в мирное время подъездных путей на уровень летних вод реки, заготовка ряжевых или бетонных устоев для наводки простейшими способами двутавровых балок (возможны, кажется, 22-метровые пролеты при двутавровых балках метрового сечения; пока их у нас не изготовляют, но производство их необходимо наладить). Таких запасных мостов на пониженном уровне должно быть, по крайней мере, два около каждого наиболее ответственного моста. Подъездные пути должны быть отлогого профиля во избежание слишком замедленного движения поезда. У крупных мостов с каждой

стороны у начала подъездных путей к временным мостам должны быть организованы разъезды, что позволит избежать излишних задержек в движении. Мосты на пониженном уровне, даже в случае их подрыва, очень быстро восстанавливаются. Помимо того, при наличии у моста зенитных средств противник будет менее настойчив в атаках моста, т. к. он будет видеть резервные возможности в железнодорожной переправе, а сам будет подвергаться напрасным потерям.

У крупных железно-дорожных мостов придется постоянно держать плотничьи с механизированным инструментом команды, а также запас заготовленных ряжей как для восстановления мостов на пониженном уровне, так и для укрепления каменных устоев в случае, если они дадут трещины от попадания авиабомб в воду. Эти исправления можно будет производить очень быстро.

Помимо того, с обеих сторон крупных железнодорожных мостов необходимо подготовить сильно развитые станции с тем, чтобы можно было перебрасывать войска и грузы на автомобилях от станции до станции в случае повреждения моста. В случае повреждения ряда мостов такие переброски придется делать иногда на значительные расстояния. Отсюда приходится сделать вывод, что вдоль основных железно-дорожных путей следует прокладывать шоссейные дороги и иметь в важнейших узлах резерв автомобильного транспорта.

Помимо мостов, на пониженном уровне в некоторых пунктах необходимо построить железно-дорожные участки, позволяющие в случае капитального разрушения моста передачу составов на другое направление. Так, например, к Полоцку подходят три железные дороги, а от Полоцка по направлению к фронту идет лишь одна, пересекая у самого города Западную Двину на очень высоком уровне. Подрыв железно-дорожного моста и систематическое его бомбардирование могут поставить армии, базирующиеся на Полоцк, в очень тяжелое положение. Поэтому совершенно необходимо проложить двухпутный участок Полоцк – Витебск по южному берегу Западной Двины. Конечно, этот участок надо соединить с Лепелем и далее вести на м. Березино – Минск – Слуцк – Новоград-Волынский – Жмеринка. При наличии такой железной дороги вывод из строя ж.-д. переправы, например, через Березину у Борисова не мог бы воспрепятствовать подаче эшелонов из Орши в Минск через Лепель, конечно, при условии развития необходимой пропускной и провозной способности этой железной дороги и т. д. Для Белорусского фронта чрезвычайно важна ж.-д. переправа через Днепр у Жлобина. Поэтому весьма важно до предела развить основную рокаду фронта: Витебск – Орша – Жлобин – Мозырь – Жмеринка. Само собою разумеется,

что такие же мероприятия надо провести по линии Украинского фронта. В частности, железные дороги, идущие от Днепропетровска и Запорожья на Казатин и Жмеринку, должны быть развиты, т. к. днепровские ж.-д. мосты этих дорог наиболее удалены от противника и наименее подвергаются опасности ежедневных налетов.

* * *

Итак, рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собою понятно, что проявление вредительства даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить в первую очередь ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий ми Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва Главного командования.

Каковы же те силы, которые нужны Белорусскому фронту для того, чтобы он мог выполнить поставленную ему задачу ведущего, решающего значения? Здесь можно сделать прикидку следующего порядка. Если бы польско-германское командование по ходу обстановки решило главные силы сосредоточить против Белорусского фронта, то против Украинского ему было бы достаточно оставить 30–35 пехотных дивизий, т. е. на белорусском направлении могло бы сосредоточиться до 76–81 пех. дивизий (из всех 111). Отсюда ясно, что только для того, чтобы не потерпеть отдельного поражения при настойчивом продвижении в глубь Польши, Белорусский фронт должен иметь, по крайней мере, столько же стр. дивизий, а для того, чтобы получить возможность нанести противнику поражение, число дивизий, входящих в его состав, должно значительно вырасти.

Конечно, использовать столь большое число стр. дивизий в полосе до Гродно – Кобрин Белорусскому фронту нелегко. Слишком узок «белорусский коридор», и слишком беден он даже

грунтовыми путями. Однако к западу от меридиана Гродно возможность и необходимость использования этих сил значительно возрастают. Наилучшие оперативные условия для использования этих масс создались бы при упомянутом выше варианте первоочередного и стремительного разгрома лимитрофов. При этом варианте и более крупные силы можно было бы концентрически подвести к фронту Тильзит – Гродно – Брест-Литовск. Если же пользоваться только «белорусским коридором», то, по всей вероятности, придется применить оперативное эшелонирование с тем, чтобы в нужную минуту подвести к фронту все эшелоны. Но тыл при этом варианте был бы перенапряжен до крайности и потребовалась бы организация массового автомобильного транспорта и широкой постройки автомобильных дорог.

Каковы же должны быть те силы, которые необходимо предоставить Украинскому фронту для выполнения последним поставленной ему задачи? Как видно было из сделанных выше подсчетов, польско-германское командование может выставить против Украинского фронта около 60 пех. дивизий. Надо оговориться, что эти расчеты могут касаться лишь 1937 г., не позже, т. к., несомненно, в 1938 г. германская армия, выставляемая по мобилизации, значительно вырастет; даже в 1937 г. за счет ландверных дивизий германская армия будет несколько сильнее, чем это выше взято в расчет. Очевидно, что, имея против себя около 60 пех. дивизий, Украинский фронт также должен их иметь не меньше 60. На самом деле, учитывая активные задачи, стоящие перед фронтом, его силы должны быть значительно большими.

* * *

Итак, из сравнительного рассмотрения возможных группировок противника и потребных нашим фронтам сил выяснилось, что без пересмотра основных установок ныне действующего оперативного плана Белорусскому фронту требуется около 80 дивизий, а Украинскому – около 60, а всего 140 стр. дивизий. Рассмотрим, как могли бы развиваться при наличии таких сил совместные действия Белорусского и Украинского фронтов. При производстве подсчетов предполагалось, что если главный удар немцы будут наносить на Украине, то они выставят на этом направлении до 60 пех. дивизий. Очевидно, что при наличии в составе Украинского фронта также 60 стрелковых дивизий можно предположить бои с

переменным успехом на территории противника между Полесьем и румынской границей. Может быть, даже Украинский фронт будет иметь преимущественный успех, т. к., вероятно, он будет сильнее германо-поляков в отношении механизированных соединений. В этом случае на белорусском направлении германо-поляки смогут выставить около 50 пех. дивизий. Совершенно очевидно, что Белорусский фронт при наличии 80 стр. дивизий может нанести польско-германским армиям поражение и постепенно установит оперативное взаимодействие с Украинским фронтом в районе Брест-Литовска.

Возьмем другой вариант, когда польско-германское командование бросает против Белорусского фронта до 80 пех. дивизий, оставляя на украинском направлении до 30–35 пех. дивизий. Совершенно очевидно, что Украинский фронт своими 60 дивизиями нанесет польско-германским армиям поражение и, содействуя Белорусскому фронту в общем направлении на Брест-Литовск, в конце концов оттянет на себя часть неприятельских сил, обеспечит наступление своего северного соседа, и в дальнейшем оба фронта, находясь во взаимодействии и имея общее превосходство в силах над противником, нанесут ему общее поражение.

Расчеты, безусловно, доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своем составе около 90 стр. дивизий, подвергаются опасности последовательного поражения при выполнении ими активных задач, которые ставятся им оперативным планом. Эти задачи посильны будут этим фронтам только в том случае, если Германия не выступит на стороне Польши. При войне против нас Германии и Польши и при наличии в составе Белорусского и Украинского фронтов около 90 стр. дивизий активные наступательные задачи по поражению противника на его территории для этих фронтов заведомо непосильны. С другой стороны, расчеты показывают, что эти задачи могут быть выполнены при условии увеличения состава обоих фронтов до 140 стр. дивизий.

Трудности в выполнении этого необходимейшего условия нашего боевого успеха заключаются в двух направлениях: в формировании кадров и накапливании материальной части для новых 50 стр. дивизии, разворачиваемых по мобилизации, и в развитии железнодорожных и шоссейных путей для своевременного сосредоточения дополнительных сил к границам. Однако, несмотря на запущенность того и другого вопроса, они являются вполне разрешимыми, и за их разрешение необходимо взяться немедленно и с величайшей энергией.

Необходимо, чтобы все стр. дивизии были одинаково

вооружены. Опыт войны 1914–1918 гг. показал, что в ходе войны все равно дивизии разделяются как бы на два класса: на наступательные и оборонительные. Наступательные дивизии сильнее вооружены артиллерией и имеют более мощные тыловые службы, способные обеспечить маневр дивизии. Оборонительные дивизии сильно оснащаются пулеметами, зато в артиллерийском отношении слабее и тылы имеют в сокращенном составе. Очевидно, часть новых дивизий можно будет сформировать как оборонительные дивизии. Это облегчит формирование с точки зрения потребности в материальной части артиллерии.

В отношении количественных показателей нашего командного состава запаса эти формирования особых трудностей не встретят. В качественном отношении уровень командиров запаса очень низок, но, будучи призваны в армию, эти командиры быстро повысят уровень своей подготовки.

Ускорение сосредоточения достижимо путем внеочередной автоблокировки ж.-д. линий, осуществляющих стратегические перевозки. Проводя автоблокировку и развивая соответствующим образом разъезды, можно добиться почти удвоения провозной способности железной дороги.

Это мероприятие можно провести очень быстро. Помимо того, необходимо, конечно, строить и новые железные дороги. Ускорения сосредоточения можно достигнуть и путем расположения парков, обозов и прочего тылового имущества частей, подлежащих переброске в тех укрепленных районах, в направлении которых они направляются по плану оперативных перевозок. При тщательной организации хозяйства и при условии разрешения командирам дивизий инспектировать имущество, принадлежащее их дивизиям, необходимый порядок может быть соблюден.

Мне кажется, что даже эти два мероприятия помогут уложить стратегические перевозки в нужные сроки. Если к этому прибавить постройку новых железных дорог, то, быть может, сроки сосредоточения удастся даже сократить, что крайне желательно и даже, более того, совершенно необходимо.

Начавшееся строительство автострад на Минск и Киев также должно быть использовано для ускорения сосредоточения путем применения автотранспорта.

* * *

После всего вышеизложенного, где было обосновано положение, что мы не имеем на сегодняшний день достаточных

сил, чтобы выполнить задачи, поставленные оперативным планом, встает, естественно, следующий вопрос: каковы же должны быть те задачи, которые оперативно следует поставить Белорусскому и Украинскому фронтам, учитывая те силы, которые они реально могут получить в 1937 г.?

Должен прямо сказать, что этот вопрос мною ни разу не прорабатывался. Опять-таки повторяю, что если в войне будет участвовать одна Польша, то действующий оперативный план соответствует наличным силам и средствам. Потребуется только принять действительные меры обеспечения фронта со стороны Восточной Пруссии. Что же касается плана действий против соединенных польско-германских сил, то на этот вопрос ответить гораздо труднее. Я думаю, что надо серьезно проработать этот вопрос, однако сейчас постараюсь высказать общие соображения на эту тему.

Операции вторжения должны остаться в силе. Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намечаемого противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага. Наконец, в случае вынужденного отхода войска армии вторжения, усиленные необходимыми техническими средствами, будут капитально разрушать за собой железные дороги и шоссе, что будет влиять на расстройство тыла противника. Более того, армии вторжения могут захватить значительную часть пограничной территории противника, например, для белорусского направления вполне возможен захват района Вильно-Лида-Барановичи.

Эти действия армии вторжения должны быть поддержаны войсками главных сил с тем, чтобы неприятель не мог без серьезных боев возвращать свою территорию. В упорных боях противник будет углубляться по двум описанным выше коридорам: белорусскому и украинскому со всеми проистекающими отсюда трудностями и неудобствами, т. е. ослаблением своих сил на обеспечение флангов в сторону соседних государств, сужением площади размещения авиации, затруднениями в организации маневра войсковых соединений, в перенапряжении работы коммуникаций и пр. Наши армии, наоборот, приближаясь к своим базам, будут получать преимущества в маневрировании, в использовании авиации и в работе тылов.

Помимо того, Белорусский и Украинский фронты, отходя к основным железнодорожным заходам на нашей территории, получают возможность как взаимной поддержки, так и поддержки со стороны главного командования, в то время как фронты

польско-германских армий, все более разделяемые Полесьем и отрывающиеся от своей хорошо налаженной железнодорожной сети, все более и более лишаются возможности поддерживать друг друга, и потому в конце концов может наступить момент, когда главное командование сможет принять решение о нанесении одному из фронтов противника (южнее или севернее Полесья) отдельного поражения. Для этого потребуется накопить крупный резерв главного командования.

Полагаю, что такой вариант возможен, т. к. польско-германские силы, в свою очередь, не обладают достаточным превосходством над силами Белорусского и Украинского фронтов для совершения глубокого наступления (111 дивизий против 30 – 100 дивизий) и будут, конечно, ослаблены и истощены этим глубоким наступлением. В такой обстановке при наличии достаточного резерва главного командования, поданного в нужный момент на один из контрфронтов и направленного в наиболее ослабленный фронт противника, может оказаться возможным последовательное поражение противника сначала на одном направлении, а далее на другом.

Повторяю, что этот вариант мною совершенно не проработан, и я здесь пока высказываю лишь самые предварительные соображения.

* * *

Вновь возвращаясь к варианту первоочередного разгрома прибалтов, хочу сказать, что именно этот вариант особенно благоприятствует вести активную оборону на территории врага. Захват территории Эстонии, Латвии и Литвы и захват армией вторжения Белорусского фронта территории Западной Белоруссии до линии Гродно – Слоним позволил бы нашим армиям, опираясь на свою охватывающую базу, упорно обороняться, а в случае наступления противника ставить его в труднейшее положение, когда ему придется развивать свои действия по эксцентрическим направлениям.

Между прочим, этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен на Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни в Кронштадте, ни на Лужской губе. Ему потребуются базы в открытом море, и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндава, Либава. Вопроса о Финляндии я в разрезе анализа плана первоочередного поражения лимитрофов касаться не буду, т. к. война с

Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему, в достаточной степени сложную.

Ожидая с наибольшей вероятностью наступления главных германских сил на украинском направлении, ни в каком случае не следует считать исключенным наступление немецких армий как на белорусском направлении, так и на территории прибалтов. Оперативный план должен предусматривать и отдельные, частные варианты.

Что касается нашего стратегического положения, в случае если Германия еще до войны с нами захватит Чехословакию и Румынию, то этот вопрос требует специального изучения, и в первую очередь требует такой постановки агентурной работы, чтобы мы действительно знали обо всех конкретных мероприятиях германского генерального штаба, направленных к подготовке этого захвата.

Система укрепленных районов, построенная от Карельского перешейка через Полоцк до Летичева и Тирасполя включительно, в общем и целом вполне отвечает интересам развертывания армии. В связи с увеличением германской угрозы я думаю, что следовало бы построить Слуцкий укрепленный район в Белоруссии, а на Украине крайне важно было бы развить Летичевский укрепленный район в глубину и закрыть промежуток между ним и Житомирским укрепленным районом, Летичевское направление является наиболее решительным для немцев. С проломом на этом направлении дальнейшие действия немцев и поляков по развитию успеха на Правобережье становятся значительно более легкими. В связи с возможностью решительных действий германских армий необходимо возвратить Киевскому и Мозырскому укрепленным районам их прежнее крупное значение и внимание, которое за последние годы понемногу забыли.

* * *

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий.

Я уже показывал, что, изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно-стратегической игры 1936 г. и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба

через генерала Рундштедта на подготовку поражения на украинском театре военных действий, я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем, а в общих чертах и с прочими членами центра. Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из Восточной Пруссии в направлении Гродно или через Слоним на Минск.

Украинский фронт в первую очередь или после нанесения удара немцами на севере также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходными силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать оперативные планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж.-д. перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но, кроме того, через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать штабы БВО и КВО во исполнение этого задания, мне неизвестно, т. к. (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 г. центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

С. С. Каменев должен был разработать по своей линии мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армий, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся

в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

* * *

Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКДВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал в ОКДВА теорию о том, что действия крупно-организованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь.

Лапин не обеспечит непрерывную боевую готовность авиации ОКДВА на аэродромах, что было бы очень просто сделать, если бы он добивался введения сменных экипажей на самолеты.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через КНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж.-д. пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В

случае нападения на нас японцев наше положение в направлении КНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной Гамарником было проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей. Это, конечно, неправильно, т. к. строительные части выгоднее развернуть как второочередные дивизии, а кадровые части содержать в штатах, более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений.

...

Тухачевский
1 июня 1937 г.

И. В. Сталин. «Мы превратили ссср в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников…»

Выступление И. В. Сталина на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 года (неправленая стенограмма)

Сталин. Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних – мерзавцами, других – чудаками, третьих – помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того, чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин – это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский – по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник – 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это – ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский – помещик, кто-то другой – попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах как о враждебном классе трудовому

народу, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения – вы это знаете?

Голос. Известно.

Сталин. Энгельс был сын фабриканта – непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа – неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался шпионом.

Когда говорят о враждебных силах, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу, и работали неплохо. Из такой прослойки, как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сын рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистые кровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, – это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп, прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим не пролетарское или не крестьянское происхождение. Я не с этой стороны буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят, в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разобрался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не просто голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места. Какой Андреев?

Сталин. Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что эта вторая причина, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения как неправильную не буду применять.

Самое лучшее – судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо товарищ Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии, после Ленина линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов, разобрались, увидели, что линия партии правильна и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых нетроцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому «ленинцу»? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным и не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону.

Стало быть, и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек – шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы,

дескать, троцкисты должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды.

Сейчас от них требуют помощи по части информации – давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольникова – давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий – организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии, – обер-шпион.

Рыков. У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года – Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти сведения, – через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали – информируйте, сами не доставляли.

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский – занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан – я уже сказал. Ягода – шпион и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы – германские шпионы. Те завербовывались и подчинялись Ягоде как его личные люди. Так он поступил с Гаем – немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем– шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером – шпион немецкий, давнишний, с 1923 года.

Значит Ягода. Дальше, Тухачевский. Вы читали его показания…

Голоса. Да, читали.

Сталин. Он оперативный план наш, оперативный план – наше святая-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для

благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпионы. Якир систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан – немецкий шпион. Эйдеман – немецкий шпион. Карахан информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица, Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у немецкого рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера. Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут спросить, естественно, такой вопрос – как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? Атак, что они завербованы. Сегодня от них требуют – дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют – начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете – разоблачим, завтра же передаем агентов Советской власти, и у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят – нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне. Вообще займите командные посты. И они начинают стараться, как только могут.

Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоющие. И они убивают Кирова. Вот получайте, говорят. А им говорят – идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они

это организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят – организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало – арестовать, перебить несколько человек, – а народ, а армия? Ну, значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты – я, Тухачевский, а он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют – а вот насчет Японии, Дальнего Востока как?

И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик, как мужик, неплохой. Даем ему произнести речь – великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем – пойдите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют, – нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно, из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер

будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпиков и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно, который играл благородного человека, на мелкие пакости не способного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3-х месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это – срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тысяч человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60–40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух – либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказам германского рейхсвера.

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Вот ваша точка зрения – кто за кого голосовал.

Помещичье происхождение. Я не знаю, кто там еще есть из помещичьей семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер как могучая сила берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 году согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила, то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие-то бабенки, жены, так же как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело, вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян.

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в

Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос – почему этим господам так легко удавалось завербовать людей. Вот мы человек 300–400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 года и кончая 1937-м. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален, и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начали с малого – с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели.

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться?

Оказалось, дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждали именно так: как бы, черт побери, не остаться позади всех. Давай-ка скорей прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей.

Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти малостойкие, я бы сказал, товарищи, они и послужили материалом для вербовки. Вот почему этим мерзавцам так легко удавалось малостойких людей вовлекать. На них гипнозом действовали: завтра все будут у нас в руках, немцы с нами, Кремль с нами, мы изнутри будем действовать, они – извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос – почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был пленум ЦК. Все-таки как никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать: какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая. Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах.

Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами, и они даже при желании отойти от пути контрреволюции не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей – и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит надо иметь широко разветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также – в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка

по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка – это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши.

Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили этакое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая – заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми, как ребятишки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело – успехи, и мы стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона – самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распроститься.

Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, но ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не

видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100 %, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки – это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот товарищ Горячев рассказывал о делах головокружительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том, о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную.

Голос. Махновский обрез.

Сталин. Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, – поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой – не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, товарищ Ежов?

Ежов. С 1926 года.

Сталин. Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах.

Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на 100 % обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе, и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5 %, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получаются в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылается, и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война – это дело всей страны, дело

партии». Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобрать по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет, – расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма – правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать. Разве вам когда Ворошилов запрещал письма посылать в ЦК?

Голоса. Нет, никогда.

Сталин. Кто из вас может сказать, что вам запрещали письма писать в ЦК?

Голоса. Нет, никто.

Сталин. Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, и беспартийный, у которого болит сердце о непорядках, – а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие коммунисты, – обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими.

Вот если бы это правило выполнялось, – а это ленинское правило, – вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы что-нибудь против этого сказал, – если бы это правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело. Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили, где же был Генеральный штаб. Вы что думаете, что Генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп…

Голоса. А это было так.

Сталин. Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело.

Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и придти ему на помощь. Проверить, как следует.

Так могли происходить все эти художества – на Украине Якир, здесь, в Белоруссии – Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе, и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ – должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абошидзе – забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, товарищ Ворошилов?

Ворошилов. Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин. Я не знаю, что такое АБТ.

Голос с места. Начальник автобронетанковых войск корпуса.

Сталин. Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой!

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть

тамадой, но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за Советскую власть, завтра – против Советской власти, – какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать? Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось, везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский…

Голос с места. Проходимец!

Голоса с мест. Ольшанский или Ольшевский?

Сталин. Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с Советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, товарищ Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует. Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового управления Халепского, – не знаю, как он попал, он пьяница, нехороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до товарищей Егорова, Буденного, Элиава, – говорят – Серго рекомендовал. Оказывается, он осторожно поступил – не подписал…

Голос. Он только просил.

Сталин. У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать.

Егоров. Я в этот период в Академии находился.

Сталин. Рекомендуется он как человек с ясным умом, выправкой, волевой. Вот и все, а кто он в политике – не знали, а ему доверяют танковые части. Спустя рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну, уж, конечно, они старались, но многое не от них все-таки зависит. Нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. Возвращают бумаги на этих шесть человек – не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 16-ти дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить.

Голос. Десять раз ставили вопрос, товарищ Сталин.

Сталин. Ставить вопрос мало, надо решать.

Голос. Я не имею права.

Сталин. Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь – журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать – это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Кутяков свою брошюру – не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на это внимание. Я не знаю – хороший он или плохой, но что он путанный, я это знал. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются – Деникин тоже ленинградец, есть Милюков – тоже ленинградец. Однако наберется немало людей, которые разочаровались в старом и не прочь приехать. Мы бы их пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую. Напишем своим послам, и они их пустят. Только они не хотят, и если даже приедут – они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем второе письмо – затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

Голоса. «Киевские Канны».

Сталин. «Киевские Канны» о 1920 годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят – дрянная. Клима спросил – дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука. Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить конную армию, которая там решала дело тогда, и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос. 25-ю.

Сталин. У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличилась, этого не видно. И вот интересно, что товарищ Седякин написал предисловие к этой книге. Я товарища Седякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование

Польши. Цель брошюры – развенчать Конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну, бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он Конную армию хочет развенчать – это неправильно. Как этого товарищ Седякин не заметил. Предисловие говорит – есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

Голос. Я согласен.

Сталин. Что согласен, – не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

Теперь еще один вопрос. В чем основная слабость заговорщиков, и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там – другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили, что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, вот если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем знали, что на севере, в Ленинграде они не так сильны. Они рассчитывали на германцев, не понимали, что германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других – в другое, третьих – в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью. Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы

школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали – вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса. Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин. В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей малоизвестных». Посмотрите, что из этого вышло. Мы им говорили – если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей малозаметных, они же там чудеса творят. Кто такое был Павлов? Разве он был известен?

Голос. Командир полка.

Голос. Командир мехбригады.

Буденный. Командир 6-й дивизии мехполка.

Сталин. Павлов отличился особенно.

Ворошилов. Ты хотел сказать о молодом Павлове?

Голос. Там Гурьев и капитан Павлов.

Сталин. Никто не думал, и я не слыхал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у товарища Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть, не только хуже, а лучше. Вот где наша сила – люди без имен. «Пошлите, – говорят, – нас, людей с именами, в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроят, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее – не бойтесь…

Ворошилов. Работать будем до 4-х часов.

Голоса. Перерыв надо устроить, чтобы покурить.

Ворошилов. Объявляю перерыв на 10 минут… Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято…

* * *

После перерыва

Блюхер. Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с

того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше, и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

Сталин. То есть пересчитать, кто арестован?

Блюхер. Нет, не совсем так.

Сталин. Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

Блюхер. Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

Сталин. То, что для широкого круга.

Ворошилов. Может быть, для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такое-то дело. А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях.

Сталин. Да. И объяснить надо. А для того, чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все-таки, стенограмму раздать.

Ворошилов. Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

Сталин. Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

Ворошилов. Давайте это примем. По партийной линии это принято.

Сталин. Это даст возможность и изучать людей.

Ворошилов. Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2 1/2, почти 3-х лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный. Я его видел, – там все троцкисты, одни взяты уже, другие – под подозрением.

Сталин. Так как половину из них арестовали, то значит нечего тут смотреть.

Буденный. Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать – не подлежит оглашению.

Сталин. Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть. Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь – в два месяца раз?

Ворошилов. В три месяца раз.

Сталин. Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего Совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

Голоса. Правильно.

Сталин. И от вас будут представители в Совет оборонной промышленности человек пять.

Голоса. Правильно.

Сталин. Начиная, может быть, с командира полка, а лучше было бы еще ниже, иметь заместителем.

Ворошилов. Командира дивизии или командира полка я его назначаю заместителем.

Голоса. Есть такое распоряжение.

Ворошилов. Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя, и тогда уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червоной Украины» является избранником, которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

Голос. Такое же распоряжение отдано.

Ворошилов. Совсем не такое.

Сталин. Может быть, у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями.

Ворошилов. Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии, но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

Сталин. Не будет боязни, что отменят тех, которые намечены?

Голос. Эта боязнь есть.

Сталин. Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

Ворошилов. Значит, в 8 часов у меня в зале заседание.

Сталин. Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей как по линии командной, так и по линии политической есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы если такие люди придут и сами расскажут обо всем – простить их. Есть такие люди?

Голоса. Безусловно. Правильно.

Щаденко. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной.

Сталин. У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов. Положение их, между прочим, неприглядное; когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь не один, так другой, не другой, так третий – все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем.

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР

...

С обращением к армии по поводу «Раскрытия наркоматом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации в РККА»
№ 072
7 июня 1937 года

Товарищи красноармейцы, командиры, политработники Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

Советский суд уже не раз заслуженно карал выявленных из троцкистско-зиновьевских шаек террористов, диверсантов, шпионов и убийц, творивших свое предательское дело на деньги германской, японской и других иностранных разведок под командой озверелого фашиста, изменника и предателя рабочих и крестьян Троцкого. Верховный Суд вынес свой беспощадный приговор бандитам из шайки Зиновьева, Каменева, Троцкого, Пятакова, Смирнова и других.

Однако список контрреволюционных заговорщиков, шпионов и диверсантов далеко не исчерпывался осужденными ранее преступниками. Многие из них. притаившись под маской честных людей, оставались на свободе и продолжали творить свое черное дело измены и предательства.

К числу этих, оставшихся до последнего времени не разоблаченными, предателей и изменников относятся и участники контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков,

свившей себе гнездо в Красной Армии. Руководящая верхушка этой военной фашистско-троцкистской банды состояла из людей, занимавших высокие командные посты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Как видно из материалов Народного комиссариата внутренних дел, сюда входили: бывшие заместители Народного комиссара обороны Гамарник и Тухачевский, бывшие командующие войсками округов Якир и Уборевич, бывший начальник Военной академии имени т. Фрунзе Корк, бывшие заместители командующих войсками округов Примаков и Сангурский, бывший начальник Управления по начальствующему составу Фельдман, бывший военный атташе в Англии Путна, бывший председатель Центрального совета Осоавиахима Эйдеман. Врагу удалось путем подкупа, шантажа, провокаций и обмана запутать в своих преступных сетях этих морально павших, забывших о своем долге, заживо загнивших людей, превратившихся в прямых агентов немецко-японского фашизма.

Конечной целью этой шайки было – ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов.

Для достижения этой своей предательской цели фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств: они готовили убийства руководителей партии и правительства, проводили всевозможное злостное вредительство в народном хозяйстве и в деле обороны страны, пытались подорвать мощь Красной Армии и подготовить ее поражение в случае войны. Они рассчитывали, что своими предательскими действиями и вредительством в области технического и материального снабжения фронта и в деле руководства боевыми операциями смогут добиться в случае войны поражения Красной Армии и свержения Советского правительства.

Эти предатели хорошо знали, что они не могут найти поддержки среди рабочих и крестьян, среди бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и поэтому работали обманом, скрываясь от народа и красноармейцев, боясь открыть подлинное свое лицо. Они продавали врагам Советского Союза военные тайны нашего государства, вели подрывную вредительскую работу на всех участках обороны страны, вредили в области оборонительного и необоронительного строительства, вредили в деле изготовления и хранения предметов вооружения и боевой техники, вредили в боевой подготовке войсковых частей, вредили всюду, куда им удавалось проникнуть.

Эти предатели и негодяи, прикрываясь высокими званиями членов партии и начальников Рабоче-Крестьянской Красной Армии, втихомолку делали все для подрыва оборонительной мощи нашей Родины, для подготовки поражения Красной Армии в будущей войне. Они продавали нашу Родину германскому и японскому фашизму. Они ждали помощи от немецко-японских фашистов и за помощь готовы были отдать им Украину, Приморье на Дальнем Востоке.

Сейчас эти враги народа пойманы с поличным. Они целиком признались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже. Нельзя быть уверенными, что и эти заклятые враги трудящихся полностью рассказали все, что они сделали. Нельзя верить и тому, что они выдали всех своих единомышленников и сообщников. Но главные организаторы, руководители и шпионы, непосредственно связанные с германским и японским генеральными штабами и их разведками, разоблачены. Они получат заслуженное возмездие от карающей руки советского правосудия.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия, верный и честный оплот Советской власти, беспощадно вскрывает этот гнойник на своем здоровом теле и быстро его ликвидирует. Враги просчитались. Немецко-японские фашисты не дождутся поражения Красной Армии. Красная Армия была и останется непобедимой. Агент японо-немецкого фашизма Троцкий и на этот раз узнает, что его верные подручные гамарники и Тухачевские, якиры, уборевичи и прочая сволочь, лакейски служившие капитализму, будут стерты с лица земли и память их будет проклята и забыта.

Товарищи!

Красная Армия была, есть и всегда будет армией победившего народа, армией социалистических завоеваний, армией, являющейся плотью и кровью народа, строящего новую, социалистическую жизнь. Мы очищаем свои ряды от фашистско-шпионской троцкистской гнили и впредь не допустим повторения этих позорных фактов. Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Красная Армия обязана и будет иметь до конца честный, преданный делу рабочих и крестьян, делу своей Родины подлинно свой начальствующий состав.

Удесятерим большевистскую бдительность, повысим и радикально улучшим нашу работу во всех областях, повысим самокритику и тем ускорим полную ликвидацию последствий работы врагов народа.

Долой троцкистско-фашистских предателей! Смерть шпионам и изменникам!

Долой японских и немецких империалистов – хозяев троцкистских изменников и шпионов!

Да здравствует наша славная Рабоче-Крестьянская Армия!

Да здравствует наша великая партия Ленина – Сталина!

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, кораблях, складах, штабах, управлениях и учреждениях Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

...

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. Ворошилов

Приложения

Г. Ферр, В. Бобров Маршал С. М. Буденный о суде над Тухачевским

Предлагаемая вниманию читателей публикация ставит своей целью познакомить их с документом большой исторической важности: кратким отчетом маршала С. М. Буденного о процессе по делу контрреволюционной военной фашистской организации в Красной армии – отчетом, который Буденный, как очевидец и участник событий, подготовил всего через две недели после оглашения приговора Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. Свои впечатления о суде над М. Н. Тухачевским и другими военачальниками Буденный изложил в виде письма на имя наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова; на сегодняшний день именно этот документ наиболее полно и достоверно отражает то, что происходило 11 июня 1937 г. за закрытыми дверями судебного заседания.

В представленном ниже комментарии рассматриваются наиболее важные исторические обстоятельства, связанные с буденновским посланием, включая упоминания письма в различных публикациях, особенности его интерпретации и ряд других вопросов. Как представляется, значение записей Буденного о процессе настолько велико, что как исторический источник они способны внести существенные поправки в сегодняшние представления о событиях советского прошлого и, не исключено, привести к отказу от некоторых популярных штампов.

Самые первые сведения о суде над командирами Красной армии по «делу военных», или, как его еще называют, «делу Тухачевского», появились 11 июня 1937 г. на страницах газеты «Правда»; заметка кратко информировала о завершении предварительного следствия в отношении арестованных в разное время командиров РККА М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова и В. К. Путны и о начатом в тот же день рассмотрении их дела на закрытом заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

В статье, озаглавленной «В прокуратуре СССР», далее сообщалось: «Следственными органами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими

военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

На следующий день «Правда» огласила персональный состав Специального судебного присутствия (куда, заметим, среди девяти членов вошли маршал Советского Союза СМ. Буденный, командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис и командарм 1-го ранга И. П. Белов) и скупо поведала о других подробностях длившегося ровно один день процесса: «По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя в указанных выше преступлениях виновными полностью.

Судом установлено, что <…> обвиняемые, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-крестьянской Красной Армии, подготовляли на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Еще один официальный материал – приказ Наркомата обороны № 96 за подписью наркома обороны маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, изданный на основе материалов только что завершившегося суда и состоявшегося неделей раньше Военного совета, появился на страницах «Правды» 13 июня.

* * *

Несмотря на смысловую и стилистическую близость всех сообщений, недомолвки и небольшие разночтения породили множество слухов и домыслов. И не случайно: ведь самое интригующее так и осталось за скобками официальных текстов. Как отмечает современный историк, в тех публикациях ничего не говорилось ни о попытке вооруженного переворота, ни о связях

подсудимых с Троцким и другими лидерами оппозиции, – словом, отсутствовали чуть ли не главные пункты обвинений, выдвинутые на московских открытых процессах 1936–1938 гг.

Опираясь на просочившиеся в печать скудные сведения, западные наблюдатели восприняли их со скептицизмом, посчитав, что вся официальная информация о деле Тухачевского служит целям пропаганды и не заслуживает доверия. Позднее родилась другая версия: судебное заседание будто бы вообще не проводилось, а военачальников по-тихому расстреляли в разные дни без предъявления им конкретных обвинений.

В марте 1938 г. на открытом процессе по делу правотроцкистского блока Н. И. Бухарин, Н. Н. Крестинский и ряд других подсудимых дали подробные показания о распределении ролей, планах и преступных деяниях участников «военной группы Тухачевского», но подробности того, что происходило 11 июня 1937 г. за закрытыми дверями Военной коллегии Верховного суда СССР, ни тогда, ни позднее не оглашались.

В отсутствие в распоряжении историков стенограммы закрытого заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР публикуемое письмо маршала Буденного с его впечатлениями о процессе – это источник, который позволяет получить полное и достоверное представление о деле контрреволюционной военно-фашистской организации в Красной армии, выдвинутых судом обвинениях, показаниях и поведении подсудимых.

Подготовленная Буденным докладная записка представляет собой своеобразный отчет очевидца и участника событий, составленный по горячим следам процесса и направленный адресату 26 июня 1937 года, т. е. через четырнадцать дней после вынесения приговора восьмерым бывшим командирам Красной армии. Как известно, из всех членов Специального судебного присутствия только Буденный и Белов оставили письменные впечатления о процессе. Оба адресованы наркому К. Е. Ворошилову. Однако причины, побудившие Буденного и Белова взяться за перо и подготовить пространные записки, пока не ясны.

Письмо Белова от 14 июля 1937 г. опубликовано более 10 лет назад и, следовательно, хорошо известно историкам. Написано оно в весьма расплывчатых выражениях и по большей части отражает личные переживания автора в связи с процессом. К сожалению, Белов не сказал почти ничего о том, какие показания давали в суде подсудимые; не стал он заострять внимание и на других важных подробностях увиденного. Чуть ниже мы скажем несколько слов о послании командарма.

С письмом Буденного дело обстоит иначе. Целиком оно не публиковалось и, судя по всему, до сих пор находится на секретном хранении в одном из российских архивов. Известны лишь отрывки, процитированные в справке, подготовленной в 1964 г. реабилитационной комиссией под председательством Н. М. Шверника (т. н. «справке Шверника»). Там письмо представлено как «докладная записка Сталину», хотя в действительности оно написано на имя Ворошилова, имеет пометки, сделанные, как предполагается, рукой последнего, и следы регистрации в секретариате НКО. Если не считать неверно указанного адресата, письмо содержит все имеющиеся в справке текстовые фрагменты, что, таким образом, удостоверяет подлинность публикуемого документа. О самой реабилитационной справке, допущенных в ней пропусках и предполагаемых причинах появления неверного адресата речь пойдет дальше.

Пока же, чуть забегая вперед, отметим: из сопоставлений полного текста докладной записки Буденного с ранее опубликованными отрывками следует, что все цитировавшие ее авторы в действительности не видели всего письма целиком (хотя никто из них не уведомил об этом читателей). В лучшем случае им довелось познакомиться с неким «сокращенным вариантом» послания Буденного – документом, в котором процитированное письмо было искажено так, что предстало в виде «доказательства» невиновности казненных военачальников.

Поистине огромную ценность представляют те части письма, где Буденный пишет о том, как подсудимые описывают свое участие в антиправительственном заговоре, сообщают о распределении ролей между ними, задачах и методах достижения поставленных целей, включая соглашения, достигнутые в переговорах с германо-японскими кругами.

Представления о деле Тухачевского за последнее 10-летие существенно расширились. Стали известны документы, которые его реабилитируют, но, кроме того, и те, что указывают на виновность маршала и осужденных вместе с ним командиров. К числу последних, думается, принадлежит и публикуемое письмо Буденного. Увы, хотя бы краткое ознакомление с такими свидетельствами, а тем более оценка значимости каждого из них в рамках публикуемого комментария невозможны. Поэтому здесь мы вынуждены ограничиться замечанием, что другие доказательства вины Тухачевского совпадают или близки по смыслу к утверждениям записки Буденного.

* * *

В исторической литературе дело Тухачевского чаще всего связывают с антиправительственным мятежом, который маршал и его единомышленники готовили для вооруженного захвата власти в Кремле. Однако, как разъясняет Буденный, на процессе речь шла не о каком-то одном, а о двух, хотя и неравнозначных, вариантах готовящегося антиправительственного переворота: «В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были прийти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами при помощи вооруженного переворота, и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши…

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и Советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши» л. 49–50.

В выступлении не только Якира, но и других подсудимых основной упор был сделан на подготовке поражения в будущей войне, связях военачальников с военно-политическими кругами Германии, Польши и Японии, а также с выдворенным из СССР Л. Д. Троцким. Что касается вооруженного мятежа с захватом Кремля и арестом партийно-правительственной верхушки, именно этот вопрос на процессе почти не затрагивался: «Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже знали все детали плана этого заговора, но почему-то *на суде об этом не говорили* (выделено нами. – *Г.Ф., В.Б.),* считая себя заговорщиками только с 1934 года <…> Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он – Корк, Горбачев, Егоров, бывший начальник школы им. ВЦИК и Именинников, помполит школы ВЦИК» л. 53.

Разделение в письме Буденного двух заговоров – одного во главе с Тухачевским и другого, того, что планировалось осуществить силами «кремлевской группы» Енукидзе, – совсем не случайно. Такая трактовка характерна для многих документов того времени и встречается, в частности, в конспекте выступления Н. И. Ежова на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) и в

стенограмме «бухаринского» процесса 1938 г. Таким образом, письмо Буденного помогает внести ясность в довольно запутанный вопрос: под «заговором Тухачевского» будет правильнее понимать не вооруженный мятеж в Кремле, а государственный переворот, приуроченный к началу войны и готовившийся в сговоре с военно-политическими кругами враждебных держав и с Троцким.

Ставка Тухачевского на развязывание войны и возможность последующего захвата власти косвенно подтверждается другими известными источниками. Так, в донесении японского военного атташе из Москвы за 1934 г. сообщается, что военные (а среди них названы: начальник Штаба РККА И. А. Егоров, командующий ВВС РККА Алкснис и инспектор кавалерии РККА Буденный) и гражданские представители советской власти всеми силами стремятся избежать войны, и «только один Тухачевский, по-видимому, выступает против этой точки зрения». И тот же военный атташе в одной из следующих своих депеш пишет: «Существует предположение о том, что в случае начала войны в ближайшее время среди населения Советского Союза начнется брожение», что, таким образом, увязывает кровавые последствия массовых волнений с исповедуемой маршалом политикой «другой точки зрения». По мнению чехословацкого посланника Богдана Павлу (20.06.1937), судьбу Тухачевского предопределили его расхождения со Сталиным по вопросу преждевременного начала войны, что в таком случае могло бы иметь роковые последствия для всего советского строя.

Заметим: среди всех подсудимых Корк оказался единственным, кто дал показания о заговоре в Кремле. По его словам, Тухачевский, Уборевич и Якир знали все детали этого плана. И на предварительном следствии все трое, а также Фельдман и Корк подтвердили, что им знаком план «дворцового переворота» во главе с Енукидзе. Следовательно, на судебном заседании Тухачевский, Якир и Уборевич по каким-то причинам решили просто уклониться от показаний об их личной причастности к «право-фашистской группе Енукидзе».

Мотивы такого поведения подсудимых нам, увы, не известны. Признание или непризнание еще одного тяжкого преступления никак не могло повлиять на их участь. В таком случае какой смысл дезавуировать показания Корка? Если придерживаться «канонической» версии «инсценировки», тогда тоже будет трудно понять, кому и зачем потребовалось выносить противоречия на процесс? И наконец, совсем не ясно, почему вопрос о первом сценарии заговора – столь важный для Сталина и кремлевских вождей – остался, по сути, без рассмотрения.

* * *

Избранная подсудимыми тактика поведения в суде в реабилитационном «Определении № 4н-0280/57» Военной коллегии Верховного суда СССР послужила поводом для обвинений организаторов процесса в фальсификациях. Со слов Буденного и из других доступных ныне материалов предварительного следствия явствует: высказанная Военной коллегией точка зрения, что подсудимые, «считавшие себя руководителями заговора, обнаружили в суде полное незнание подробностей намечавшегося ими «дворцового переворота», лишена оснований.

Буденный далее разъясняет: «Возникновение заговора относится по сути дела к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила «беспринципная групповщина». Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к «известным» «большим» людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930–1931 годов.

В 1934 году от этих «беспринципных разговоров» перешли к объединению единомышленников, и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу, и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строевой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т. д.» л. 50.

Несмотря на меры «строжайшей армейской конспирации», организационная структура заговора не носила строго иерархического характера: «При заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформился и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк,

Фельдман, Примаков, т. е. что это был сговор.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник – по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра» л. 52–53.

Показательно, что Корк, продемонстрировавший свою осведомленность о «кремлевском заговоре», тоже не знал некоторых существенных подробностей, касающихся заговора: «Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариным и Рыковым. Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т. д. только попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта» л. 55.

Тот факт, что некоторые детали заговора не были известны даже тем, кто, как Уборевич и Корк, входили в число его руководителей, говорит в пользу достоверности показаний: ведь в случае реально существовавшего заговора такими сведениями может обладать крайне малое число лиц.

* * *

«Бонапартистскую» тему затронул и Примаков, который, по словам Буденного, «держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех»: «Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии» л. 64.

Из показаний Примакова следует, что в случае государственного переворота сама логика заговора приведет к

острому политическому соперничеству среди «победителей». Очевидно, что верх в этой борьбе одержит тот, кто покажет себя наиболее послушной марионеткой нацистской Германии и Гитлера. Мы не знаем, кого именно Примаков имел в виду. Возможно, тем единственным Наполеоном он считал даже не Тухачевского, а своего кумира – Троцкого. Ибо чуть ранее Примаков говорил о привилегированном положении, которое Троцкий должен занять в «новом» Советском Союзе под германским покровительством.

Кроме того, у заговорщиков существовала договоренность с германским Генштабом в лице генералов Рунштедта и Кестринга, и на случай войны готовился план поражения Красной армии. Как отмечает Буденный, план поражения Тухачевский, Корк, Якир и Уборевич начали разрабатывать по собственной инициативе и только после этого должны были согласовать его с германским Генштабом. В качестве компенсации интервентам предполагалось отдать часть территории Советского Союза: Украину – Германии, Дальний Восток – Японии.

«От генерала Рунштедта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украине – Львов, Киев и второе – захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, причем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам…

Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть, не столь подробный, все же германской разведке был передан. Это облегчалось тем, что Кестринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах» л. 65–66.

* * *

Политические аспекты заговора оставлены в записке Буденного почти без внимания. Куда больший интерес маршал проявил к вопросам профессионального характера, затронутым в показаниях подсудимых. Так, в докладной записке Буденный несколько раз касается темы возможного нанесения удара по

СССР с территории прибалтийских государств: «Будет ли использована территория нейтральных во время войны прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта?

Мне кажется, этот вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим безусловно воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность знакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся в последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и по их емкости не рассчитаны на малочисленную авиацию прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии» л. 66.

По тем же причинам Буденный обращает внимание на показания Примакова: «Ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования…

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25-ю кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну стрелковую дивизию и механизированный корпус. Какую именно стрелковую дивизию – я не помню, но по его выступлению можно установить» л. 56.

Из объемистой «Трагедии РККА» О. Ф. Сувенирова явствует, что заявление Примакова не осталось незамеченным: «Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И. М. Леплевский 11 июня 1937 года обращается к Ворошилову: «По показаниям арестованного участника антисоветского военного заговора Примакова В. М. командир 26-й кавдивизии Зыбин является участником этого заговора. Прошу Вашего согласия на арест Зыбина». Через два дня на этом меморандуме появляется резолюция: «Арестовать. КВ. 13/VI.37»«.

Этот случай Сувениров приводит, дабы проиллюстрировать свое утверждение: дескать, следственный аппарат НКВД мог добиться «нужных» лживых признаний от кого угодно. Но благодаря письму Буденного теперь известно: Примаков назвал фамилию С. П. Зыбина, выступая 11 июня 1937 г. с показаниями

на процессе. А Леплевского как одного из присутствовавших в зале суда упоминает в своей записке командарм 1-го ранга Белов. Таким образом, если судить по совпадению дат показаний Примакова и записки Леплевского, именно 11 июня 1937 г. следователи НКВД впервые услышали о причастности к заговору Зыбина и запросили санкцию на расследование его дела.

Интересно, что Буденный оказывается точным даже в таких деталях, которые, казалось бы, не имеют большого значения. Так, Семен Михайлович пишет, что Зыбин служил в 25-й кавдивизии, а процитированный Сувенировым Леплевский – что в 26-й. 25-я кавдивизия была развернута в Киевском военном округе, а 25-я – в Ленинградском. Зыбин же был арестован по ленинградскому «расстрельному списку», поэтому прав все же Буденный, а не Сувениров или Леплевский.

Имя Троцкого, а не просто ссылки на безымянных «троцкистов», несколько раз встречается в письме Буденного. Первый, возможно, не единожды упоминался на процессе. Однако для маршала Буденного фигура Троцкого не представляла большого интереса; в прошлом наркомвоенмор, Троцкий сохранил влияние на некоторых военачальников и партийных руководителей, а те в свою очередь остались верны ему даже после высылки того за границу. Как отмечает Буденный, Троцкий был самой крупной политической фигурой среди всех участников заговора, названных на процессе.

* * *

Признание вины всеми подсудимыми, сходство их показаний между собой при различиях во второстепенных деталях – все это вынуждает нас кратко остановиться на версии, согласно которой «поведение обвиняемых в суде им было навязано следователями» с помощью методов физического насилия. Хотя подробное рассмотрение проблемы выходит за рамки комментария к публикуемому документу, будет в то же время несправедливо оставить вопрос совсем без внимания, поскольку и Буденный, и Белов отмечают странное поведение Эйдемана на процессе.

Вот как об этом написано у Буденного: «Эйдеман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдеман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным… Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь…» л. 55–56.

Белов высказался еще более кратко: «Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом».

Психофизиологическое состояние Эйдемана во время процесса было явно ненормальным. Но ни Буденный, ни Белов не связывают странности его поведения с применением пыток или иных незаконных методов ведения следствия. В их письмах нет даже *намека* на что-либо подобное; наоборот, Белов, к примеру, упоминая, что Фельдман за несколько недель заключения сильно потерял в весе, нашел уместным отметить, как «Блюхер даже спрашивал у т. Леплевского, какой у него рецепт питания для арестованных, и нельзя ли этим рецептом воспользоваться ему?» Солдафонский юмор такого сорта был бы вряд ли уместен, если бы Белов действительно считал, что кто-то из подсудимых подвергался пыткам.

Белов и Буденный почти одинаково пишут об Эйдемане, и следы такого его состояния не могли не найти отражения в стенограмме процесса. Тем не менее ни одна из реабилитационных справок не придает сколько-нибудь серьезного значения имеющимся в этих источниках свидетельствам. Зато в качестве доказательств применения незаконных методов ведения следствия там приводятся слухи, пересказанные бывшими сотрудниками НКВД спустя 20 лет после событий. Причем главный из свидетелей истязаний Эйдемана Я. Л. Карпейский поведал, что он только *подозревает* конкретных лиц в применении «угроз или даже физических мер воздействия», хотя, как явствует из процитированных справками фрагментов, самому ему при таких действиях присутствовать ни разу не доводилось…

Вообще, расследование случаев отступления следственных органов от процессуальных норм принадлежит к очень сложной категории дел, где необходима особая щепетильность. Увы, реабилитационное «Определение», а тем более справки ЦК КПСС далеки от такой строгости: причины, повлекшие за собой психофизиологические сдвиги у Эйдемана, ни в одном (!) из реабилитационных документов не рассматриваются. Между тем часто случается, что сам по себе факт ареста или пребывание подозреваемого в следственном изоляторе способны привести к нервному срыву и при отсутствии какого-либо физического воздействия. Пример Н. И. Бухарина достаточно красноречив: припадки галлюцинаторного бреда и временные потери зрения, случавшиеся у него в период заключения, следует связывать исключительно с нервным перенапряжением самого подследственного, но никак не с применением пыток.

Со ссылкой на бывшего работника «органов» Роберт Тэрстон о подготовке ареста Эйдемана сообщает: «Хотя он (Эйдеман. – *Г.Ф., В.Б.*) находился под подозрением, против него не существовало никаких «компрометирующих материалов». Но в НКВД знали о его дружбе с командармом 2-го ранга А. И. Корком, причастность которого была выражена более явно. Агент, чей голос очень напоминал голос Корка, позвонил Эйдеману и, пародируя его друга, «предупредил», что в любой момент тот может подвергнуться аресту. НКВД следил за реакцией Эйдемана, и «энкавэдэшникам», которые участвовали или слышали про случай с Эйдеманом, становилось понятно, что командарм вел себя как виновное лицо; ему, казалось, было точно известно, о чем именно говорил спародировавший Корка человек и почему».

Судя по всему, перед нами один из слухов, интересный лишь тем, что, ничего не доказывая, он дает наглядное представление о некоторых «уловках» из арсенала следственного аппарата НКВД, к которым «органы» прибегали без обращения к методам физического насилия.

Если исходить из предположения, что процесс был инсценирован и следователи домогались от своих подопечных каких-то специфических показаний, то поведение Эйдемана отнюдь не соответствовало такой заранее отведенной ему роли. Наоборот, сам подсудимый явно *не делал* того, что от него хотели организаторы процесса, поскольку еле шевелил языком и вообще с трудом держался на ногах. Ничто не мешало организовать рассмотрение дела Эйдемана в упрощенном порядке отдельно от других подсудимых и без привлечения людей «со стороны» – Буденного, Алксниса, Блюхера и других; в свою очередь эти известные на всю страну командиры не нашли достаточных оснований, чтобы считать необычное состояние Эйдемана следствием пыток; то же и следователи: не убоявшись подозрений в насилии, они отправили на процесс Эйдемана, человека тоже с очень громким именем.

Так или иначе, но имеющиеся в нашем распоряжении источники безоговорочно удостоверяют только одно – необычное психофизиологическое состояние Эйдемана на процессе. Никакие приведшие к тому причины, среди которых чаще всего называют пытки, не подкреплены в достаточной мере какими-либо историческими доказательствами.

* * *

За исключением двух случаев, все известные нам авторы,

цитировавшие письмо Буденного, пользовались его публикацией в справке Шверника, большой фрагмент которой впервые появился на страницах журнала «Военные архивы России» (1994). Полный вариант справки увидел свет несколько лет спустя в «Военно-историческом архиве» и со ссылкой на последний затем был перепечатан в сборнике «Реабилитация: как это было».

Опубликованные тексты письма слово в слово совпадают с отрывком, приведенным в справке Шверника. И всем им присущи те же ошибки, одна из которых очевидна: «После суда Буденный представил Сталину 26 июня 1937 года докладную записку о своих впечатлениях от этого процесса. Он писал…»

Между тем фотокопия подлинника письма не оставляет сомнений, что «докладная записка» в действительности адресована не Сталину, а Ворошилову.

Архивисты, принимавшие участие в работе реабилитационной комиссии Президиума ЦК КПСС под председательством Шверника, по всей видимости, имели доступ к подлиннику письма Буденного, как и ко многим другим документам. И тем не менее в справку попали неверные сведения об адресате буденновского послания. Ошибка, или описка, или, как мы полагаем, предумышленное искажение содержания письма случилось где-то по пути из архива, когда документ был перепечатан и, возможно, тогда же подвергся некоей первичной «обработке».

Причина нарочитого изменения адресата, как думается, кроется в той внутриполитической обстановке, которая сложилась в СССР в первой половине 1960-х гг. Начиная с XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.) Хрущев и его сторонники развернули беспрецедентную по масштабам кампанию «десталинизации», по своему разоблачительному накалу во многом превзошедшую критику «культа личности» в «закрытом» докладе на XX съезде партии. Именно в те годы в Советском Союзе и странах народной демократии имя Сталина навсегда исчезло из названий городов, улиц и учреждений, а тело «отца народов» 31 октября 1961 г. было вынесено из Мавзолея и перезахоронено у Кремлевской стены.

На том же XXII съезде нападкам подвергся Ворошилов, и, что примечательно, – из уст Шверника. Только та критика носила не столь жесткий характер. Ворошилов в свою очередь покаялся в совершенных при Сталине ошибках и такой ценой смог сохранить за собой почетное, но чисто символическое место на советском партийно-правительственном Олимпе.

Климент Ефремович остался членом Президиума Верховного Совета СССР; но одновременно лишился места в Центральном

комитете Коммунистической партии, куда его вновь переизбрали лишь при Л. И. Брежневе.

Иначе говоря, замена Ворошилова на Сталина в справке Шверника соответствовала политической тенденции тех лет, выразившейся в резком усилении нападок на «культ» и личность Сталина при одновременном смягчении критики политических фигур, подобных Ворошилову. Такова наша догадка. С ее помощью мы пытались отыскать объяснение тому, что в противном случае следует интерпретировать как проявление вопиющей небрежности со стороны лиц, принимавших участие в подготовке реабилитационной справки.

* * *

Гораздо больше важных сведений можно извлечь из характерных купюр письма Буденного в справке Шверника. Решение представить в личном послании Хрущеву информацию, не отличающуюся достоверностью, означает, что перед составителями справки не ставилась задача поиска истины. Скорее, их цель состояла в том, чтобы с помощью документа, содержащего ссылки на основные источники, вооружить Хрущева доводами в пользу его предвзятых представлений о фабрикации Сталиным дела против Тухачевского и других, как считалось, ни в чем не повинных военачальников.

Последнее становится очевидным, если сравнить неискаженный текст письма Буденного с выдержками из того же самого послания в справке Шверника. Вот несколько характерных примеров.

– Из показаний Якира изъят фрагмент, где описываются заговорщические соглашения с Германией и Японией; выброшены имена германских генералов Рунштедта и Кестринга.

– Подробно остановившись на выступлении Якира в суде, Буденный далее заключает: «В последующих выступлениях подсудимых по сути дела все они держались в этих же рамках выступления Якира» л. 51.

Но, как указывалось, показания Якира об изменнических контактах заговорщиков с Германией и Японией были вырезаны из письма Буденного. Тем самым у всех, кто знакомится со справкой Шверника, складывается превратное представление, будто Якир и остальные подсудимые вели себя так, как если бы никаких контактов и соглашений с враждебными державами не было и признательных показаний на сей счет никто из них не давал.

– Из выступления Тухачевского выброшен фрагмент, объясняющий, почему он оказался в стане заговорщиков: «Явный перевес в Вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военного фашистского заговора» л. 51.

В отсутствие процитированного отрывка из оставшегося текста показаний вытекает, что Тухачевский поддерживал только легальные контакты с представителями германского командования.

– Случай с показаниями Примакова еще более показателен. Последний, как со ссылкой на Буденного гласит справка Шверника, «очень упорно отрицал», что «руководил террористической группой против тов. Ворошилова». Сами же причины такого упорства в справке красноречиво отсутствуют: «Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание…» л. 56.

– Искажены показания и других подсудимых; к примеру, от признаний Фельдмана остался куцый обрывок одного из предложений, а остальное вымарано и выкинуто.

– Полностью вырвана из контекста фраза «в стенах НКВД»: «Описывая последнее слово подсудимых, Буденный отмечал, что Якир, Уборевич, Путна, Фельдман говорили, что признались и раскаялись они «в стенах НКВД».

Почему все предложение не приведено целиком, станет ясно, если написанное в справке Шверника сопоставить с тем, что в действительности сказано Буденным: «Дальше Уборевич сказал: «Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем не искупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся *в стенах НКВД,* когда показал честно и до конца все свои преступления» л. 59–60 (выделено нами. – *Г.Ф., В.Б.).*

В письме Буденного фраза «в стенах НКВД» встречается еще дважды и каждый раз в похожем контексте. Читатели без труда найдут остальные случаи искажений того же сорта в справке Шверника.

* * *

Письмо Буденного обсуждалось и в периодической печати. В 2003 г. газета «Красная звезда» опубликовала большое интервью с сыном маршала Буденного Михаилом, где среди прочего собеседники обменялись мнениями по поводу дела Тухачевского и суда над ним. Как сам Михаил Семенович, так и автор публикации – видный военный журналист А. Ю. Бондаренко, выразили точку зрения, в целом мало отличающуюся от той, что начиная с хрущевских времен стала в СССР официальной и в качестве таковой принята в постсоветской России.

Однако интервью примечательно не высказанными там взглядами, а опубликованным на страницах газеты фрагментом из письма Буденного – «первичной реакцией Семена Михайловича на происшедшее, изложенной в письме Генеральному секретарю». И как там же указано, напечатанный «Красной звездой» «материал получен редакцией в Архиве Президента Российской Федерации».

К сожалению, сейчас невозможно установить, насколько полон был текст, оказавшийся в распоряжении газеты: возможно, речь шла о фотокопии какой-то части письма или, что вероятнее, о выписках, подготовленных кем-то из лиц, имевших доступ к подлиннику записки.

Зато совершенно ясно, что перепечатанный газетой отрывок взят не из справки Шверника. Во-первых, потому что в публикации указаны дата и номер документа: «26 июня 1937 года, № 0039, Москва», чего нет в справке Шверника. Во-вторых, вслед за описанием поведения маршала на процессе (а в справке, напомним, говорится, что при чтении обвинительного заключения и показаниях других подсудимых Тухачевский «качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, – все это не совсем правда, не соответствует действительности») приводится одна из ключевых фраз письма Буденного: «В конце концов, Тухачевский виновным себя признал» л. 59, которой тоже нет в справке Шверника.

Отсутствует в справке Шверника, хотя и совпадает с ней по смыслу, набор реквизитов письма, воспроизведенного «Красной звездой»:

«ЦК ВКП(б), тов. Сталину.

Сов. секретно.

Только лично».

На самом деле письмо Буденного (как и Белова) направлялось не Сталину, а Ворошилову; кроме того, в подлиннике реквизиты письма напечатаны не строчными, а прописными буквами, причем строка с адресатом помещена после

грифа «Совершенно секретно. Только лично».

* * *

Самое последнее по времени обращение к письму Буденного находим в книге В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938» (2009), ряд особенностей которой требует безусловного внимания.

Вместе со всеми остальными авторами, процитировавшими послание Буденного, Хаустов и Самуэльсон ошибочно указывают, будто оно адресовано Сталину. Однако из краткого пересказа становится ясно, что авторы тоже использовали не справку Шверника, а какой-то другой документ – чей-то подробный пересказ подлинника или обширные выдержки из него.

Так, Хаустов и Самуэльсон пишут: «Согласно признательным показаниям Примакова, в Красной Армии и вне ее насчитывалось от 700 до 1000 человек – участников военного заговора».

Но такое утверждение ошибочно. В действительности, по Буденному, Примаков указывал на «800 – 1000 человек в нашей армии *и вне ее»* как на членов масштабной контрреволюционной организации, в которой помимо военнослужащих состояли гражданские лица и к которой принадлежал сам комкор.

Неверно представлен у Хаустова и Самуэльсона и тот отрывок письма, где речь заходит о показаниях Тухачевского: «Произошли изменения, связанные с приходом Гитлера к власти. Если раньше предполагали, что СССР будут противостоять 60–66 польских дивизий, то теперь их будет более 100, что превосходило численность Красной Армии на возможном театре военных действий».

Здесь мы имеем дело с серьезными смысловыми искажениями, поскольку вот как на самом деле Тухачевский объяснял, почему он в конце концов перешел на сторону заговорщиков: «Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия по сравнению с германской и польской армиями по своей численности была на 60–62 дивизии меньше» л. 59.

Таким образом, Тухачевский говорил не о 100 с лишним польских, а о 108 дивизиях германской и польской армий, и, вместе взятые, они, по словам маршала, превосходили

численность РККА на 60–62 дивизии.

Откровенно неряшливы Хаустов и Самуэльсон при пересказе еще одной части буденновского послания: «Фельдман подчеркивал, что заговорщикам не удалось назначить на важные посты своих людей, поскольку против этого категорически возражал нарком обороны Ворошилов».

А вот как тот же самый отрывок представлен в оригинале послания: «Фельдман признает, что многих из намеченных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его, Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана» л. 57.

Все три использованные Хаустовым и Самуэльсоном отрывка из письма Буденного отсутствуют в справке Шверника. Поэтому есть все основания считать, что Хаустову и Самуэльсону удалось познакомиться с каким-то более подробным документом, нежели справка Шверника. С другой стороны, трудно вообразить, что сами маститые авторы могли допустить столь грубые искажения да еще заменить подлинного адресата на вымышленного. Тем не менее сам такой документ, составленный на основе письма Буденного и, по-видимому, содержащий все указанные ошибки и неточности, действительно существует, так как Хаустов и Самуэльсон указывают его атрибуты в Архиве Президента РФ, но, в отличие от 19-страничного подлинника, объем этого документа – 14 страниц.

* * *

Все сказанное не оставляет места для сомнений в том, что составители справки Шверника явно избегали писать и не писали всей правды о деле Тухачевского и тем самым дезинформировали, вводили в заблуждение высших партийных руководителей. Очень может быть, что для тех же целей был изготовлен сокращенный вариант письма Буденного, который хотя и искажал его содержание, зато представлял события в нужном для составителей свете. Известно, что к такому приему прибегли некоторые из соратников Хрущева, выступавшие на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС, посвященном делу «антипартийной группы» В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, а затем повторившие тот же трюк на XXII съезде партии. Грубой фальсификации тогда подверглось покаянное ходатайство Якира о пощаде, в котором командарм

сознается в совершенных им тяжких государственных преступлениях, но которое с помощью вымарывания отдельных фраз было представлено чуть не как письмо-протест против совершаемых против него несправедливостей.

Трудно вообразить, что архивисты и другие рядовые сотрудники, привлеченные к работе над справкой Шверника, по собственной инициативе решились на передачу в партийные верха недостоверной информации. Скорее всего они действовали по указке руководителей аппарата ЦК КПСС, потребовавших от своих подчиненных представить «стопроцентные» доказательства невиновности казненных военачальников. Для чего им было предложено использовать только подлинные документы, ибо для фабрикации фальшивок требуются не только широкий кругозор и глубокие знания истории, но еще и профессиональные навыки в нескольких технических дисциплинах. Вот почему первоначально дело ограничивалось перепечаткой неких «рабочих материалов» (вроде изуродованного по содержанию ходатайства Якира), которые под пером одного из высокопоставленных партийных деятелей, хорошо знакомого с личными предпочтениями и антипатиями Хрущева, были отредактированы и включены в текст справки.

В любом случае, не сами партийные бонзы, а низовые работники, участвовавшие в подготовке справки Шверника, выполнили черновую работу по очистке документальных материалов от доказательств виновности Тухачевского и его единомышленников. Одновременно и тем же самым коллективом были найдены новые и отточены некоторые старые аргументы, которые по усмотрению партийного начальства могли бы служить подтверждением тезиса о фабрикации дела Тухачевского. Какая-то часть тех аргументов выглядела правдоподобно. Другая – нет. Незыблемым оставалось лишь одно: никто кроме узкого круга доверенных лиц не имел доступа к первичным источникам.

Нет причин сомневаться: Буденный со скрупулезной точностью изложил то, что происходило на процессе. На все 100 % удостовериться в том можно было бы, сверившись с текстом стенографической записи судебного заседания. Но в том-то и дело, что последняя вот уже несколько десятилетий недоступна для исследователей. А следовательно, ничего не остается, как обратиться к крупицам сведений в немногочисленных публикациях, отразившим содержание стенограммы процесса.

* * *

Одной из таких публикаций является статья Б. А. Викторова, опубликованная в 1988 г. в газете «Правда». Б. А. Викторов, бывший заместитель Главного военного прокурора армии и флота (1955–1967), поделился в своей статье наблюдениями и воспоминаниями, связанными с участием в «реабилитации» Тухачевского и других осужденных по тому же делу командиров Красной армии. Исправленный (и дополненный рядом небезынтересных подробностей) вариант того же очерка в 1990 г. вошел в книгу Викторова «Без грифа «секретно»«.

В статье и книге Викторов утверждает, что с судебно-следственными материалами по делу Тухачевского ему довелось познакомиться по долгу службы еще в 1950-е гг., в подтверждение чего им приводится несколько цитат, которые, если верить автору, почерпнуты из стенограммы процесса. Однако личное участие в реабилитации Тухачевского означает, что Викторов причастен к подготовке именно того криводушного «Определения № 4н-0280/57» Военной коллегии, о котором речь шла выше.

Ряд существенных неточностей мы находим у Викторова там, где он, к примеру, цитирует заявление М. П. Фриновского от 11 апреля 1939 г. Полный текст документа опубликован в 2006 г., поэтому легко убедиться, что у Фриновского нет ни слова в защиту или в оправдание осужденных военачальников. Более того, в той же самой записке Фриновский клеймит Бухарина, Рыкова, Ягоду и других деятелей за их участие в правотроцкистском заговоре. Но тщетно искать у Викторова упоминаний этих фактов; они просто отбрасываются, поскольку не вписываются в выстроенную им историческую конструкцию.

Характерная особенность: несмотря на очевидные смысловые искажения, сами источники процитированы Викторовым достаточно аккуратно. Изучение «реабилитационных» справок дает сходные результаты: все использованные там фрагменты почти всегда приводятся близко к тексту первоисточников, но все они, как правило, так искусно вырваны из контекста, что приобретают совсем другое значение.

Таким образом, не исключено, что выдержка из «последнего слова» Примакова в книге и статье Викторова процитирована без искажений: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, – ни по цели, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы; все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого.

Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора… Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной».

Трудно не заметить, насколько приведенный выше отрывок по смыслу близок к той части исследуемого ними письма, где пересказывается содержание заключительной речи Примакова в суде. Ясно, что Буденный *не цитирует* стенограмму процесса, а передает по памяти свои личные впечатления от увиденного и услышанного. Однако при сопоставлении обоих текстов выявляется их смысловое тождество. Таким образом, приведенная Викторовым выдержка из стенограммы позволяет удостовериться в надежности сделанных Буденным записей показаний осужденных военачальников.

Во всем остальном сообщения Викторова о процессе – результат тщательного отсева «ненужных» сведений сквозь сито предвзятых представлений о суде над Тухачевским. Викторов, к примеру, отмечает, что за исключением Примакова подсудимые единодушно заявили о «преданности делу революции, Красной Армии и лично товарищу Сталину». Так, наверное, оно и было, да только Викторов «позабыл» упомянуть такой ключевой факт, как безусловное признание всеми (и Примаковым) своей тяжкой вины, что в каждом случае предшествовало их клятвенным заверениям!

* * *

Между тем, исследователи по-прежнему не имеют доступа к материалам суда над Тухачевским, хотя о рассекречивании «дела военных» впервые было публично заявлено еще 17 апреля 1991 г. в статье корреспондента «Красной звезды» Алексея Хорева «Как судили Тухачевского», вышедшей с кричащим подзаголовком:

«Комитет государственной безопасности СССР снял гриф секретности с материалов, связанных с осуждением маршала Тухачевского и других военачальников в 1937 году». Но все надежды исследователей заполучить само дело, чтобы начать изучать его по архивным источникам, оказались напрасными.

В своей публикации корреспондент «Красной звезды» процитировал ряд малоизвестных писем и показаний, и, как следует думать, ему действительно удалось познакомиться с некоторыми из документов или их фрагментами. Но о процессе как таковом в статье сказано мало. И лишь в одном случае Хорев со ссылкой на стенограмму затрагивает вопрос, на котором кратко останавливался Буденный: «Блюхер, в частности, как и Буденный, Алкснис, держался вовсе не пассивно. У Якира он (не ясно, кто именно: Блюхер, Буденный, Алкснис? – *Г.Ф., В.Б.*), например, настойчиво допытывался о Гамарнике:

– Нельзя ли подробнее – о роли Гамарника в контрреволюционном троцкистском заговоре? Я думаю, вы знаете больше, чем говорите».

Вопрос оставлен Хоревым и без реплики Якира, и без собственного комментария. Буденный же пишет не только о том, какие показания о Гамарнике давали подсудимые, но и дает объяснение, почему о нем говорилось крайне мало: «Участие Гамарника в заговоре все подсудимые, безусловно, пытались скрыть, по-видимому, из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зиновьевцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников» л. 65.

Через 10 с лишним лет после Хорева заявления о рассекречивании стенограммы процесса вторично появились в печати. В феврале 2004 г. на двух полосах газеты «Известия» была опубликована большая статья Юлии Кантор, где ее представили «первым за последние полвека читателем хранящегося в Центральном архиве ФСБ «дела о военно-фашистском заговоре»«. Публикаторы не вспомнили не только Хорева (1991), но даже А. Н. Яковлева (1988) и Шверника (1961–1964), а заодно с ними и тех избранных, кто подобно Викторову (1957) участвовал в подготовке реабилитационных справок по делу Тухачевского.

Что бы там ни было, но Кантор действительно знакомилась с материалами процесса: для убедительности в газете даже помещена фотокопия обложки стенограммы заседания Специального судебного присутствия. А что касается той статьи и других работ Кантор, то вне зависимости от собственной (и во многом спорной) позиции их автора подавляющая часть

приведенных там выдержек существенно подкрепляет наш вывод о высокой надежности и точности записанных Буденным впечатлений о процессе. Маршал, к примеру, отмечает, что, признавая вину, Тухачевский в последнем слове «пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один – советский, а другой – враг», а Кантор словно пытается проиллюстрировать утверждение Буденного материалами процесса:

«Подсудимый Тухачевский: …Путь группировки, стащившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с фашизмом и японским Генеральным штабом, все же не убил во мне любви к нашей армии, любви к нашей Советской стране, и, делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздваивался. Вы сами знаете, что, несмотря на все это, я делал полезное дело в области вооружения, в области боевой подготовки и в области других сторон жизни Красной Армии.

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу суд верить мне, что я полностью открылся, что тайн у меня нет перед Советской властью, нет перед партией».

То же можно сказать и о других процитированных Кантор выдержках из стенограммы суда. Но особенно интересна ее статья в той части, где говорится о том, как именно ей удалось получить доступ к архивно-следственному делу Тухачевского и материалам суда. Последние хранились в Центральном архиве ФСБ, и в ответ на письменное обращение «Известий» Федеральная служба безопасности подтвердила, что дело Тухачевского рассекречено, однако получить их для ознакомления… невозможно без официально оформленного разрешения кого-то из родственников на основе нотариально заверенной доверенности.

Абсурд ситуации очевиден: документы рассекречены, но доступ к ним закрыт под явно надуманным предлогом. Ведь если материалы процесса действительно содержат какие-то тайны личной жизни, тогда почему требуется разрешение потомков какого-то одного из репрессированных? Разве потомки, скажем, Якира вправе распоряжаться тайнами личной жизни Тухачевского или заочно осужденных на процессе Троцкого и Гамарника?

Но дело не только в этом. Как разъясняет Н. В. Петров («Мемориал»), «разрешительная практика» такого сорта была регламентирована не буквой закона, а внутренними правилами самих силовых структур: «Требования, предъявляемые к исследователю архивными чиновниками на получение письменного согласия от потомков репрессированных для доступа к архивно-следственным делам, не соответствуют

законодательству. С какой это стати право распоряжаться архивным делом репрессированного принадлежит его потомкам. В России по закону наследуется только право на имущество и авторское право, но никак не право распоряжаться доступом к документам государственных архивов (заметим, государственных, а не личных!)». С точки зрения здравого смысла, объяснить, почему потомки жертв политических репрессий наделены правом запрета на ознакомление с архивными материалами, можно лишь одним – тем, что раскрытие всей правды об их родственниках способно поколебать уверенность в справедливости проведенной когда-то реабилитации. Заинтересованы в сохранении status quo и нынешние российские власти. Вот почему вслед за Петровым и мы готовы повторить, что «порой складывается впечатление, что сокрытие истории и есть главный аспект национальной российской политики».

* * *

В 1990 г. с личного разрешения Председателя КГБ В. А. Крючкова возможность ознакомиться со стенограммой судебного заседания по делу Тухачевского представилась народному депутату Верховного Совета СССР полковнику В. И. Алкснису. В 1930-е гг. дед Виктора Имантовича командарм 2-го ранга Яков Иванович Алкснис занимал руководящие должности в Наркомате обороны, входил в состав Специального судебного присутствия, рассматривавшего дело военных. Но затем сам был арестован и приговорен к смертной казни по обвинению в принадлежности к латышской националистической организации в РККА.

Несмотря на широко декларируемую политику «гласности», все обращения Алксниса-внука в реабилитационную комиссию Политбюро ЦК КПСС под председательством Яковлева заканчивались ничем. Доступ к материалам процесса стал возможен только после обретения Алкснисом статуса народного избранника в высший законодательный орган Союза ССР, несмотря на отсутствие у него какого-либо родства с осужденными по делу Тухачевского лицами.

Знакомясь со стенограммой, Алкснис наткнулся на факты, которые расходились со многими клише времен горбачевской «перестройки», вследствие чего у него сложилось мнение о виновности Тухачевского и других осужденных с ним командиров. Впечатления от знакомства с материалами процесса он изложил в интервью малоизвестному и малотиражному

журналу «Элементы»: «Мой дед и Тухачевский были друзьями. И дед входил в состав того судебного совещания, которое судило и Тухачевского, и Эйдемана. Интерес к этому делу еще более усилился после известных публикаций прокурора Викторова, писавшего, что Яков Алкснис вел себя на процессе очень активно, «топил» обвиняемых…

По стенограмме же – все наоборот. За все время процесса им заданы всего два-три вопроса. Но самое странное – это поведение обвиняемых. В газетах писали, что они все отрицали, ни с чем не соглашались. А в стенограмме – полное признание. Самого факта признания, я понимаю, можно добиться пытками. Но там совсем другое: обилие подробностей, длинный диалог, взаимные обвинения, масса уточнений. Отрежиссировать такое невозможно. Тут что-то загадочное…

О характере заговора мне ничего не известно. Но в том, что заговор внутри Красной Армии действительно существовал, и Тухачевский был его участником, я сегодня убежден полностью.

Так что несмотря на внешнее обилие публикаций вопросов все больше. Чтобы ответить на них, нужен доступ ко всем материалам. Казалось бы: так долго твердили о необходимости их рассекречивания. Так рассекретьте, наконец! Ан нет. Видимо в тех материалах есть какие-то большие загадки».

Из всех, кто когда-либо получал доступ к материалам суда, пожалуй, лишь Алкснис публично признался, что в свете архивных документов расхожие представления о невиновности Тухачевского и других военачальников оказываются неосновательными. По-видимому, прав Виктор Имантович в своей оценке того, почему – в силу «каких-то больших загадок» – столь давнее, хотя и очень громкое дело власти продолжают хранить под спудом.

Стенограмму Алкснис изучал в 1990-м, а его интервью «Элементам» вышло в номере журнала за 1993 г. Поэтому 13 августа 2000 г. один из авторов этой публикации (Бобров) обратился лично к Алкснису, чтобы получить его разъяснения, что называется, из первых уст. Ниже цитируются фрагменты расшифровки сделанной тогда же аудиозаписи.

«Алкснис: Полистав стенограмму, у меня появилось больше вопросов, чем я получил ответов. Я вынес впечатление, что, очевидно, заговор существовал в действительности. Беда в том, что если в 1937 году считалось, что осужденные тогда – это «враги народа», то после 1985 года все стали невиновными. А я думаю, что была и оппозиция, в том числе и Сталину…

Но вот что меня насторожило: в стенограмме есть моменты, которые свидетельствуют об искренности заявлений, – как бы кто

ни говорил, что процесс был организованным спектаклем, что с подсудимыми специально работали для дачи нужных показаний.

Ну, представьте: скажем, Тухачевский рассказывает о встрече с военным атташе Германии на подмосковной даче.

Вопрос: Кестрингом?

Алкснис: Я сейчас уже не помню фамилию. И в этот момент вдруг вмешивается Примаков и говорит: «Михаил Николаевич, вы ошиблись. Эта встреча состоялась не в вашем кабинете на даче, а на веранде». Я так понимаю, что невозможно было бы срежиссировать все так, чтобы Тухачевский говорил именно об этом и чтобы Примаков сделал такое уточнение.

Вопрос: Хорошо, а были ли какие-то обстоятельства, заставляющие думать, что процесс был все-таки срежиссирован?

Алкснис: Нет, так срежиссировать процесс, как он изложен в стенограмме, нельзя.

Вопрос: То есть вы хотите сказать, что, просмотрев стенограмму, вы в ней не обнаружили никаких следов какой-то режиссуры?

Алкснис: Да. Да. Да. Причем все каются, и когда в своем последнем слове все признают свою вину, что они были участниками заговора (зная, что за этим последует, что их ждет расстрел), то невозможно представить, чтобы всех их заставили сделать такие признания и заявления».

* * *

Продолжая, полковник Алкснис дал понять, что в отличие от этих подсудимых показания его деда, командарма 2-го ранга, арестованного в разгул «ежовщины» – 28 ноября 1937 г., носили вынужденный характер. Что явствует из материалов архивного дела Якова Ивановича, которое, по мнению внука командарма, было сфабриковано.

Затем беседа вновь вернулась к стенограмме процесса над Тухачевским:

«Вопрос: Какой был главный пункт обвинения заговорщиков?

Алкснис: Там было все: и шпионаж, и подготовка военного переворота, и вредительство…

Вопрос: А что значит «шпионаж»? Вот вы говорили про свидание на даче…

Алкснис: Да, да, с германским военным атташе. Речь шла о том, что налаживается взаимодействие с немецкими военными, идут контакты с ними.

Вопрос: Кто преимущественно говорил об этом – Тухачевский,

Уборевич?

Алкснис: Они все рассказывали. Речь шла о том, что существует единая организация, ее возглавляет Тухачевский, и она занимается подобными вещами. Именно это было основным на процессе».

Таким образом, через семь лет после своего журнального интервью Алкснис вновь заявил об ошибочности утверждений прокурора Викторова, касающихся его деда. Вот почему нельзя исключать, что в отличие от Алксниса Викторов мог и не читать всей стенограммы процесса, а если прочитал, то *умышленно* исказил ее содержание:

«Вопрос: В статье Викторова сообщается, что командарм Алкснис якобы «топил» обвиняемых. Но, по Викторову, он «топил» не Тухачевского, а Корка. Причем за шпионаж. А что было на самом деле?

Алкснис: Да, сообщалось, будто мой дед был очень активным участником процесса. А из стенограммы следует, что он лишь три раза задавал вопросы. Зато очень активно себя вел, например, Блюхер. Для меня самым важным в стенограмме процесса было то, что в действительности дед не был самым главным среди обвинителей».

Затронутый Алксниcом вопрос о честности Викторова имеет далеко идущие последствия, ибо бросает тень сомнения на правдивость других заявлений прокурора в его статьях и книге, изданной в свое время огромным тиражом, и кроме того помогает получить представление о том, как именно готовились реабилитации лиц, осужденных по делу Тухачевского.

Впечатления, изложенные в 1993-м в интервью «Элементам», а в 2000-м – в частной беседе с одним из авторов данной публикации, Алкснис подтвердил в статье 2009 г., где еще раз заявил, что только после ознакомления со стенограммой процесса «пришел к выводу, что все-таки «заговор военных» или что-то тому подобное в Красной Армии был». Но в отличие от прошлых лет – с одним важным уточнением. Оказывается, пока документы хранились в архиве в ожидании, когда свободный доступ к ним получат архивисты-историки, материалы самих уголовных дел подверглись «расчистке». Когда, по словам Алксниса, в 2000 г. он вторично обратился в ЦА ФСБ, то благодаря своим старым записям выяснил, что из досье его репрессированного деда «пропало донесение разведки НКВД, датированное 1932 годом» и ряд других документов… Следовательно, как заключает экс-депутат, «в архивах имеются документы, которые не устраивают и нынешнюю власть».

К сказанному остается лишь добавить: замечания, сделанные

Алкснисом, очень близки по смыслу к написанному в письме Буденного, а те в свою очередь – к содержанию других первичных документов.

* * *

Отдельно следует сказать о письме Белова к Ворошилову от 14 июля 1937 г. Письмо Белова полностью опубликовано в 1996 г. в Неаполе в сборнике документов из фондов РГВА. Учитывая, сколь велик объем первоисточников, доныне остающихся на секретном хранении, удивление вызывает не диковинное место книжной публикации, а само ее появление. Но каковы бы ни были обстоятельства, связанные с выходом сборника в свет, предание огласке письма Белова – факт, безусловно, положительный, хотя о самом судебном заседании там сказано немного. При всем том Иван Панфилович в некоторых случаях пишет о таких обстоятельствах рассмотрения дела в суде, каких не найти и у Буденного (например, что процесс в общей сложности длился около 12 часов).

Как и Буденный, Белов не оставляет сомнений в виновности всех подсудимых, что подтверждается следующими фрагментами его письма: «Я много передумал о людях, так подло обманувших доверие партии и народа. Читал я все их показания. Возмущался, ненавидел, доискивался причины, почему они так подло изменили, так низко пали морально <…>

Как они дополняли картину неслыханного и невиданного в истории человечества государственного преступления?

Якир <…> пытался и процесс завести на путь оценки его роли как положительной и свою подлую предательскую роль свести к пустячкам.

Фельдман <…> упрекнул своих собратьев по процессу, что они, как институтки, боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным…

О Путне осталось впечатление, что это старый «матерый» шпион.

Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют».

Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления против Родины».

Как следует из письма, никто из военачальников не отрицал причастности к заговору, хотя некоторые все же пытались преуменьшить степень своей вины. Что касается лично Белова,

справедливость выдвинутых судом обвинений сомнений у него не вызывала. В письме он ясно дает понять: подсудимые дали признательные показания и сами сознались в содеянном.

Историку Н. С. Черушеву представилась уникальная возможность изучить архивно-следственное дело Белова, взятого под стражу в январе 1938 г. По словам исследователя, «в судебном заседании, которое заняло всего 20 минут, Белов признал себя виновным и показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил». Среди прочего Черушев пересказывает содержание приговора Военной коллегии от 29 июля 1938 г., где, по его словам, говорилось о следующем: «В 1931 году Белов лично установил связь с одним из руководителей организации правых в ВКП(б) – Н. И. Бухариным, от которого получил указания об усилении антисоветской деятельности. Через членов партии левых эсеров В. Н. Черневского (начальника отдела в Строительно-квартирном управлении РККА), Н. А. Паскуцкого (заместителя наркома земледелия СССР) он имел непрерывную связь с ЦК Трудовой крестьянской партии в Праге, получая от ее лидера Маслова соответствующие указания и информируя его о деятельности эсеровского подполья в СССР, а также передавая ему шпионские материалы об РККА. В 1930 году Белов, будучи в командировке в Германии, лично установил связь с агентом английской разведки Бейли, до 1937 года снабжая эту разведку шпионскими сведениями. Отмечалось, что в своей антисоветской деятельности Белов как один из организаторов военно-эсеровской организации был связан с руководителем военно-фашистского заговора Тухачевским и с группой правых в Красной армии в лице А. С. Булина, заместителя начальника Политуправления РККА, а также с другими антисоветскими организациями.

Пожалуй, ни у кого из советских военных деятелей, подвергшихся репрессиям в 1937–1938 годах, нет такого широкого диапазона антисоветской деятельности, как у Белова, если не считать М. Н. Тухачевского и его подельников. Кроме признания им своей вины, обвинительный приговор в отношении Белова был основан также на показаниях арестованных по своим делам А. Г. Гордона, А. А. Рейценштейна, И. В. Запорожца, Б. Н. Иванова, И. Д. Капуловского и других».

Белов, арестованный по обвинению в шпионаже, на предварительном следствии сознался в своих преступлениях и подтвердил признательные показания в суде. В отсутствие веских причин (таких, как алиби) или иных аргументированных сомнений – признания, полученные на предварительном следствии и подтвержденные обвиняемым в суде, в уголовно-

процессуальной практике принято считать доказательствами вины.

Следует поблагодарить Черушева за опубликованные в его книгах сведения, поскольку те идут вразрез с представлениями самого автора о невиновности казненных военачальников и фальсификации их уголовных дел. И если Белов взаправду был причастен к заговору, тогда нетрудно понять, почему его запоздалые впечатления столь расплывчаты: чем меньше сказано, тем лучше…

* * *

Прошло более 50 лет с того времени, когда лица, представшие на скамье подсудимых по делу военно-фашистской организации в Красной армии, были провозглашены невинными жертвами сталинского произвола. Некоторые из военачальников, в том числе маршал Тухачевский, обрели репутацию национальных героев.

Однако концепция, казавшаяся удовлетворительной в течение нескольких десятилетий и нашедшая отражение в реабилитационных справках и других источниках полувековой давности, сегодня все чаще обнаруживает серьезные прорехи и недочеты. Немалое значение имеет и тот факт, что, несмотря на партийную и судебную реабилитацию военачальников, осужденных по делу Тухачевского, в последние годы появились документальные свидетельства, указывающие на наличие несанкционированных контактов маршала с эмиссарами иностранных держав и его причастность к разработке планов отстранения от власти партийно-правительственного руководства СССР. И число таких источников растет. Поэтому в научно-историческом плане вопрос о невиновности Тухачевского нельзя считать окончательно установленным.

В 2012 г. завершается 75-летний срок ограничения доступа к уже рассекреченным материалам дела Тухачевского, в том числе к стенограмме закрытого процесса над командирами Красной армии. Но так и не ясно: будут ли эти документы, наконец, преданы широкой гласности? В 1993 г., отвечая на подобный вопрос, полковник Алкснис отмечал: «Похоже, что там, в 1930-х годах, стоит некая пушка, которая может выстрелить по нам, по нашему времени. И все может тогда повернуться совершенно иным образом. А пока… Пока создано определенное представление о тех событиях и делается все, чтобы именно такое представление поддерживать…»

Нам остается лишь надеяться, что публикуемое письмо Буденного, возможно, даст импульс к обобщению имеющихся материалов и новому изучению причин, приведших группу высокопоставленных военачальников на скамью подсудимых, к объективному, политически непредвзятому рассмотрению всех обстоятельств их громкого дела.

Письмо С. М. Буденного маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову

...

«СОВ. СЕКРЕТНО. ТОЛЬКО ЛИЧНО.НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССРМАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Хочу изложить вам свои впечатления по прошедшему 11.6.37 процессу контрреволюционной военной фашистской организации на заседании специального присутствия Верховного суда Союза ССР по обвинению в измене Родине, шпионаже, вредительстве и диверсионной деятельности Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путна.

При открытии заседания суда подсудимым было зачитано обвинительное заключение, которое произвело на них исключительно сильное, подавляющее впечатление. Особенно растерялись Эйдеман и Фельдман, хотя и все подсудимые с точки зрения мужества производили весьма жалкое впечатление. Внешне они выглядели жалкими ничтожными слюнтяями.

Допрос начался в следующем порядке: Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Примаков, Фельдман. В таком же порядке им было предоставлено последнее заключительное слово.

В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были прийти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами, при помощи вооруженного переворота и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения, с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши. При последнем варианте в виде компенсации интервентам им отдавалась часть территории нашего государства: Украина – Германии, Дальний Восток – Японии.

Для поражения советских армий у заговорщиков была

договоренность с германским Генштабом в лице генерала Рунштедта и генерала Кестринга, и специально составлялся план поражения РККА во время войны.

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши.

Возникновение заговора относится, по сути дела, к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила «беспринципная групповщина». Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к «известным» «большим» людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930–1931 годов.

В 1934 году от этих «беспринципных разговоров» перешли к объединению единомышленников, и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу, и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строевой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т. д.

Считалось, что для выполнения всех этих задач должна быть прежде всего строжайшая армейская конспирация. Для этой цели применялась тактика двурушничества в партии и очковтирательство в работе.

К концу Якир заявил, что в нем сочетались два Якира. Один, дескать, советский, а другой – враг народа, шпион, предатель, диверсант, террорист – все, что хотите.

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на

предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия по сравнению с германской и польской армиями по своей численности была на 60–62 дивизии меньше. Этот явный перевес в вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военного фашистского заговора.

Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским Генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал кроме разговоров на словах, хотя тут же признает, что это тоже шпионаж.

После этого тов. Ульрих ему зачитал его же показания, где Тухачевским было написано, что он лично передал письменный материал агенту германского Генштаба по организации, дислокации и группировке мотомехчастей и конницы БВО и УВО и что по его же, Тухачевскому, заданию Аппога передал германскому агенту график с пропускной способностью военных сообщений, а Саблин, по его же заданию, передал схему северной части Летичевского укрепленного района.

После вышесказанного Тухачевский показал то, о чем уже говорил Якир, с разницей в некоторых вариациях.

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир. Ничего нового не добавил, но пытался отрицать свое участие в заговоре до 1934 года и что до 1934 г. он-де, Уборевич, работал честно. Между тем при заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформился и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но

активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Примаков, т. е. что это был сговор.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник – по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра.

Корк в своем выступлении показал, что он являлся участником заговора и членом центра с 1931 года. В связи с этим Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже знали все детали плана этого заговора, но почему-то на суде об этом не говорили, считая себя заговорщиками только с 1934 года.

Корк показал, что о кремлевском заговоре он, Корк, докладывал Тухачевскому в 1931 году в присутствии Якира и Уборевича, и отсюда Корк делает вывод, что Тухачевский, Уборевич и Якир официально вступили в заговор в 1931 году, а не в 1934-м. «Неужели же они, – говорит Корк, – слушая мой доклад о кремлевском заговоре, еще не были членами и соучастниками заговора? Все это они скрывают от суда, скрыли и от следствия».

Дальше Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он, Корк, Горбачев, Егоров, бывший начальник школы им. ВЦИК, и Именинников, помполит школы ВЦИК.

В остальном Корк говорил то же, что уже показывал на предварительном следствии. Но особенно Корк подчеркнул вопрос о пораженческом плане в отношении Красных Армий во время войны, и в связи с этим планом он остановился на последних военных играх, проводимых Генштабом РККА, где считалось, что Латвия, Литва и Эстония будут нейтральными государствами во время войны, тогда как на самом деле немцы должны были организовать главную группировку своих сил с таким расчетом, чтобы ударить в правый фланг красным армиям именно через нейтральные государства.

На мой вопрос, почему же Корк считает, что немцы должны наносить главный удар с территории нейтральных государств, откуда ему это известно, и знал ли Корк о том, что такой сговор нейтральных государств с немцами имеется уже теперь, или же он сам предполагает, что немцы не будут считаться с нейтралитетом этих государств, Корк ответил, что это ему известно со слов Тухачевского и других источников он не знает. Однако он, Корк, считает, что этот вариант является явно вредительским и пораженческим именно потому, что Генштаб РККА в своих планах исходил из того, что нейтралитет упомянутых государств немцами нарушен не будет. На военной игре Тухачевский играл за «синюю» сторону и умышленно держался указанного взгляда Генштаба РККА, т. е. что нейтралитет этих государств Германией нарушен не будет, и поэтому Тухачевский направлял главный удар германских армий несколько южнее, чтобы не создать впечатление, что Германия будет бить со стороны нейтральных государств.

Несмотря на то что этот исключительно актуальный вопрос все же не был уточнен дополнительными показаниями Тухачевского, тем не менее члены суда считали, что по этому вопросу Тухачевского спрашивать не следует. Я же лично полагаю, что этот вопрос весьма интересный с той точки зрения, что, видимо, Тухачевскому было известно о сговоре Германии по этому вопросу с так называемыми нейтральными в период войны Прибалтийскими государствами.

После этой игры, показывает Корк, заговорщики считали, что они добились самого главного во вредительстве, преследующего целью поражение Красной Армии.

Далее Корк показал, что он, будучи командующим войсками Московского военного округа, проводил при помощи Енукидзе, Ягоды, Горбачева, Векличева, Аронштама, Германовича, Егорова и Именинникова подбор командного и начальствующего состава с тем, чтобы московский гарнизон, помимо заговора в Кремле, был бы способен совершить вооруженный переворот. Для этой цели Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир и он, Корк, подбирали специальные кадры. Они стремились назначать своих людей на должности командиров войсковых частей и соединений, начальников складов, строительства, работников по вооружению, мобилизационной работе, боевой подготовке и т. д. Между прочим Корк заявил, что ряд вопросов, которые ему стали известны только на самом суде, раньше для него не были известны. Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариным и Рыковым.

Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т. д. только попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта. И 29 ноября 1934 года, как показывает Корк, Тухачевский у него на квартире об этом заявил совершенно определенно при всех присутствовавших там.

Эйдеман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдеман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным.

Путна – этот патентованный шпик, убежденный троцкист современного типа троцкизма, действующего под знаменем фашизма, показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий. На вопрос тов. Дыбенко об издевательствах над т. Беловым в Берлине, Путна ответил, что это только один небольшой эпизод из совершенных им более важных и серьезных преступлений.

Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех. Но в своем выступлении ничего кроме того, что он показал на предварительном следствии, не добавил. Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористический группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других, а также и то, что он якобы до ареста руководил ленинградской террористической группой в лице Бакши – бывшего начальника штаба мехкорпуса и Зюка. Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования.

Примаков, однако, не отрицал, что он раньше руководил террористической группой и для этого просил Шмидта на должность командира мехкорпуса.

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25-ю кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну стрелковую дивизию и

механизированный корпус. Какую именно стрелковую дивизию – я не помню, но по его выступлению можно установить.

Фельдман показал то же самое, что и Корк, в том смысле, что Фельдману тоже не все было известно о планах заговорщиков, и он узнал много нового из обвинительного заключения и в процессе суда. Тем не менее Фельдман признал себя активным членом центра с 1934 года, но подчеркнул, что обработка его Тухачевский началась уже с тех пор, когда он служил в Ленинградском военном округе, которым командовал Тухачевский.

Фельдман признает, что именно в этот период он сблизился с Тухачевским, и когда Тухачевский, будучи уже зам. наркома, поставил перед Фельдманом вопрос о существовании заговора, Фельдман заколебался: взять ли Тухачевского за шиворот и выдать или присоединиться к заговорщикам. Сделал последнее.

Далее Фельдман показал, что по заданию Тухачевского и Гамарника он подбирал сторонников организации на соответствующие должности. Причем, когда он однажды доложил Тухачевскому о результатах своей работы, Тухачевский был очень недоволен ею, так как Фельдман еще не завербовал никого из более или менее известных фигур. И поэтому, когда Фельдман лично завербовал Аппогу, Ольшанского, Вольпе и других, то этим Тухачевский остался доволен.

Фельдман признает, что многих из намеченных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его, Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана.

Заключительные слова подсудимых

Якир

Якир говорил 5–7 минут. Заявил, что он был честным бойцом до 1934 года, после чего изменил и стал врагом революции, партии, своего народа и Красной Армии, но в нем все время сидели два человека: один Якир – красноармейский, другой Якир – враг. Вместе с тем Якир считает, что эти два человека – один враг, а другой советский – довлели на него включительно до того времени, пока он не попал в стены НКВД, а когда он, Якир, будучи арестованным, сказал всю правду следствию, говорит всю правду суду и всем присутствующим на суде, что он, Якир, разоружился как контрреволюционер и стал настоящим гражданином Союза, что он «любит» армию, «любит» советскую страну, «свой» народ и снова готов работать «по-честному», как «большевик», что он «предан» без остатка тов. Ворошилову,

партии и тов. Сталину, – поэтому просит смотреть на него теперь так, каким он был прежде.

Что касается его вредительства в РККА, то он показал то же, что и на предварительном следствии.

Тухачевский

Тухачевский не добавил ничего, кроме того, что показал на предварительном следствии, но в то же время пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один – советский, а другой – враг, и что он также просит суд учесть, что он до 1934 года работал как «честный большевик и боец».

Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, – все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее, такого быстрого следствия и суда.

В конце концов Тухачевский виновным себя признал.

Уборевич

Уборевич в своем заключительном слове выступил по-военному кратко.

Суть его речи заключалась в том, что он сказал: «Я прошу, граждане судьи, учесть, что я честно работал до 1934 года, и мое вредительство на авиационные части и на выбор укрепленных районов с точки зрения их тактической полезности не распространялось, потому что укрепленные районы выбирались тогда, когда я не был еще вредителем и врагом. В последующем я вредил тем, что их не вооружил по-настоящему, и некоторые амбразуры на точках укрепленных районов были направлены не в сторону противника, а в сторону, невыгодную для обороняющегося, т. е. преследовал цель поражения укрепленных районов».

Что касается плана поражений, то Уборевич предлагал построить эшелоны вторжения таким образом, что они должны были в первые дни войны погибнуть, особенно конница.

Дальше Уборевич сказал: «Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем не искупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат, присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся в стенах НКВД, когда

показал честно и до конца все свои преступления».

Корк

Корк в своем заключительном слове сказал:

«Я совершил преступление перед правительством и народом, перед Советской страной. До 1931 года я был честным бойцом и командиром, а потом сделался врагом, шпионом, агентом, диверсантом, предателем…» Когда Корк произносил эти слова, в его голосе слышался плач, он прослезился, после чего сделал полуминутную паузу и продолжал: «Прошу суд учесть, что я был честным бойцом до 1931 года и теперь разоружился, и считаю себя советским гражданином, и умираю как советский гражданин. Пусть об этом знает наша партия, Советская власть и народ. Я совершил такое преступление, которое одной жизнью искупить нельзя. Пусть на моем примере учатся другие. Пусть знают, что Советской власти изменять нельзя. Мы видим, как развивается в нашей стране социализм. Во время коллективизации сельского хозяйства я колебнулся и попал в лагерь фашизма.

Надеюсь, что Советская власть на основе сталинской Конституции, где сказано в одной из статей, что советский народ великодушен и что он даже врагов может помиловать, – учтет это».

Эйдеман

Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь с того, что он-де, Эйдеман, случайно попал в эту организацию, будучи обижен при присвоении военных званий, будучи недоволен руководством армией, а также политикой партии в деревне при коллективизации, что он, Эйдеман, невольно примкнул к этой контрреволюционной организации и совершал по ее заданию (и прежде всего по заданиям Тухачевского и Гамарника) невероятные преступления.

Он говорил: «Я, Эйдеман, упал в такую пропасть, у которой нет дна. Я давал задания людям, которые мною были завербованы, и они перечислены мною в материалах предварительного следствия, – я давал задание взорвать Донской мост. Это задание я давал через Иванова; задание взорвать мост через Волгу я давал через председателя горьковского краевого Осоавиахима. Взрывы мостов должны были быть выполнены во время войны. Эти задания я получал непосредственно от Тухачевского. Я насаждал контрреволюционные повстанческие организации среди донских и кубанских казаков по заданиям Тухачевского и Гамарника. Кто именно готовил эти восстания, об этом знает зам. председателя Осоавиахима в Ростове и зам. председателя ОСО в Горьковском крае.

Во мне, Эйдемане, было также два человека. Нелегко было давать эти задания, когда я видел развитие победоносного шествия социализма. Я много раз думал: кто я – больше советский человек или враг? И тогда на меня давила наша контрреволюционная организация, и я выполнил ее задания. В то же время, когда я давал задания, я чуть не плакал. Я понимал, что я враг народа, народа, который меня любит и доверяет.

Я прошу суд учесть, что я был преданным бойцом до 1934 года, потом стал врагом. Думаю, что моя контрреволюционная работа все же меньше имеет результатов, чем работа советская. Я прошу суд это учесть».

Путна Путна в своем заключительном слове сказал: «Конечно, никакой пощады от суда я не прошу, но прошу суд учесть, что я – командир РККА, во время революции дрался за нее. Тем не менее, после Гражданской войны я стал крепким сторонником Троцкого. Я считал: то, что говорит Троцкий – это все правда. Разумеется, я не вникал в большевистскую сущность революции, хотя органически чувствовал, что я с большевиками, но тем не менее оставался троцкистом. Я никогда не задумывался о том, куда меня приведет моя троцкистская позиция. Я должен честно сознаться перед судом, что, так же как и у других подсудимых, у меня теперь создалась определенная вера в «наше» великое большевистское государство. Я чистосердечно раскаялся в стенах НКВД и стал честным советским гражданином. Во мне тоже сидели два человека: один – красноармеец, другой – предатель, преступник, – что хотите. Я нарушил нашу красноармейскую присягу, а в ней говорится, что «тот, кто изменил Советской власти, правительству и Красной Армии, карается беспощадной революционной рукой». Поэтому я не прошу никакой пощады, но надеюсь, что граждане судьи учтут мое честное пребывание командиром в РККА ранее и сделают отсюда соответствующие выводы».

Примаков

Примаков в своем заключительном слове выступил с такой речью:

«Я, Примаков, хочу, чтобы суд и судья знали, с кем они имеют дело. Нам, восьмерке подсудимых, я хочу дать анализ: во-первых, подсудимым; во-вторых, нашей контрреволюционной фашистской организации; в-третьих, под чьим знаменем мы шли.

Кто такие подсудимые по социальному положению?

Эти люди в социальном отношении представляют из себя сброд. Кто такой Тухачевский? Этот тип принадлежит к обломкам контрреволюционных офицерских заговоров против Советов. Его родина – фашистская Германия.

Корк, Уборевич, Эйдеман и Путна имеют свою родину в своих странах. Там у них и семьи и родные. Это и есть их родина.

Якир – этот купец 2-й гильдии в Румынии, там имеет семью. Там у него и родина.

Фельдман – американский купец. Родина, семья и родня у него в Америке. Там у него и родина.

А я, Примаков, являюсь охвостьем так называемой мелкой буржуазии с троцкистскими настроениями, прошедший школу троцкизма от начала до конца в течение 18 лет. В этой школе сосредоточились отбросы человеческого общества. Самым злым и заядлым врагом являлась и является троцкистская оппозиция и люди, в ней участвующие.

Скажите же, граждане судьи, где у них и у меня родина? Советский Союз для них временное пристанище. Родина подсудимых там, где живут их семьи, с кем они связаны. Там их родина, а не в СССР.

Я не желаю никому на свете попасть в эту фашистско-троцкистскую яму.

Я должен сказать честно и открыто перед судом, что мы нарушили красноармейскую присягу и нас всех надо расстрелять и уничтожить как гадов, преступников и изменников советскому народу. Мы все знаем, что советский народ и его партия, большевики, ведут страну к счастью – к коммунизму.

Я, так же как и другие, был человеком двух лиц.

Я должен также передать суду свое мнение о социальном лице контрреволюционной организации, участником которой я являлся. Что это за люди? Я знаю половину людей этой организации как самого себя – это человек 400. Вторую половину я тоже знаю, но несколько хуже. А всех 800 – 1000 человек в нашей армии и вне ее.

Если дать социальную характеристику этим людям, то, как ни странно, я пытался вербовать людей из рабочих, но из этого ничего не получилось. В нашей организации нет не одного настоящего рабочего. Это суду важно знать. А отсюда я делаю вывод, что мы, заговорщики, вообразили, что можем руководить великой страной, советским народом и что для этого нужно полдюжины или дюжина Наполеонов. Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии».

Фельдман

Фельдман в своем заключительном слове остановился на том, что их центр сложился не в 1934 году, а в 1931 году, и больше

того, что он показал на предварительном следствии, показать не может.

Тем не менее Фельдман пытался объяснить, как он запутался в этом деле, и указал, что его предварительно обрабатывал Тухачевский еще будучи в Ленинградском военном округе, а потом он стал на контрреволюционную позицию и выполнял задания Тухачевского.

Относительно своей родины Фельдман сказал, что он до Советской власти не имел никакой родины и был гоним как еврей. В старой армии он служил ефрейтором, а в Красной Армии дослужился до комкора, что соответствует чину генерал-лейтенанта. И все же это не помешало ему стать контрреволюционером. Будучи самым близким человеком к наркому обороны, облеченный властью и доверием, он врал и обманывал наркома обороны как враг.

Далее Фельдман говорил, что он работал как честный красноармеец до оформления себя как контрреволюционера, и просит суд при всех присутствующих на суде снисхождения к себе, что он якобы запутался и попал в это дело совершенно несознательно. Вместо того чтобы взять за шиворот Тухачевского и привести его к наркому, он был малодушен.

Фельдман просит суд простить его, обещает честно работать, что он в стенах НКВД разоблачился, снял с себя всю грязь и хочет на деле смыть это своею кровью, быть до конца преданным партии и Советской власти.

ВЫВОД:

1. Тухачевский, Гамарник, Корк, Якир, Уборевич, Примаков, Путна, Фельдман и Эйдеман – это патентованные шпионы, и не с 1934 года, а с 1931 года, а некоторые и раньше затесались к нам с самого начала революции. А для того чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как врун и путаника.

2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые, безусловно, пытались скрыть, по-видимому, из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зиновьевцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников.

3. Из показаний подсудимых Тухачевского, Корка, Якира и Уборевича видно, что план поражения красных армий во время войны они решили разработать по своей инициативе и только после этого согласовать его с германским Генеральным штабом.

В связи с этим во время оперативных игр, проводимых

Генштабом РККА, они делали для своего пораженческого плана соответствующие наметки, но ввиду своего ареста они его недоработали и якобы не успели передать германскому Генштабу.

От генерала Рунштедта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украине – Львов, Киев и второе – захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, причем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам.

Кроме помощи авиацией предполагалась помощь Германии в вооружении и всем необходимым для успешного развития операции по захвату Ленинграда.

Подсудимые хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть, не столь подробный, все же германской разведке был передан. Это облегчалось тем, что Кестринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах.

4. Будет ли использована территория нейтральных во время войны Прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта?

Мне кажется, этот вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим, безусловно, воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность знакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся первые последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и емкость их не рассчитаны на малочисленную авиацию Прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии.

Поэтому я считаю необходимым еще раз просмотреть оперативно-стратегические планы и наметить вытекающие отсюда мероприятия.

Не могу не высказать своего мнения в отношении «дружеского» приезда Мунтерса именно в связи с разоблачением контрреволюционной и шпионской шайки. Мне кажется, его приезд связан с провалом и разоблачением этой организации как маскировка и, видимо, по указке Гитлера.

Исходя из последнего, я считаю абсолютно необходимым всеми возможными средствами это дело проверить.

...

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С. Буденный
26 июня 1937 г. № 0039 Москва».

И. Шеховцов Фальсификация века: кровь Тухачевского на протоколе допроса

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗАЯВЛЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1957 г. был отменен приговор Специального судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении бывшего Заместителя Наркома Обороны СССР Маршала Советского Союза Тухачевского М. Н., осужденного к высшей мере наказания – расстрелу за измену Родине и другие контрреволюционные преступления. Дело на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Определение Военной коллегии опубликовано в журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 4, апрель 1989 г.). Там же опубликована обобщенная справка Комитета партконтроля при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в которой, как в ней указано, использованы документальные материалы из архивов этих учреждений, свидетельствующие о фальсификации уголовного дела, необоснованном осуждении Тухачевского и других участников «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии и о применении при расследовании дела в отношении Тухачевского «жестоких мер физического воздействия». О применении этих мер, согласно справке, свидетельствует заключение судебно-медицинской экспертизы от 28 июня 1956 г.: «В пятнах и мазках на листах 165,166 дела № 967581 обнаружена кровь… «Об этом сказано и в определении Военной коллегии, в котором приведено заключение зам. Главного военного прокурора Терехова: «О применении к арестованным жестоких мер физического воздействия свидетельствует тот факт, что на протоколе допроса Тухачевского от 1 июня 1937 г., где зафиксировано признание вины Тухачевского, обнаружены пятна, которые по заключению биологической экспертизы являются каплями и мазками человеческой крови».

ЗАЯВЛЯЮ: сфальсифицировано не уголовное дело Тухачевского, а материалы о его реабилитации. Крови на протоколе допроса Тухачевского в 1937 г. не было, она туда попала в 1956 г. в связи с подготовкой сфальсифицированных

материалов для его реабилитации.

Поставим, товарищ Генеральный прокурор, себя на место следователя, который 1 июня 1937 г. допрашивал Тухачевского. В определении Военной коллегии сказано, что в протоколе допроса зафиксировано признание Тухачевского. Если признание зафиксировано, зачем следователю его избивать, для чего ему понадобились доказательства избиения – кровь на протоколе допроса.

Второй вариант: кровь Тухачевского попала на еще незаполненный бланк протокола его допроса во время избиения с целью получения «признательных» показаний. Согласитесь, ни один следователь, если он не находится в состоянии, исключающем возможность отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, не будет записывать такие показания на бланке протокола, на котором кровь Тухачевского – доказательство его избиения.

Идем дальше за следователем. Закончив расследование, он формирует материалы дела для подшивки в определенном порядке. Особое внимание при этом, естественно, обращается на протоколы допроса, в которых зафиксированы «признательные» показания Тухачевского. Опять же, только упомянутым выше состоянием следователя можно объяснить тот факт, что он подшил в дело «окровавленный» протокол допроса Тухачевского, а потом дело с этим протоколом передал своему начальству для направления его прокурору, а затем в суд.

* * *

Из упомянутой выше справки усматривается, что с протоколами допроса признавшего свою вину Тухачевского знакомился Нарком внутренних дел Ежов. Думаю, Вы согласитесь с тем, что Ежов не допустил бы «присутствия» в уголовном деле этого протокола – тем более что еще 29 мая Тухачевский при допросе Ежовым признал свою вину.

В справке указано: «Сталин повседневно занимался вопросами следствия по делу о «военном заговоре». Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Н. И. Ежова». Сталина, естественно, в первую очередь интересовали показания организатора «военного заговора» маршала Тухачевского, признавшего свою вину. Конечно же, ему были представлены и показания от 1 июня. Но, согласитесь, на протоколе допроса тогда не могло быть крови.

С 1 по 4 июня, – указывается далее в справке, – дело

Тухачевского и др. рассматривалось на расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). Все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского. Конечно же, и с протоколом его допроса от 1 июня. И тогда, согласитесь, на этом протоколе не могло быть крови. 2 июня 1937 г., – указывается в справке, – выступивший на Военном Совете Сталин, сославшись на показания арестованных, в т. ч. и Тухачевского, сделал вывод, что он был одним из военных руководителей военного заговора против Советской власти. Не мог, согласитесь, Сталин ссылаться на показания Тухачевского от 1 июня, если бы на протоколе его допроса была кровь. Значит, по состоянию на 2 июня этот протокол еще не был «окровавлен».

9 июня при допросе Прокурором Союза ССР Вышинским и помощником Главного военного прокурора Суббоцким Тухачевский признал свою вину. Прокурорскими подписями на протоколе его допроса, как указывается в справке, была подтверждена «достоверность» показаний Тухачевского на следствии. Понятно, Вышинскому и Суббоцкому были известны показания Тухачевского от 1 июня. Значит, и по состоянию на 9 июня протокол допроса Тухачевского еще не был «окровавлен».

В тот же день Вышинский подписал обвинительное заключение. В этом итоговом документе предварительного следствия, как вам известно, приводятся показания обвиняемых. Следователь не мог не сослаться на протокол допроса Тухачевского от 1 июня. Раз он сослался на этот протокол, значит, он еще не был «окровавлен».

10 июня состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения и предании суду Тухачевского и др. Наверное, Специальное присутствие не утвердило бы обвинительное заключение и не предало суду Тухачевского, если бы на протоколе его допроса была кровь. Значит, и 10 июня этот протокол еще не был «окровавлен».

11 июня дело было рассмотрено. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, в т. ч. и Тухачевский, признали себя виновными. Согласитесь, Тухачевский, несомненно знавший, какая мера наказания ему грозит, не мог не заявить в суде, что «признательные» показания он дал после применения в отношении него мер физического воздействия при допросе 1 июня. Он не мог не видеть крови на протоколе допроса, т. к. он этот протокол подписывал. Раз видел этот протокол и не сказал, что на нем была его кровь, хотя

должен был бы об этом сказать – значит, там крови не было. Такова логика фактов…

Особое значение этот факт (кровь на протоколе допроса Тухачевского) приобретает в связи с тем, что он является единственным приведенным в указанной справке и в определении Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1957 г. доказательством применения незаконных методов следствия в отношении Тухачевского. Другие доказательства применения незаконных методов следствия, перечисленные в определении коллегии и в заключении, которое в заседании коллегии дал зам. Главного военного прокурора Терехов, никакого отношения к Тухачевскому не имеют…

* * *

Итак, кровь на протоколе допроса Тухачевского – единственное доказательство применения к нему мер физического воздействия. Доказательство того, что, как указано в определении Военной коллегии от 31.01.1957 г., дело по обвинению Тухачевского было сфальсифицировано.

Кто же сфабриковал это доказательство? Несомненно, Прокуратура СССР при расследовании в 1956 г. вновь открывшихся обстоятельств (кровь на протоколе допроса Тухачевского) выясняла этот вопрос. Прежде всего был допрошен следователь, которому Тухачевский, как считается, дал «признательные» показания в результате применения мер физического воздействия. Были допрошены также и др. имевшие отношение к расследованию дела Тухачевского работники НКВД по вопросу о происхождении крови на протоколе допроса Тухачевского.

Никто из них, конечно, не дал показаний о том, что его избивали. Все они в один голос заявили, что на том протоколе никакой крови в 1937 г. не было. Протоколы их допроса к материалам расследования вновь открывшихся обстоятельств не приобщены. Именно поэтому в справке и в заключении Терехова об этих показаниях ничего не говорится. А это тоже фальсификация материалов реабилитации Тухачевского. Понимали это и члены Военной коллегии, сославшиеся в определении о прекращении дела Тухачевского на «окровавленный» протокол его допроса. Понимали, а прекратили. Так надо было тогда поступить.

Кому это было надо? Хрущеву, организатору кампании по дискредитации Сталина. Для него в то время фабриковались

такие реабилитационные материалы, обнародованные им потом в сенсационном докладе 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС и в многочисленных выступлениях после съезда, в которых он обвинял Сталина в организации незаконных репрессий и приводил факты применения по его указанию насильственных мер к невиновным людям.

Почему же Хрущев в своих выступлениях не назвал самого сенсационного факта – кровь на протоколе допроса Тухачевского как доказательство его избиения с целью получения «признательных» показаний по указанию Сталина? Здесь могут быть две причины:

Первая. Те, кто снабжал фактами Хрущева, понимали, что эпизод с «окровавленным» протоколом допроса Тухачевского, как говорится, шит белыми нитками. Потому, во-первых, что «куда-то делись» протоколы допроса следователя, «избивавшего» Тухачевского, и др. ответственных работников НКВД, которые отрицали наличие крови на том протоколе. Об этих протоколах мог спросить Хрущев или его помощник по реабилитации (конечно же, грамотный юрист), если бы им «подбросили» этот факт.

Во-вторых, на поверхности лежал еще один вопрос, которым Хрущев или его помощник могли заинтересоваться: чем доказано, что кровь на протоколе допроса его, Тухачевского, кровь? И, в-третьих, – чем доказано, что эта кровь попала на протокол допроса Тухачевского в 1937 г., когда его «избивали», а не в 1956 г., когда готовились материалы для его реабилитации? На эти вопросы «почему-то» нет ответов в заключении судебно-медицинской экспертизы от 28 июня 1956 г., на которую сослались Прокуратура и Верховный Суд СССР…

Хрущев не мог всего этого не понимать. Поэтому тот факт и оставался не обнародованным до 1989 г., когда уже ни одна экспертиза, как рассчитывали организаторы антисталинской истерии, не сможет ответить на те два вопроса: а) Тухачевского ли кровь на протоколе его допроса от 1 июня 1937 г.; б) когда (в 1937 или 1956 г.) она попала на этот протокол. Они, организаторы этой истерии, могли рассчитывать и на то, что ни один эксперт в России сегодня не решится дать честный ответ на те вопросы. А также на то, что, по их мнению, среди оболваненных и подавленных режимом, нравственно разложившихся граждан наших вряд ли найдется человек, которого «все это волнует».

* * *

Я из тех, кто не остался равнодушным к фактам фальсификации реабилитационных материалов на осужденных в 30-е годы врагов народа с целью дискредитации Сталина, Советской власти и в конечном счете с целью разрушения первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Поэтому прошу возбудить уголовное дело по факту фальсификации реабилитационных материалов в отношении осужденного 11 июня 1937 г. Тухачевского М.Н…

Это дело должно быть возбуждено немедленно, без доследственной проверки, потому что наличие преступления – изготовление необходимого для реабилитации Тухачевского «окровавленного» протокола его допроса – думаю, и у Вас, товарищ Генеральный прокурор, не вызывает сомнений. Как и наличие другого преступления – вынесение Военной коллегией Верховного Суда СССР заведомо неправосудного, основанного на этом протоколе определения о прекращении дела Тухачевского.

При расследовании дела должны быть поименно названы не только лица, окропившие в 1956 г. кровью протокол допроса Тухачевского от 1 июня 1937 г., но и все соучастники этого преступления (организаторы, пособники и подстрекатели) и судьи, вынесшие заведомо неправосудное определение…

Одним из оснований для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, как указано в законе, является установленная расследованием подложность вещественного доказательства, повлекшая вынесение необоснованного определения о прекращении дела. Думаю, и у Вас, товарищ Генеральный прокурор, не вызывает сомнения наличие в нашем случае такого вещественного доказательства – «окровавленного» протокола допроса Тухачевского от 1 июня 1937 г.

Поэтому прошу Вас по окончании расследования направить в Верховный Суд Российской Федерации материалы расследования со своим заключением об отмене определения Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1957 г. в отношении Тухачевского М.Н…

Если Вами будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, прошу, как того требует закон, направить мне мотивированное постановление по этому вопросу.

…

Старший советник юстиции ШЕХОВЦОВ И.Т.»г. ХАРЬКОВ, 3 февраля 1999 г.,

Комментарий И. Шеховцова: «Уголовное дело не было возбуждено, потому что его возбуждение разоблачило бы вымыслы о Сталине – организаторе репрессий в отношении высшего начальствующего и командного состава Красной Армии, поставило под сомнение обоснованность массовых реабилитаций 1950—1960-х годов. Генеральная Прокуратура РФ так и не ответила на мое заявление – мотивировать отказ в возбуждении уголовного дела было нечем».